

К 100-летию Суоруна Омоллона

4. Михаил Николаев.

Хранитель вечного.

“Меня не раз спрашивали, да и теперь спрашивают, почему свою книгу “Интеллигенция и цивилизация” я посвятил именно Дмитрию Кононовичу Сивцеву – Суоруну Омоллону? Неужели, говорили и говорят мне при этом, не нашлось человека более близкого для меня: жены, сына, дочери? Конечно, мне известны подобные традиции посвящения, но великая заповедь гласит: “Богу – Богово, кесарю – кесарево”.

Окно в Азию. Китай

14. Олег Сидоров. В гостях у великого соседа.

“Недавно успешно завершились Дни Республики Саха (Якутия) в городах Харбин и Пекин. Столица великой азиатской державы принимала якутян. Делегация республики достигла поставленных целей: презентация достижений в экономике и культуре прошла на самом высоком уровне”.

История семьи

Манньяттаах уола

26. Наши интервью.

**Сергей
Никифоров:**

“Я все больше горжусь тем, что я Никифоров – Манньяттаах”.

**№5-6 (52-53)
2006**

ИЛИН

Историко-географический,
культурологический журнал
Лауреат Национальной премии России
“Золотой лотос”
Победитель Всероссийских конкурсов
“Золотой Гонг – 2004”, “Патриот России”
Победитель Международного конкурса
“Обложка года 2005”.
Издается с мая 1991 года.

Учредители:

Автономная некоммерческая организа-
ция “Редакция журнала “Илин”,
Национальный фонд возрождения
“Барбары” при Президенте РС(Я).

Главный редактор: Олег Сидоров.

Редакция: Иван Иннокентьев,
Лена Захарова,
Изабелла Степанова,
Ирина Осенина,
Александр Семенов.

Научные консультанты: Егор Алексеев,
Анриан Борисов, Егор Шишигин.

Точка зрения авторов публикуемых ма-
териалов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

При использовании материалов журна-
ла ссылка на “Илин” обязательна.

Адрес редакции журнала “Илин”:
677000, г.Якутск, ул.Орджоникидзе, 31,
Дом печати, каб. 323. т. 42-33-25.
e-mail: ilin-yakutsk@narod.ru,
ilin_s@mail.ru

<http://ilin-yakutsk.narod.ru>

Фотографии и репродукции предостав-
лены авторами статей.

© “Илин”, 2006

Индекс 73997.

Зарегистрировано Саха-Якутским террито-
риальным управлением Министерства РФ по делам пе-
чати, телерадиовещания и средств массовых ком-
муникаций.

Свидетельство ПИ № 19-0472 от 19 декабря 2003 г.

Верстка: Владислав Оконешиников.

Подписано в печать 18.09.2007 г. Формат 60х90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 15.
Заказ № 64. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
Цена свободная.

38. Мария Гаврилова.

Якут в сопровождении
царской семьи, или
Несколько страниц из жизни
потомков купца
Г.В. Никифорова.

“Образ купца

I гильдии Гаврила Васильевича Никифорова,
удачливого предпринимателя и мецената, все
больше привлекает внимание. Интересуются и
его потомками. У купца была большая семья:
три дочери и пять сыновей, а также приёмные
дочь и сын. Меньше всего сведений
сохранилось о старшем сыне – Василии, так
как он последние годы жизни провёл в
центральной России”.

Славомир РАВИЧ

с. 44

Окончание. Начало смотрите в журнале
“Илин” в №№ 4 и 5 за 2004 г., № 2 за 2006 г.
Перевод с французского Веры Наумовой.

Форсированным маршем

Пешком от Полярного круга до Гималаев

60. Лилия Винокурова.

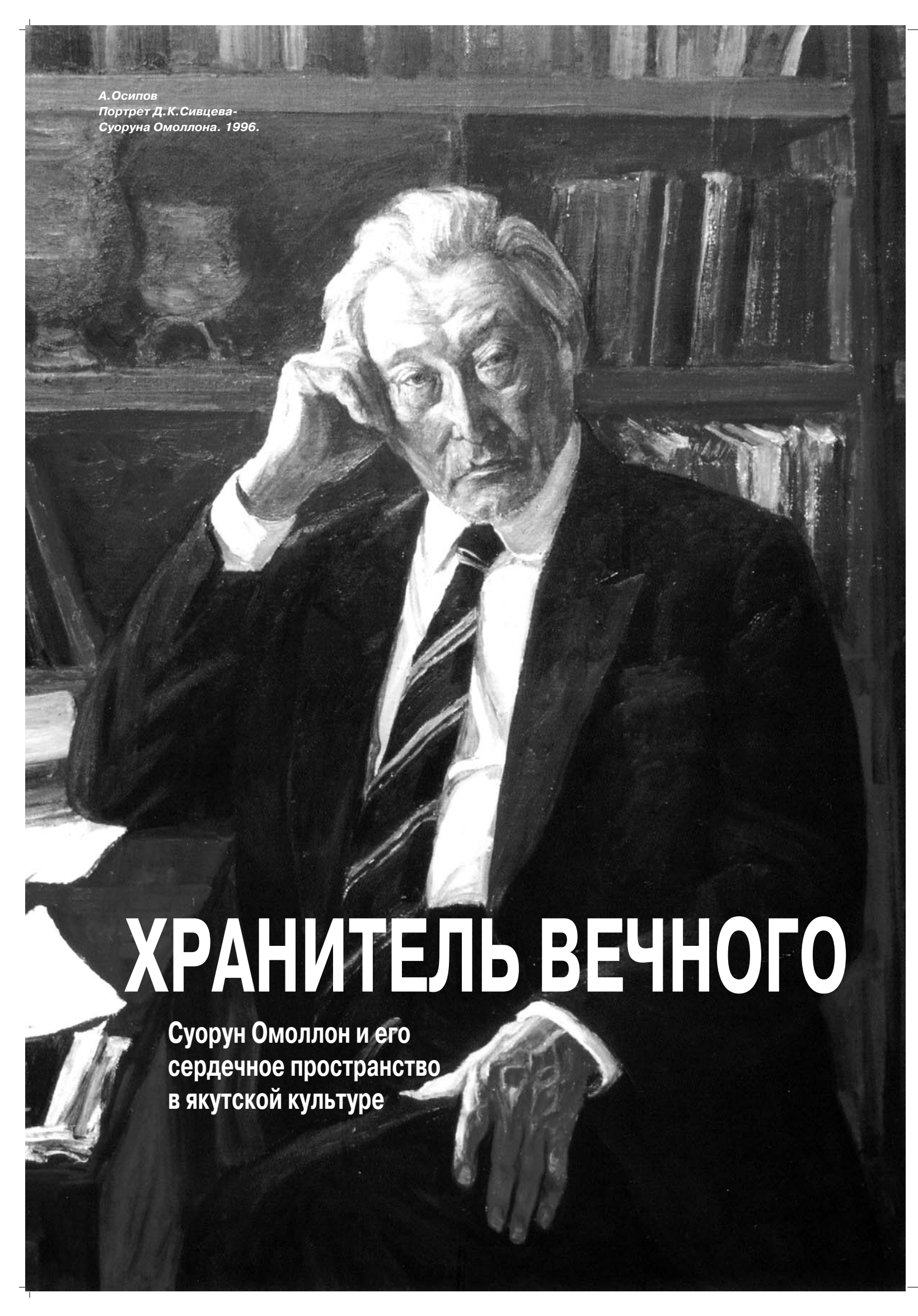
Пока живу в светящемся
мире... Сунтарская сага.

В журнале
использованы
фрагменты работы
В.Д. Иванова “Утро”
(Бумага, литография.
1972).

К 100-летию

СУОРУНА ОМОЛЛОНА

А.Осипов
Портрет Д.К.Сивцева-
Суоруна Омоллона. 1996.

ХРАНИТЕЛЬ ВЕЧНОГО

Суорун Омоллон и его
сердечное пространство
в якутской культуре

Меня не раз спрашивали, да и теперь спрашивают, почему свою книгу "Интеллигенция и цивилизация" я посвятил именно Дмитрию Кононовичу Сивцеву – Суоруна Омоллону? Неужели, говорили и говорят мне при этом, не нашлось человека более близкого для меня: жены, сына, дочери?

Конечно, мне известны подобные традиции посвящения, но великая заповедь гласит: "Богу – Богово, кесарю – кесарево". От момента замысла и до окончания работы над "Интеллигенцией и цивилизацией" передо мной не раз мысленно возникал образ Суоруна Омоллона – одного из старейших якутских интеллигентов, свидетеля заката двух эпох – царского самодержавия и "развитого социализма", деятельного современника целых поколений непрерывно растущей якутской интеллигенции, нашего с вами современника.

Ощущение уникальности и одновременно типичности, феноменальной простоты и цветущей сложности, открытости и загадочности его неисчерпаемой творческой личности вдохновляло меня всё время работы над книгой. Он всегда казался мне воплощением истинной интеллигентности, оттого и такое неожиданное для многих и для меня самого посвящение названной книги.

Одновременно зададимся вопросом: кому же посвящал свои многочисленные труды сам Дмитрий Кононович? Вспомним его последнюю в земной жизни работу, когда он с группой талантливых сподвижников передал своему народу отредактированный им перевод на якутский язык величайшей из всех книг человечества – Нового Завета, Евангелия. Выходит, не только близким, или, как говорили в старину, – искренним своим, но ближним и дальним адресовал он этот эпохальный труд.

Этот его духовный и творческий подвиг, по моему глубокому убеждению, стал главным событием в духовной жизни родной Якутии начала нового века – века интеллектуального и духовного могущества человека.

Теперь уже очевидно каждому, кому известен этот замечательный человек, что служил он своим искусством Богу, народу и беззаветно любимому Отечеству – служил вечному и вечности. Им посвящал свои замечательные идеи и плоды неустанного самоотверженного труда оригинальный художник и гражданин, истинный якутский интеллигент, великий подвижник, учитель и

пророк, выдающийся деятель российской культуры Дмитрий Кононович Сивцев – Суорун Омоллон. Таким был его свободный выбор жизненного пути: выбор идеального, духовного – никто не назначал, не принуждал его на столь великое служение. Большую часть своих работ он выполнял на общественных началах, на великом энтузиазме.

Меня согревает мысль о том, что и Бог, и народ, и Отечество в конечном счёте остались благодарными ему. Чиста перед ним и моя совесть. Знаю, что один наш общий знакомый русский до сих пор ежедневно поминает его за утренней молитвой об усопших. Знаю также, что в такой молитве он не одинок.

Правду говорят, что тому, кто в своих заботах о ближнем и дальнем забывает о себе, тому берётся помогать сам Бог, со знавая, что сделать это больше некому. Именно Господь помогал и хранил великого якутского подвижника, забывшего о себе, продлевая его век для свершения главного духовного подвига – апостольского служения среди родных ему северян и выпуска в свет Евангелия на якутском языке.

Заметим, что Дмитрий Кононович, обладая сверхъестественной энергией, до последнего дня думал о делах, вынашивал новые идеи и строил планы на будущее. Он был неистощим на идеи и творческие замыслы, которых иному хватило бы на несколько жизней. А был он самым младшим в большой крестьянской семье, состоявшей из 20 детей. Все они умерли в раннем возрасте. Лишь ему был отпущен целый век полноценной героической жизни.

Впрочем, не берусь судить о том, какой именно труд был в его жизни главным. Об этом я не осмеливался спросить у самого Дмитрия Кононовича. Вся его жизнь – непрерывный самоотверженный интеллектуально-творческий труд, труд горячего якутского сердца и всеобъемлющей христианской души. По себе знаю, что главное всё же – это способность преодолеть себя, порой в незначительном для посторонних глаз поступке, и в этом преодолении подняться на одну из этических вершин – вершин души. В одном я не сомневаюсь: Суорун Омоллон покорил немало духовных высот и был поистине счастливым человеком. Как типичный якутский долгожитель, он придерживался традиционного северного стиля жизни: чтобы жить долго, надо жить счастливо. И никак не наоборот. А счастье – это всегда преодоление, это гигантский труд и, в конечном счёте, победа над собой.

За долгие годы нашего личного знакомства с Дмитрием Кононовичем я всегда находился под обаянием его удивительно светлой личности, всегда относился к нему с огромным почтением. Он один из немногих людей, перед кем я всегда вставал из своего высокого служебного кресла. Дело тут не только в традиционном якутском почтении к людям, старшим по возрасту. К этому прибавляется покоряющая чистота всего внешнего облика, необычайное просветление взгляда, лица при встрече и беседе. Подобное качество в человеке я не раз отмечал при встречах с Патриархом Московским и всея Руси Святейшим Алексием.

Задолго до нашего личного знакомства с Суоруном Омоллоном я навсегда проникся к нему всем сердцем и душой безграничным доверием, ощущая его святую открытость и сердечность, безграничную любовь к людям, живое участие в их заботах и судьбах, любовь к жизни, к Богу. Всеми признана и его способность как художника быстрее, точнее, глубже выразить то, что хотели бы сказать многие, и способность напоить всех, жаждущих истины.

Я не творю себе кумиров, но есть люди, которых я беззаветно люблю за их глубоко человеческую сущность. Сознание того, что такие люди есть в реальности, вдохновляет, помогает мне оставаться оптимистом не только в личной жизни, но и в политике, в государственной и общественной деятельности. Не переведутся подвижники ни на Руси, ни в Якутии – в это я свято верю.

Посвящая книгу "Интеллигенция и цивилизация" Дмитрию Кононовичу Сивцеву – Суоруна Омоллону, я назвал его моим духовным отцом и до сих пор считаю его таковым для себя – это навсегда. Сожалею, что не успел подарить ему названную "книгой для себя" монографию, которая вышла в свет вскоре после его кончины. Остаётся только передать в его музей. Я слышал, что на месте его упокоения намечается возведение часовни. Это воля Божья. Я верю, что пройдут годы, может быть, десятилетия, и

подвигоположника якута Дмитрия Сивцева причислят к лику святых. Он, как и прежде, будет помогать всем нам, своему любимому народу саха своими молитвами перед престолом Божиим. Обращаясь к нему с молитвой за помощью и заступлением, мы получим по вере нашей. И никогда не зарастёт народная тропа к тому, кто проложил целый путь.

А эти строки я пишу для тех, кто дорожит каждым светлым именем, умножающим добрую славу народа Якутии, кто, по примеру великого старца Дмитрия – Суоруна Омоллона, наполняет её бескрайнее пространство пространством собственного сердца. Невольно вспоминается пушкинское из финала "Бориса Годунова": "Оставь народу сердце! Что же он будет без него? Толпа!" Драматургу Суоруна Омоллону, конечно же, был известен этот завет...

Жизненный пример каждого человека поучителен. Пример жизни Суоруна Омоллона всем нам – как свет в ночи. Он указывает не просто путь, а фарватер жизни – путь большого корабля: не прижимайтесь к заманчивому берегу для долгой стоянки, не ищите спокойствия и безмятежности в тихих заводях, обходите мели искушений и беспечности, не страшитесь глубин неизведанного. Следуйте бурным фарватером, не сбивайтесь с вашего курса: вас ждут великие дела! Эти чувства мне навеяло первое опубликованное произведение тогда еще юного писателя – рассказ "Лена".

Через десятки лет после его написания мне довелось видеть автора на палубе судна, следовавшего из Тикси в Якутск. Поднялся шторм. Лена – без берегов. Дмитрий Кононович в коричневом плаще и берете стоял у самого борта в позе оратора перед многолюдной толпой, ухватившись вытянутыми руками за сверкающий в узком пучке солнечных лучей, невест как пробившихся сквозь плотный облачный покров черно-синего неба, поручень. Его с ног до головы обдавали холодные брызги, срываемые сильным ветром с белых макушек высоченных зелёных волн. Я в беспокойстве поторопился к нему, но остался незамеченным: великий старец был упоён открывшимся перед ним грандиозным зрелищем. Не знаю, водные брызги или слезы стекали по его лицу, но он заговорил только в каюте: "Всю Якутию прошёл вдоль и поперёк. Многое повидал на своем веку, а такое вижу впервые". И это говорил автор "Лены", вечно любимой, воспетой им реки! Непреклонный по жизни, он, похоже, склонялся только перед ее величеством Красотой.

Готовясь к встрече 100-летия со дня его рождения, мы получаем благодатную возможность снова встретиться под сенью всенародной любви к великому старцу, к народному художнику, к мудрецу и советчику, духовному наставнику, обратиться к новым граням его неисчерпаемого творчества, открыть неизвестные страницы его поучительной для всех биографии.

В предъюбилейный период опубликовано много познавательного материала о его творчестве, о его ярких созидательных идеях. Обнародовано немало светлых воспоминаний, новых фактов творчества и биографии. Однако хочется выйти за привычные границы количественных оценок творческой жизни художника – сколько книг, сколько строк, сколько лет – и обратиться к качественной, общекультурной, духовной, мировоззренческой, возможно, даже философской, словом, только к идеальной стороне феномена Суоруна Омоллона. С этой точки зрения он занимает сугубо индивидуальное место в плеяде корифеев

один за другим тома написанных им книг и раскладывать на авансцене. Такой своеобразный отчёт юбиляра был встречен и утверждён овацией.

Я уже отметил, что он один из немногих наших современников стал свидетелем смены эпох, смены целых поколений интеллигенции. Менялась жизнь, менялся мир, менялись ценностные ориентиры и установки, а вместе с ними люди. Народ и его интеллигенция прошли суровые испытания, сложные периоды развития общества. И тем не менее, я представляю себе вековой путь Суоруна Омоллона не как отдельные периоды, а как непрерывный и

ча", он открыто и бесстрашно выступил в защиту замечательного якутского историка Г.П. Башарина, подвергнувшегося необоснованным репрессиям за свой великолепный труд о творчестве трёх якутских писателей-реалистов. (Нам удалось извлечь из архива текст выступления Суоруна Омоллона и убедиться в его гражданской отваге).

Замечу, что однажды, при очередной нашей встрече, я поделился с ним своим замыслом написать книгу "Интеллигенция и цивилизация". Он внимательно выслушал меня и вздохнул в раздумье: "Цивилизация... А как же культура? Без культурного возделывания плоды цивилизации будут горькими".

С. Омоллон и М. Николаев

якутской интеллигенции. С какой стороны к нему ни подойди – Суорун Омоллон безупречен до святости. А ведь труднее всего прожить на свете праведником.

Да, хочется поговорить именно о том, что "аршином общим не измерить". Должен предупредить также, что моя точка зрения – это мнение рядового почитателя таланта писателя, гражданина, его друга и одновременно государственного руководителя, иначе говоря, власти. С этих позиций мои воспоминания отличаются от профессиональных выступлений искусствоведов и критиков.

Вспоминаю, как, тонко иронизируя над "валовым" подходом власти к художественному творчеству, к результатам работы творческой интеллигенции, Суорун Омоллон во время торжеств в Союзе писателей России по случаю его 90-летия со дня рождения бодренько для его возраста поднялся на сцену с объемистым и тяжёлым рюкзаком за плечами. Зал был заинтригован. Юбиляр деловито снял и развязал рюкзак, из которого стал извлекать

всегда высокопродуктивный творческий процесс. Меняя жанры, темы, виды творческой деятельности, даже род занятий – как опытный плотник, он любил постучать топором на строительстве музейных комплексов, – Суорун Омоллон обладал неким внутренним стержнем, позволяющим ему оставаться неповторимой и единственной в своём роде личностью, с голографической закономерностью и определённой проявляющейся во всех элементах его многогранного творчества. При всех поворотах судьбы Суорун Омоллон оставался тем, кем мы его все знаем: единственным и неповторимым. Не Суорун Омоллон приспособлялся к господствующему влиянию в обществе, а сам создавал в нём господствующее настроение, как и полагается апостолу духа.

Апостолу истина дороже жизни. Рискую собственными свободой и жизнью, ранее уже отсидевший полгода в следственном изоляторе НКВД из-за подозрения в связях с японской разведкой, чудом отпущенный на свободу под негласный надзор "стука-

Я согласился и объяснил, что понятием "цивилизация" хочу привлечь внимание интеллигенции к современному уровню развития нашего общества, объяснить её задачи на пути в общество информационное. Меня тоже беспокоил этот вопрос: цивилизация или культура? За чем будущее? Всё дело в ценностях: цивилизация подчёркивает научное, материально-техническое превосходство, а культура – духовное. Культура, а вместе с ней духовность во все времена производили интеллигенцию – носительницу интеллекта и духа нации. Справится ли такая интеллигенция с вызовами информационного общества? Машины или человек станут, в конце концов, целью развития? Способен ли человек выйти однажды за пределы собственного блага и устремиться к общему благу?

Наши точки зрения совпали в главном: в будущем информационном обществе должна всё же главенствовать культура, духовность, а не техника, не цивилизация. Цивилизация – очередная ступень развития народа после изобретения колеса,

**Якутская интеллигенция
в своём лучшем составе
поддержала меня, чаемое
возрождение Якутии
состоялось. Республика
достойно вышла из
нелёгких испытаний конца
XX века. Благодаря
самоотверженному труду и
целеустремлённости
национальной
интеллигенции,
пробудилось национальное
самосознание, проснулся
гений народа.**

культура – стержень и корень развития. Только из могучего корня вырастают сильный ствол и прочные сучья.

И как бы ни менялся мир, как бы круто ни поворачивала история, какие бы машины не пришли на якутскую землю, народ саха не растворится в глобализирующемся мире до тех пор, пока будет жить и развиваться его национальная культура, будет чист и крепок национальный народный дух.

Верится, что дальнейшее развитие общества будут двигать благородные и бескорыстные люди, не только высокообразованные, обладающие богатыми знаниями, но и духовно богатые, высокой морали и высокой гуманности, постоянно устремлённые к общему благу – люди высокой культуры. Это можно сказать и о целых народах. Якутский мыслитель А.Е. Кулаковский, родоначальник якутской художественной литературы, в начале XX века тоже видел спасение своего народа саха в решительном подъёме уровня культуры. "Действуйте и агитируйте единственно в пользу и ради культуры, насаждение которой стало в нашем веке злободневной необходимостью...", – призывал он в своем знаменитом Письме якутской интеллигенции.

К слову сказать, будущему народному писателю Якутии, автору учебников, литературных переводов Суоруна Омоллону в студенческие годы посчастливилось слушать лекции великого Кулаковского-Ёксёкюля по якутскому языку. По проторённой Кулаковским и его единомышленниками – поэтом и драматургом Анемподистом Софроновым, поэтом Платоном Ойунским, Н. Неустроевым, Кюлюмнуром – дороге Суорун Омоллон и вошёл в бескрайнее пространство культуры, чтобы посвятить свою жизнь служению человеческой душе на её пути к Истине и Жизни. При этом он до последнего своего земного дня понимал культуру, искусство как устремление к идеалу, а не поиск вычурных форм, и сам к нему стремился.

Писатель-прозаик и поэт, драматург, историк, театральный деятель и публицист, лингвист и этнограф, автор учебников и детских книг, фольклорист, создатель великолепных музеев, фотохудожник, издатель, литературный переводчик, оратор, художник и организатор – Дмитрий Кононович Сивцев создал первый якутский букварь на кириллице и ещё двадцать учебников. Первым составил сборник якутского фольклора. Стал первым якутским киносценаристом. Первым написал либретто первых национальных оперы и балета. Вместе с такими же энтузиастами создал Якутский национальный драматический театр. Первым создал музеи под открытым небом в Черкёхе, Ытык-Кёле и в Соттинцах. Первым из якутских интеллигентов публично выступил в защиту преследуемых репрессивными органами выдающихся якутских просветителей.

"Первый", "первый", "первый"... За что ни возьмётся – шедевр, высота. Импера-

тив XXI века – непрерывное образование – это готовность несколько раз в жизни переучиваться, повышать уровень знания, переменить не только место работы, но и профессию. Что такое возможно, убеждает жизненный пример великого Суоруна Омоллона. Он горячо брался за любое дело в готовности послужить народу, обществу: нужна была национальная художественная литература – он брался за перо; развёртывалось национальное движение за всеобщую грамотность – составлял букварь, учительствовал; первым приступил к восстановлению разрушенных церквей – при этом всюду первый. Широта его интересов, духовных запросов, творческих способностей изумляет. Суорун Омоллон всегда шел впереди времени и был при этом всегда современен, невероятно актуален.

Одного изумления или восхищения мало. Надо постоянно примеряться к масштабам его личности, и самому дерзать в преображении мира. Сам он никогда и ни в чём не подчёркивал своего превосходства, никогда и никому не завидовал. Он радовался красоте во всех её проявлениях, сам создавая красоту.

Его величайший вклад в культурную и духовную жизнь народа Республики Саха (Якутия) трудно переоценить. Он стал явлением и, в значительной степени, символом, живым знаком непрерывно развивающейся якутской культуры, сердечное пространство которой он расширил до общечеловеческих границ пространством собственного сердца.

Именно как уникальное явление якутской, российской, мировой культуры его и надо рассматривать. Широчайший круг его интересов примечателен и тем, что всякое начатое дело он непременно доводил до конца. Теперь это качество – способность осуществить свою идею на практике, пройти до конца путь от идеи до результата – называют высокой инновационной культурой.

Мало кто из молодых интеллигентов осознаёт, что инновационная культура, удача в делах, народное и государственное признание пришли к Суоруна Омоллону не только благодаря его природному таланту художника. Секрет объясняется его высоким званием Героя Социалистического Труда, кстати, присвоенного лишь единственному (в его лице) представителю якутской творческой интеллигенции. Подчёркиваю: героя Труда. Он ни одного дня не прожил в праздности и лени, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, "За заслуги перед Отечеством", Дружбы народов, высшего ордена Республики Саха (Якутия) "Полярная звезда" и церковного ордена Благоверного князя Даниила Московского... Труд и жизнь у него неразделимы. Так вот, упорный, каждодневный, подчас "каторжный" духовный и душевный, интеллектуально-творческий труд позволяет таланту раскрыться во всей его полноте и порадовать всех своими плодами.

Многим теперь известны крылатые слова русского писателя "Смирись, гордый человек!" В школе мы его не проходили – ведь это Ф.М.Достоевский. Мы учили А.М. Горького: "Человек – это звучит гордо!" Чувствуете, разница смыслов – колоссальная. Реакционный, по официальной версии, писатель Достоевский произнёс свои слова на открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 году. Слова из бессмертной речи. Один из присутствующих вспоминал впоследствии: "Все стали слушать так, как будто до тех пор никто и ничего не говорил о Пушкине. До сих пор слышу, как над огромной толпой раздаётся напряжённый и полный чувства голос: "Смирись, гордый человек! Потрудись, праздный человек!"

Всю глубину этой заповеди я осознал уже в перестроечные годы, в период начала либерализации всей жизни общества, когда возглавил верховную власть в родной Якутии. Я сразу заметил, что больше всех и громче всех кричат с трибун, с телевизионных экранов и в радиоэфире горделивые и праздные люди, часто бездельники и лентяи, а то и самозванцы, у которых за душой ничего нет – сплошные амбиции. И вот такие громадные фигуры в рядах якутской интеллигенции, как Суорун Омоλλον, были буквально заглушены ими. Помоему, именно тогда и пришла мне на память проникновенная мысль нашего поэта, кажется, Льва Озерова: "Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами". И помогал всем талантливым людям, как мог, не вмешиваясь в творческие дискуссии. Об одном просил всех: работать не покладая рук, работать на общее благо, набираться терпения и с трезвой головой, ответственно обустроить жизнь Республики. Жить в славе, считаю, можно только в славе народной, потрудившись во славу народа, а не разглагольствуя о его тяжкой доле. А чтобы самому делать историю, нужно прежде всего быть кровным сыном своего народа и унаследовать именно богатырские его черты.

Якутская интеллигенция в своём лучшем составе поддержала меня, чаемое возрождение Якутии состоялось. Республика достойно вышла из нелёгких испытаний конца XX века. Благодаря самоотверженному труду и целеустремлённости национальной интеллигенции, пробудилось национальное самосознание, проснулся гений народа. Победили те, кто всю жизнь самоотверженно трудился, кто начинал свой творческий путь созидательным трудом, а не работая локтями. Их духовным лидером остался Суорун Омоλλον, потому что ни один якутский истинный талант не свободен от его влияния. Он являлся академиком единственной в России Академии духовности Республики Саха (Якутия).

На мой призыв к обновлению жизни Суорун Омоλλον, как бы невзначай, заметил: "Новое, говорят, Михаил Ефимович, это хорошо забытое старое", и принял участие в первозданном виде шедевр северного архитектурного зодчества – Спасо-

Зашиверскую церковь XVII века, установив её на территории ансамбля "Дружба". Он также накопил богатый исторический материал по деревянному зодчеству Якутии. Подобрал редчайший иллюстративный материал и издал прекрасную книгу о своём земляке – талантливом художнике, этнографе, фотографe, скромнейшем сельском интеллигенте И.В. Полове, которому в юности помогал собирать научные материалы. Меня больше всего поразило, что Попов женился на больной девушке-якутке, веря, что любовь способна её излечить. Она всё же умерла. Но он вновь женился на больной, и любовь на этот раз победила. Разумеется, Суорун Омоλλον не мог обойти молчанием такое человеколюбие, ибо сердечность и сострадание составляют существо его необъятного внутреннего мира, его творческой личности. Он всегда стремился к объединению людей вокруг высоких нравственных, духовных ценностей, вокруг гуманных целей. Искусство, подобно религии или философии, способно объединять людей вокруг целей и идеалов. И Суорун Омоλλον профессионально занимался искусством и культурой. При этом был неутомим, наполняя смыслом каждое мгновение своей великой жизни.

Суорун Омоλλον навсегда останется актуальным, на острие проблем культуры, народной судьбы, при этом он всегда находился у самых корней культуры, у её истоков, на почве национальных традиций, народного творчества, классического искусства. "Хранитель древностей" – это, по моему, не о нём. Что-то холодное и бездушное есть в подобном определении. Он хранитель и продолжатель богатейших традиций якутского народа. Суорун Омоλλον – Хранитель Вечного, Непреходящего.

Время перемен конца XX века обострило спор между старым и новым. Но Суорун Омоλλον стоял незыблемо на своих эстетических и нравственных позициях народного национального искусства, устного народного творчества, классической культуры, в первую очередь, русской, произведений основателей якутской классики. Он обладал живым, универсальным пониманием истории и культуры. Его волновало вечное, непреходящее – с одной стороны, якутский эпос олонхо, с другой, Священное Писание во всём неисчерпаемом богатстве. Одно из главных достоинств творчества Суоруна Омоллона – удивительно светлое отношение к миру, к людям. В его жизни бывали очень трудные времена, но он никогда не терял воли к жизни и стремления помогать другим.

В принципе, почтенный возраст позволял Дмитрию Кононовичу отойти от активной общественной деятельности, оставить трудоёмкую работу и уйти, как говорится, на заслуженный отдых. Но тогда это был бы не Суорун Омоλλον. Он стал уже вечным старцем, как евангелист Иоанн Богослов. Ещё при жизни его именем назвали Национальный театр оперы и балета. (Ничуть не упиваясь славой, он вдохновенно взялся за

литературное редактирование якутского перевода Нового Завета и дождался выхода книги).

Он был глубоко верующим человеком. Никто не принимал его за святого – ведь нет пророка в своём отечестве... Но что-то священное, апостольское рано засветилось в нём. Думаю, это произошло именно тогда, когда он всей жизнью обратился к вечному, нестареющему, потому всегда молодому. Но вечное – нематериально. Вечное не открывается рациональному рассудку, оно открывается верующей душе. И он жил горячим, всегда искренним, открытым миру сердцем якутского поэта, которое никогда не лжёт: "Сердцу не прикажешь молчать..."

Больше всего меня поражало в нём необоримое чувство веры: в Абсолют, в православие, в большую историю родного народа, в его большое предназначение, в равенство в отношении цивилизации с передовыми народами мира, в талант, в добро, в человека. Он говорил: там, где наш разум бессилен и ничего не остаётся, как только смириться с обстоятельностью, выручает чувство веры: верь и всё получится! И всегда верил в победу добра и справедливости.

При этом Дмитрий Кононович оставался реалистом, новатором, творцом, вечно молодым душой. Будучи человеком своего времени, отдавая ему должное, он глубокой интуицией художника и трезвым рассудком социального мыслителя сознавал, что решающий критерий "качества" общественного устройства – это его гуманность. Пробуждение этого чувства в художнике мы наблюдаем уже в его первом опубликованном рассказе "Аанчык", пронизанном горячим сочувствием к тяжелейшей "долюшке женской". Он восходил до последнего дня жизни на возможную высоту постижения человечности. Воистину, тайна писательского таланта есть искренность и не притворность.

В новое время в Республике Саха (Якутия), отдавая должное высоким общественным и государственным заслугам северянок, их окружили заслуженными уважением и заботой. Первыми в России мы учредили национальный праздник День матери, который теперь стал традиционным. Он проводится в октябре и совпадает с великим праздником Покрова Божией Матери. Ежегодно растёт число женщин, отмеченных Знаком высшей благодарности Матери в Республике Саха (Якутия). Еще в начале 90-х годов прошлого столетия в Якутске построен медицинский Центр материнства и детства, затем и Дворец матери. Выражением благодарности Женщине стал подарок Республики Саха (Якутия) – памятник матери первого космонавта А.Т. Гагариной, сооружённый у неё на Родине. Приоритетными направлениями политики Правительства стали забота о детях, о престарелых, о семье. Знаю, что всё это радовало Суоруна Омоллона. Слово исполнялись его мечты и надежды.

**Убежденность и ясная
жизненная позиция
Суоруна Омоллона в
вопросах отношения к
России, к русскому
элементу в нашей культуре
и в нашей жизни сыграли
роль компаса в бурные
времена становления
новой государственности
Якутии.**

Ему открылась устоявшаяся природа общества, в которой при любых политических ветрах и бурях ключевое место занимают духовность, религия. За свой век он мог убедиться в том, что при всей нищете и грязи прошлого, при глубоком невежестве, при страшной необеспеченности здоровья и самой жизни люди, тем не менее, знали, что такое удовлетворённость духа и большинство было довольно своей судьбой. Разве в иной ситуации мог родиться и развиваться героический якутский народный эпос олонхо? Не каждый народ может похвастать таким сокровищем народного духа. Или беспримерный по яркости и содержательности народный праздник Ысыах? Разве его могли учредить несчастные рабы?

За свою жизнь я объехал всю территорию необозримой Республики Саха (Якутия). По долгу службы бывал, конечно, в стойбищах оленеводов, у рыбаков, охотников и коневодов. Я не видел унылых, отчаявшихся людей, наоборот, встречи были радостными, с шутками, с живыми разговорами. Часто брал с собой в поездку высоких гостей. Однажды среди них был сам Б.Н. Ельцин, Президент Российской Федерации. После такой поездки, обычно на вертолёт, многие высокие гости сочувственно вздыхали: "Как можно жить в таких диких условиях, посреди тайги или тундры?"

Я, порой, задавал встречный вопрос: "А вы бывали в гостях у московских бомжей? Ведь они не в тундре или тайге живут – у вас под боком. Даже вертолёт не требуется, чтобы с ними встретиться". Или возьмите героев нашумевшего "Таёжного тупика", семью староверцев Лыковых. Жили своим укладом в глухом таёжном углу. Трудились, молились и были довольны судьбой. По крайней мере, покинуть тайгу отказались. Ведь их обнаружили случайно, сами они никого не искали, обнаружили и ужаснулись: "Как? Без электричества и телевидения? Без полиэтиленовых пакетов и туалетной бумаги?" И когда цивилизация хлынула к Лыковым, то смяла и заглушила саму их жизнь.

Нечто подобное наблюдалось с экспортом социализма, попыткой национал-социалистов установить свой "мировой порядок", а ныне насаждают демократию – одна цивилизация пытается "осчастливить", принудить другую жить иначе.

Сказанное не означает попытку оправдать бедность, диктатуру или террор. Я пытаюсь доказать первоочередность духовного комфорта перед материальным. Посмотрите, как сегодня при обилии фантастических бытовых вещей, сказочного комфорта, при высокой образованности и безграничной свободе большинство людей живет в большой тревоге. Наркомания, алкоголизм, преступность и прочие ядовитые цветы пышно расцвели на материальных достижениях цивилизации. Всем стало доступно всё, и моральная ценность всего упала до чрезвычайности.

От шума больших городов, от расцвеченной рекламными огнями цивилизации люди устремляются в Церковь, к земле и грядкам, к первозданной свободе души – к вечному, а не к скоротечному. Словом, я пытаюсь ещё раз объяснить, почему Республика Саха (Якутия) в новое время не ограничилась решительными мерами по цивилизационному развитию – повышению уровня науки и образования, здравоохранения, установлению демократических институтов, созданию эффективной экономики с переводом её на инновационный путь. В этом отношении наша Республика – не "таёжный тупик", не "медвежий угол". Народ саха доказал, что он государственно-творческий народ, полноправный субъект великой Российской Федерации, а не только брат и попутчик других народов России. Время в нашей Республике не останавливалось никогда, ни одного дня она не прожила напрасно. Но важнейшим приоритетом власти и общества, национальной интеллигенции впервые обозначились духовность и культура.

Саха и северные народы, населяющие Республику, были православными, но вместе с христианской верой всё ещё сохраняли многие верования, легенды и ритуалы дохристианских, языческих культов. С окончанием эры государственного атеизма, при самом деятельном участии Суоруна Омоллона, мы восстановили самостоятельную Якутскую епархию Русской Православной Церкви. Радостно сознавать при этом, что "религия старается задержать человечество в молодом возрасте, свежем, мечтательном и блаженном, а наука старается его состарить. Религия – древо жизни, наука – древо познания. Наука – связь с миром, религия – с Творцом, с Богом". Кажется, так говорил великий Гёте, подсказывает мне старая запись в моём дневнике.

Я уже упоминал о создании единственной в России Академии духовности Республики Саха (Якутия), в которой объединились единые духом интеллигенты. Замечу: гордость Республики, любимцы народа. Вот почему не пошёл на пенсию, а вдохновенно трудился до конца своих дней на привычном духовном и культурном поприще великий Суорун Омоллон. Его душа была полна юношеской жажды жизни.

Он принял новый поворот истории своего народа. Но, как заботливый дедушка, положил в дорожную сумку внука, чтобы тот не потерялся в жизни, не последнюю модель мобильного телефона, а переведённое им на якутский язык Евангелие. Это вовсе не означает, что великий художник был равнодушен к научно-техническому прогрессу, к достижениям цивилизации. Просто он принадлежал не к технической, а к творческой интеллигенции. Таков был его жизненный выбор. При этом оставался горячим поборником народного просвещения и образования, развития науки и техники, обладал незаурядными деловыми качествами. Суорун Омоллон жил не личным

разумом, а всенародным разумом и чутьём, вместе с народом переживал, доискивался истины. Впрочем, это одновременно роднит его с выдающимися представителями старой якутской интеллигенции – великими якутскими гуманистами и просветителями.

Он навсегда остаётся в нашей памяти человеком высочайшей культуры, интеллектуалом, художником, бескорыстным, честным человеком, верным самоотверженным другом – интеллигентным интеллигентом. Он не слыл революционером, не призывал к потрясениям. Он был до мозга костей созидателем, преобразователем, но не разрушителем. А ведь много труднее – создавать, совершенствуя и не разрушая до основания.

Одним из национальных приоритетов развития Республики Саха (Якутия) в новое время стало развитие образования. Бывший выпускник педагогического училища, Суорун Омоллон всеми силами и всем своим авторитетом поддерживал политику нашего Правительства. Он мне рассказал однажды любопытную историю о том, как в средневековые Вильгельм Оранский, прозванный Молчаливым, захватил город Лейден. Отдавая должное мужеству и героизму осаждённых, он великодушно предложил побеждённым гражданам свою награду на выбор: вечное освобождение от налогов или же строительство университета. Граждане выбрали второе.

Якутия также выбрала на будущее образование, Университет, 50-летие которого совпадает по времени со 100-летним юбилеем Суоруна Омоллона. Думаю, что в стенах Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова найдётся место не только для творческого наследия, в том числе и научно-исследовательского характера, но и для портрета великого художника, великого гражданина Якутии и России Дмитрия Кононовича Сивцева – Суоруна Омоллона.

Есть люди, со смертью которых как бы умирает частичка Якутии и России. Говорят, всякий великий человек, внося в одушевлённую стихию общества свою слишком сильную душу, делается центром бури. С его уходом наступает затишье. Временное затишье. Суорун Омоллон душевно навечно сросся с родным народом саха, со всей Россией. Он будет оставаться среди нас и с нами, пока живы Якутия и Россия, пока несёт свои воды воспетая им великая река Лена: "...О, эбэм, күн ортотун сабана, үөл-дьүөлгэ, үүт-тураан чуумпуга, кестер кизэн нэлэмэн кэтит ньуура дыктитин, кэрэтин эбитин!" – и пока живы мы с вами, пока о нём будут возносить молитвы к Богу саха и русские, и люди других национальностей, населяющих любимую им Саха Сирэ – Землю Якутов.

Совместная судьба Якутии с Россией насчитывает уже 375 лет. На протяжении последних ста лет её украшал своей героической и талантливой жизнью и наполнял смыслом сын истории великого единения

народов Дмитрий Кононович Сивцев – Суорун Омоллон. Так достойный сын украшает доброй славой, своими добрыми делами и поступками, своей жизнью славу своего рода, своей семьи, своей земли. С гордостью может каждый сказать: "Я земляк Суоруна Омоллона!", другие счастливики вспомнят о дружбе или знакомстве с ним. Всем известно: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты".

Штрихи, из которых у меня теперь начинает складываться портрет замечательного человека, привыкшего не разрушать, но сохранять духовные ценности, всеми силами способствовать благополучию и вечной славе своего народа, родного края, развитию Отечества, позволяют уверенно провести некоторые контурные линии.

Как истинный интеллигент, Суорун Омоллон был горячим патриотом родной земли и великого Отечества. Подчёркиваю: истинный. Помнится, великий киноактёр Алексей Баталов, сыгравший роль интеллигентного рабочего в фильме "Москва слезам не верит", говорил о том, что звание "интеллигент" нужно присваивать только посмертно. Что ж, я согласен: человек даже своей последней минутой должен доказать своё право называться интеллигентом.

Быть патриотом России дано не каждому. Для этого требуется российского масштаба душа. Суорун Омоллон, сын якутского крестьянина, обладал великой душой и непоколебимой верой в Россию, никогда не имевшую колоний. Он писал, например, так: "Мне думается, что мы живы благодаря тому, что, по логике и воле истории, оказались вместе с многострадальным и могучим русским народом". Я давно заметил, что никто не стал великим, охаявая Россию или держа кукиш в кармане: просто не хватило тому необходимых масштабов сердца, не дорос он до понимания её спасительной для каждого народа идеи. Великое познаётся только великим.

Необходимо особо подчеркнуть, что интеллигентность, сердечность, сострадательность человека и творца Суоруна Омоллона не должны создать у новых поколений интеллигенции представления о нём как о мягкотелом и бесконфликтном человеке. Ничего подобного. Свою несокрушимую волю и отвагу в отстаивании высоких принципов он проявил не только в 40-х годах при защите от необоснованных репрессий своих товарищей по творческому цеху, но и при защите культуры от новоявленных реформаторов последних десятилетий. При этом он не размахивал кулаками, потому что был интеллигентным человеком, тонким психологом и отличным дипломатом... Но никогда и не отступал от своих убеждений и оставался верен себе до конца.

Он никогда не требовал свободы слова, потому что мыслил и говорил всегда свободно. Он свободно выбирал себе дело жизни. Он любил свободу, но никогда не называл себя модным ныне званием "либе-

рал", ибо обладал чувством громадной ответственности за окружающий его огромный мир, умел подчинить свои стремления национальным интересам, интересам семьи, интересам любимого им человека.

Уже отпраздновав 90-летний юбилей, он с молодёжным задором занялся публицистикой. Вырезки его газетных статей я до сих пор храню в своём архиве. Вот заголовок одной из них: "Всякая нация может и должна учиться у других", и в тексте добавляет: "... это истинный путь к развитию цивилизации". Ведь национальные культуры, если они замыкаются в себе, хиреют. Чтобы развиваться, надо иметь доступ к достижениям всех мировых культур.

Существуют разные цивилизации, культуры, философские учения, но совсем не обязательно, чтобы они противостояли друг другу. Отличаться, считал Суорун Омоллон, не значит противостоять. Сближение происходит и будет происходить, но не механически. И в наши дни продолжают поиски новых, объединяющих мир, человеческих ценностей, понятий, принципов и стилей жизни. Время и жизнь сделают свой выбор. А пока самобытная якутская культура, благодаря своим талантам, уверенно проникает в универсальную атмосферу мировой культуры, обогащая её новыми творческими достижениями.

Убеждённости и ясная жизненная позиция Суоруна Омоллона в вопросах отношения к России, к русскому элементу в нашей культуре и в нашей жизни сыграли роль компаса в бурные времена становления новой государственности Якутии. Не стану вдаваться в подробности дискуссий тех лет, ведь, как говорится, "кто старое помянет...". В результате Республика Саха (Якутия) обрела статус субъекта Российской Федерации, небывалые права и приняла на себя великую ответственность. Не потеряв ни минуты исторического времени на раздоры и шатания, Республика ушла далеко вперед в сравнении даже с ранее высокоразвитыми регионами.

Вправе ли саха гордиться своим именем? Вправе ли мы гордиться именем Суоруна Омоллона?

Считаю, вправе: великие сыновья всех народов, населяющих Россию, равновелики.

Будем же хранить вечно их святые имена.

Хранить вечно в сердцах.

ОКНО В АЗИЮ

Китай

ЯКУТИЯ В ГОСТЯХ У

Олег СИДОРОВ

Первое крупное межправительственное Соглашение с регионом Китайской Народной Республики – провинцией Хэйлунцзян – республика заключила в 2004 году. В 2006 году Республика Саха принимала самое активное участие в Года России в Китае. Не случайно Президент республики Вячеслав Штыров был включен в состав официальной делегации Российской Федерации во главе с Президентом Владимиром Путиным в марте 2006 года на открытии Года России в Китае.

Недавно успешно завершились Дни Республики Саха (Якутия) в городах Харбин и Пекин. Столица великой азиатской державы принимала якутян. Делегация республики достигла поставленных целей: презентация достижений в экономике и культуре прошла на самом высоком уровне. Якутия заявила о себе как о развивающемся и перспективном субъекте России, готовом к расширению межрегионального сотрудничества с предприятиями, провинциями Китая. Республика выполнила свои обязательства по участию в Года России и подтвердила приверженность ранее заключенным Соглашениям с провинцией Хэйлунцзян. Хотя Дни официально охватывали два крупнейших мегаполиса, программа была составлена таким образом, чтобы о республике узнало как можно больше китайцев. Члены делегации, представлявшие деловые и культурные круги Якутии, побывали в таких городах как Дацин, Хайлар, Суйхуа, Гонконг, Вэньгуан, Шэньчжень и Шанхай, встретились со своими нынешними и возможными партнерами по бизнесу.

ВЕЛИКОГО СОСЕДА

Прикоснуться к вечности

Великая, Срединная, Поднебесная... Какими только эпитетами не награждали Китай! И вот на стыке XX и XXI веков Китай вновь доказывает свое величие. Величие как государства, как общества, готового к развитию и лидерству.

Что собой представляет современный Китай? Супермаркеты, рестораны быстрого питания McDonald's и KFC, молодежь, одетая в футболки и джинсы от модных западных домов моделей, расцвеченные неоновыми проспекты и улочки... Все зримые признаки наступившей глобализации. Традиционная архитектура уступает глобальной архитектуре. Силуэт современного Китая неотличим от других мировых мегаполисов. Все определяют технологии. Но в Пекине можно увидеть здания из стекла и

шие в течение года, можно было заметить и в Пекине и в Харбине. Особенно это проявляется в темпах строительства. В Китае очень много и быстро строят. И возводят сразу целые улицы и микрорайоны. В то же время можно увидеть очень много пустующих, не заселенных новых домов. Все-таки, новое жилье не всем по карману.

Кроме строек, бросающаяся черта современного Китая – дороги и транспорт, отношение к природе. Вдоль современных автострад тянутся стройные ряды зеленых посадок. Таким образом, китайцы борются с песчаными бурями, налетающими с пустыни Гоби. Сельскохозяйственные угодья также защищают рукотворные зеленые стены.

Китай, всего несколько лет назад поражавший приезжих толпами велосипедистов, пересел на автомашины. Притом большая часть автомашин собрана в самом Китае. Это автомобили среднего и представительского класса: "Ауди", "Фольксваген",

Здание железнодорожного вокзала в Харбине.

бетона, украшенные огромными "китайскими" лампами и увенчанные изогнутыми крышами, напоминающими древние пагоды. Они придают особый колорит современному Пекину. А по-соседству – бережно хранимые, знакомые нам, россиянам, со школьной скамьи памятники истории и архитектуры. Все это современный Китай. Здесь встретились и сплелись воедино и восток, и запад. Что это? Рождение нового цивилизационного рая? Конечно же, фаст-фуды – хотя это изобретение американской культуры, все же не признак американизма, а всего лишь проявление глобальной культуры.

Привычное представление о Китае, где все ездят на велосипедах в военного покроя рубашках и платьях, скоро рассыпается, стоит только побывать в современном Китае. История еще раз подтверждает, как все может стремительно измениться. Мне пришлось побывать в Китае с интервалом менее чем год. И изменения, происшед-

"Хонда", "Тойота" и других моделей. Аналитики предсказывают, что в скором времени Китай догонит и Японию, и Южную Корею по экспорту легковых автомашин.

Во время посещения делегацией республики автозавода "Хафэй" в Харбине мы имели возможность сесть за руль новеньких, только вышедших с конвейера машин. Вице-президент республики Александр Акимов предложил менеджерам фирмы рассмотреть возможность участия их автомобилей в ежегодном автопробеге "Полюс холода" до п. Томтор. "Хафэй" занимает огромную территорию. Нас поразили порядок и почти идеальная чистота заводских помещений. Высокая культура одного "Хафэй" наглядно отражает состояние всей отрасли. Теперь нам было понятно, почему так много стало современных машин на улицах городов Китая.

Очень трудно привыкнуть к хаотическому потоку движущегося транспорта на улицах Харбина и Пекина. Кажется, что маши-

Софийский собор (слева) и памятник советским солдатам (наверху) в Харбине.

ны разъезжаются в миллиметре друг от друга. В то же время, аварии на китайских улицах – редкость. Причиной тому, быть может, невысокие скорости и неконфликтный характер китайцев. Водители сдержанно реагировали на все критические, на наш взгляд, ситуации, в которых россиянину трудно было бы сохранить спокойствие.

Хаотичность движения дополняет и ее разношерстность: ведь на улицах остались и экзотические виды транспорта, такие как вело- и моторикши, велосипеды.

История распорядилась так, что Харбин – столица провинции Хэйлунцзян – самый близкий россиянам город не только географически, но и исторически и духовно. О его особой роли во взаимоотношениях двух соседей говорил заместитель председателя Народного Правительства провинции Хэйлунцзян Ван Лиминь, выступая на открытии выставки республики в Харбине.

Харбин – современный, бурно развивающийся мегаполис с населением в 6 миллионов человек (с пригородами), а в самой провинции проживают 35 миллионов человек. Конечно, уже давно нет русского Харбина. Софийская церковь – символ "русской Атлантиды", по образному выражению известного хабаровского писателя и исследователя Николая Петровича Крадина, стоит в окружении стройплощадок в шумном торговом районе города. Это уже даже не островок, а осколок русской жизни, как и памятник советским солдатам, напоминающий о тесных исторических связях с Россией. Да, еще любой гид, проезжая мимо железнодорожного вокзала, скажет, что возводили его русские инженеры еще в годы строительства КВЖД.

Столица Китая Пекин, тридцать лет назад бывший сплошь одноэтажным городом, сегодня поражает своей современной архитектурой, включающей в себя как эле-

менты китайской национальной архитектуры, так и небоскребы из стекла и бетона. В Пекине, раскинувшемся на 16 тысячах 800 квадратных километрах, живет 17 миллионов человек.

Ознакомительная программа в Пекине обязательно включает посещение "Запретного города – Гугун" и площади Тяньаньмэнь.

Как только выезжаешь на главный проспект Пекина, понимаешь истинные масштабы этого города. Улица Бесконечного покоя – один из выразительных вариантов перевода названия этого главного проспекта Пекина протяженностью в 50 километров.

Площадь Тяньаньмэнь. Площадь с романтическим названием, в переводе на русский – площадь у Ворот Небесного спокойствия. Это еще и площадь величия Китая, ведь Тяньаньмэнь – самая большая городская столичная площадь в мире. Каждый день сотни тысяч людей проходят по

ее мостовым и поклоняются симбиозу величия и вечности государства – императорскому дворцу с портретом великого кормчего Мао. Говорят, что площадь может вместить сразу 2 миллиона человек.

И, конечно же, надо обязательно увидеть, пройти по Великой Китайской Стене, прикоснуться к вечности. Путь от столицы к ближайшей, открытой для посещения, части Стены занимает около получаса. По дороге гиды, как правило, предлагают обязательно зайти в мастерские-магазины, где производят изделия из жемчуга и сувениры из металла.

Великая Китайская стена по праву считается самым монументальным памятником древности. Стена проходит по горным хребтам на протяжении тысяч километров. И была построена для защиты от кочевников, возможно, наших предков-степняков. Вспоминаются легенды о ней. Первый китайский император династии Цинь Шихуанди, которому в III веке до нашей эры приписывали строительство стены, по одной легенде лишь приказал ее достроить. Кто первым ее заложил, так и не выяснено до сих пор. Китайцы по традиции списывают все на полумифическую

династию Ся, которой правили мудрые и добрые цари, но каких-либо следов ее так и не было найдено.

Сегодня Восток, особенно благодаря успехам Китая, – это не синоним нищеты, безграмотности и цивилизационного упадка, экзотики, каким изображали его евроцентристы. Если “азиатские тигры” воспринимались Западом как некий феномен, а Япония – как успех американизации, то сегодня Азия, с поднимающимися в гору Китаем и Индией – это пример модернизации, модель современного развития человечества, соединяющего национальные

Виды Пекина.

особенности и достижения цивилизации. Теперь уже понятно, что тысячелетние восточные цивилизации лишь брали передышку, так как два-три столетия для их истории как один краткий момент.

Япония, "азиатские тигры" и вслед за ними – Китай и Индия используют для своей модернизации не идеологические конструкции о бесклассовом и вненациональном обществе, как это было с Союзом Советских Социалистических Республик, и, при пристальном взгляде, и с Соединенными Штатами Америки, что, кстати, выражено в названии этих стран, а глубинные, кор-

невые духовные взгляды на мир, свою национальную идентичность.

О китайском чуде

Главное китайское чудо современности – это, конечно же, высокие темпы роста экономики. Весь мир завален китайскими товарами. Китай уже на протяжении 30 лет демонстрирует 8-процентный устойчивый рост в экономике. Например, на Китай приходится 75 процентов мирового выпуска текстиля, эта страна – первейший производитель сувенирной продукции, да и во

многих остальных отраслях в числе первых.

Чудо началось с принятия руководством компартии Китая знаменитой теории Дэн Сяо-пина "Одна страна – две системы". И сегодня его огромный портрет с протянутой вперед рукой можно увидеть на одном из главных проспектов Харбина. Попробуем выделить причины китайского чуда.

1. Создание правительством Китая благоприятных условий для иностранных инвестиций.

2. Высокое качество производимой продукции.

3. Постоянная готовность учиться у

**Современность и
Вечность.**

других стран. Китайские предприятия словно губка впитывают самые новейшие технологии.

4. Исключительная трудолюбивость китайцев. Главным принципом организации труда в странах "азиатского чуда" является максимум труда при минимуме ресурсов.

Главное же чудо китайской экономики в самих китайцах. Китаец возьмется за любую работу и за мизерную оплату. Многие работают за жилье в бараках и еду. "Мы отличаемся от других тем, что не ленимся трудиться", – заметил наш гид. Они делают ставку на труд, торговлю, самосовершенствование в материальной и, что чрезвычайно важно, в духовной сферах.

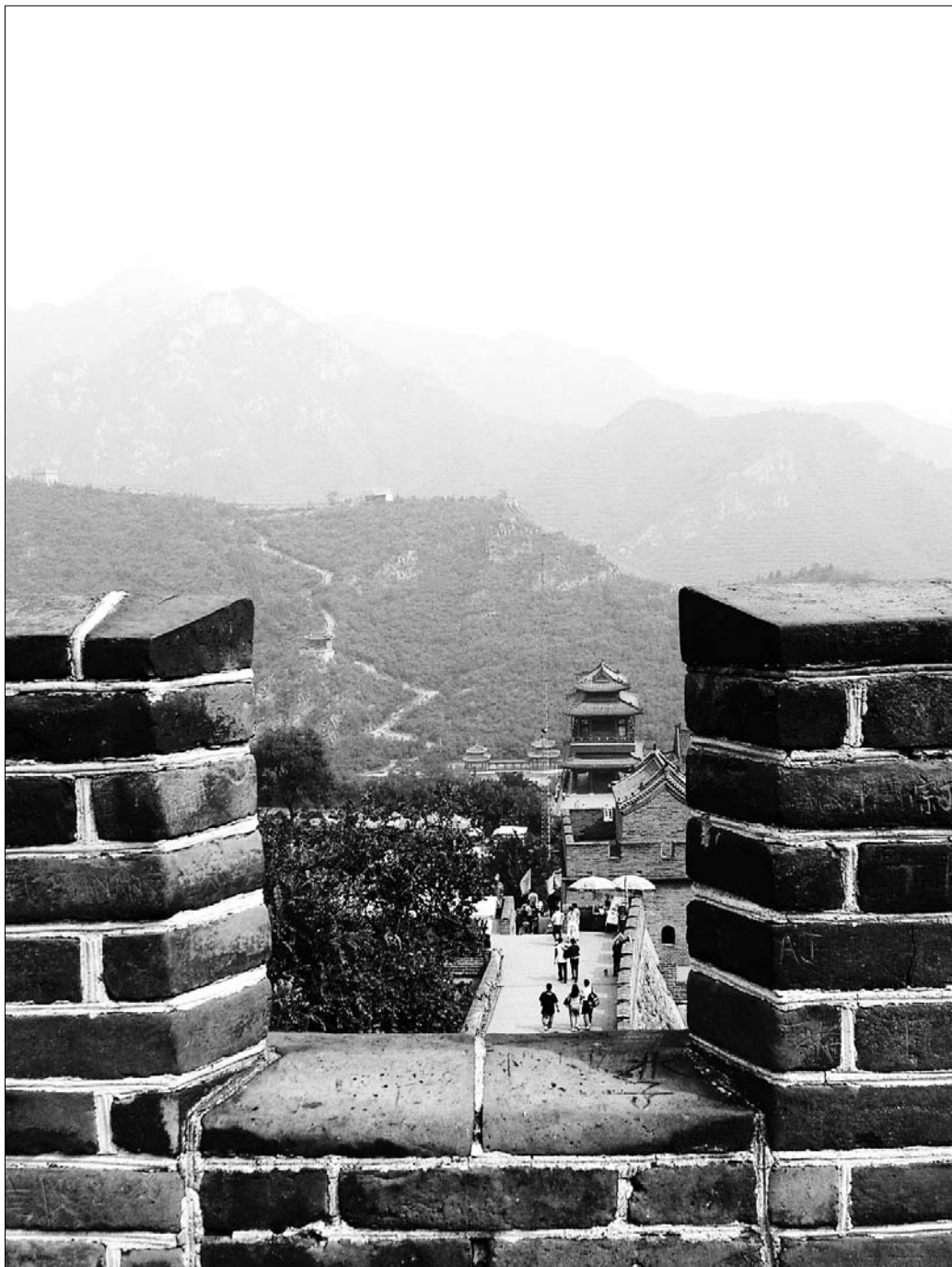
Год России в Китае

Во внешнеполитической практике России этот совершенно новый проект в международной практике становится традиционным. Уже в дни визита госпожи Сони Ганди в Россию летом 2005 года Президент Владимир Путин и глава правящей партии Индии договорились об объявлении 2008 года Годом России в Индии.

Действительно, если считать Китай и Индию стратегическими партнерами и если мы хотим развивать сотрудничество с этими странами, должны знать и изучать их образ жизни, культуру, менталитет. За громкими фразами о дружбе должны стоять вполне прагматичные цели.

Были созданы оргкомитеты по прове-

дению Года России в Китае и Года КНР в РФ на самом высоком уровне. Оргкомитеты возглавили с российской стороны первый вице-премьер РФ Д. Медведев, а с китайской – "железная леди" Китая У И. Кстати, вице-премьер Госсовета КНР входит в тройку самых влиятельных женщин мира после Ангелы Меркель и Кондолизы Райс. Как заявил первый заместитель председателя правительства России Дмитрий Медведев, "самые благоприятные условия для развития дружбы между народами двух стран создает проведение Года России в Китае". Мировые агентства разнесли заявление госпожи У И о том, что год России в Китае вызвал настоящий бум России в самых широких кругах китайской общественности.

Республика Саха (Якутия) – как крупнейший дальневосточный российский регион – по праву стала активной участницей мероприятий Года России в Китае. Республиканский оргкомитет возглавил Вице-президент Александр Акимов.

Было символично, что Дни республики в Харбине совпали с "круглым столом" законодателей РФ и КНР. В нем приняли участие председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго и председатель Совета Федерации Федерального Собрания России Сергей Миронов. Это мероприятие было названо У И "важнейшим" в планах Года России. "Это событие будет иметь важное значение для развития межпарламентских и межрегиональных связей", – это цитата

из ее пресс-конференции. В рамках конференции прошли заседания "круглых столов" по вопросам экономического и гуманитарного сотрудничества России и Китая. Обсуждались следующие темы: "Перспективы развития российско-китайского сотрудничества в сфере науки, образования и высоких технологий", "Проблемы и перспективы российско-китайского приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества", "О перспективах создания совместных предприятий в регионах Дальнего Востока, Сибири, провинциях северо-востока КНР", "Миграционные процессы и их нормативно-правовое регулирование" и другие. Нашу республику представляли А.Акимов, Ю.Заболев и А.Ким-Кимэн. На прием от имени Со-

вета Федерации РФ были приглашены солисты Государственного театра оперы и балета Республики Саха (Якутия), Государственный ансамбль скрипачей "Виртуозы Якутии" и народный ансамбль "Рамада" (г. Нерюнгри).

Год России в Китае по-новому открыл для всех нас россиян великую страну Китай. Представители более 30-ти регионов России побывали в Китае. "Это – дипломатия регионов в действии", сообщил, выступая на презентации республики, представитель Посольства России в Пекине.

Встречей в Пекине в ноябре глав правительств России и Китая, Российской национальной выставкой, инвестиционным форумом завершился Год России в Китае. В этих мероприятиях принимала участие

делегация республики во главе с первым заместителем Председателя Правительства Геннадием Алексеевым.

В российской прессе о Китае пишут много и активно. Если во многих материалах превалировало опасение к динамично развивающемуся соседу, то в последнее время этого заметно меньше. Исчезает недоверие, сковывавшее наши отношения в советские времена. Думаю, даже беглый взгляд на материалы, появившиеся в течение этого года в СМИ, дает представление о положительном итоге акции, предпринятой Президентами наших стран.

Китай и Якутия.

Горизонты сотрудничества

Приезд губернатора провинции Хэйлунцзян г-на Чжан Цзоцзи летом этого года в Якутск расставил все точки над i. На церемонии встречи в аэропорту в разговоре с журналистами Александр Акимов отметил особую важность пребывания китайской делегации на земле Олонхо. Господин Чжан Цзоцзи стал первым из губернаторов регионов Китая, кто посетил Якутию.

Сентябрьская презентация республики стала еще одной важнейшей вехой в развитии внешних связей республики как в целом, так и в осуществлении планомерного, наступательного развертывания связей с Китайской Народной Республикой.

Китай всегда притягивал якутян и всегда был в сознании многих поколений очень далеким, но одновременно и близким, и понятным. Добрую память о себе оставили китайцы, осевшие в разные годы в районах республики. А если копнуть поглубже, то историки считают, что какие-то отдаленные предки современных якутов имели довольно устойчивые контакты со многими народами Азии, в том числе и Китая. Известно, что на территории современной Якутии археологи находили китайские бусы, фрагменты фарфора и шелковой одежды. Значит, есть основание предполагать, что наши предки имели торговые связи с Китаем.

А.К.Акимов, вручая Председателю Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами (КНОДЗС) профессору Чэнь Хаосу картину с изображением журавлиного клина, использовал очень выразительную метафору. Кыталыктар – белые журавли-стерхи – идеал красоты и чистоты матери-природы у саха, зимующие в юго-восточном Китае, прилетают гнездоваться, выводить птенцов на север нашей Якутии в поймы рек Яны, Индигирки и Колымы. При этом они пролетают свыше пяти тысяч километров над сибирской тайгой и пустынями Центральной Азии.

КНОДЗС размещается в одном из центральных районов Пекина и занимает бывшее здание посольства Италии начала XX века. Эта организация играет важнейшую роль в системе внешнеполитических структур Поднебесной.

Усилия по развитию связей с Китаем, предпринятые министром внешних связей Александром Мигалкиным (ныне – Генеральным консулом Российской Федерации в г. Эрдэнэт (Монголия)) и советником Вице-президента республики по международным и внешнеэкономическим связям Иваном Рожиным, приносят свои плоды. Установились тесные связи с Посольством и торговым представительством Российской Федерации в Китае. Большим организационным мероприятием стала презентация республики в Посольстве России в Пекине еще в марте 2004 года. По данным Министерства внешних связей республики, Китай входит в десятку основных торговых партнеров Республики Саха (Якутия). За 15 лет внешнеторговый оборот Республики Саха (Якутия) увеличился в два раза и составил в 2005 году около 30 миллионов долларов США.

Сотрудничество развивается в алмазогранильной и ювелирной отраслях, в области сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и спорта. Открытие представительства республики в составе торгпредства, прямой рейс Якутск–Харбин–Якутск и совместные предприятия – все это только начало. В общем, успешно реализуются подписанное в 2004 году Соглашение между Правительством Республики Саха (Якутия) и Народным Правительством Провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики и мероприятия, предусмотренные Протоколом о расширении сферы деятельности в области экономики, торговли и туризма, подписанным во время визита делегации во главе с председателем Народного Правительства Провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики г-ном Чжаном Цзоцзи.

Как заметил бывший Посол России в Китае, ныне член Совета Федерации РФ Игорь Алексеевич Рогачев, выступая на презентации республики в Пекине, Якутия – "один из локомотивов среди регионов, очень быстро и продуманно развивает сотрудничество с Китаем".

Интерес к республике подогревает в последние годы позиционирование Якутии как "мировой кладовой энергоресурсов". В последние годы это приобретает все более реальные черты. Конечно, здесь сыграли свою роль проекты освоения новых месторождений и расширения экспорта нефти и газа, строительство единой нефтепроводной магистрали "Восточная Сибирь – Тихий океан". И на пресс-конференции в Российском информационном центре (гостиница "Синьвэнь"), где присутствовали представители 46 средств массовой информации, в том числе и таких мировых информагентств как Рейтерс, большинство вопросов касались запасов и освоения углеводородного сырья, леса, энергетических ресурсов. В задаваемых вопросах сквозил интерес именно к проблеме освоения недровых богатств. Учитывая объемы производства, Китай сегодня испытывает сильнейший энергетический голод. А для республики это открывает

**Интервью г-на Ван Лиминя якутским журналистам (наверху).
Церемония подписания Протокола.**

широкие перспективы по созданию совместных предприятий, в частности, в Южной Якутии. Обсуждается еще более глобальный проект, как создание транспортного коридора Китай–Якутск–Тикси–Европа.

Александр Акимов подчеркнул в своей речи на презентации республики: "Уверен, что работа нашей делегации не только поможет глубже проанализировать экономический потенциал республики, установить деловые контакты, но и даст реальный старт важнейшим проектам. От нынешнего посещения Вашей прекрасной страны, нашей сегодняшней встречи мы ожидаем взаимного стремления к развитию торгово-экономических и культурных связей на качественно новой основе. Это, по моему глубокому убеждению, отвечает интересам России и Китая. Мероприятия, проводимые в рамках Года России в Китае, укрепят контакты и доверие между деловыми сообществами наших стран, помогут найти новые сферы и формы сотрудничества".

Программа Дней республики была очень насыщенной. Она включала презентацию социально-экономического развития Республики Саха (Якутия), представление приоритетных инвестиционных проектов, выставку "Земля Олонхо приглашает", на которой была представлена продукция ведущих якутских предприятий, стендовый раздел об экономическом и инвестиционном потенциале Республики Саха (Якутия), обширную культурную программу с участием солистов Государственного театра оперы и балета Республики Саха (Якутия), Государственного ансамбля скрипачей "Виртуозы Якутии", фольклорных групп "Айархаан" и "Рамада".

В г. Харбине состоялись встречи с губернатором провинции Хэйлунцзян г-ном Чжаном Цзоци и другими руководителями провинции. Подписан Протокол переговоров о сотрудничестве между Правительством Республики Саха (Якутия) Российской Федерации и Народным Правительством провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики.

В Департаменте коммерции провинции Хэйлунцзян прошла встреча представителей якутских и китайских деловых кругов, где приняли участие более 80 представителей китайских компаний. Состоялись встречи в администрациях городов, а также в предприятиях и корпорациях КНР.

В г. Пекине состоялась встреча в Министерстве образования КНР, прошли переговоры в Госкомитете КНР по развитию и реформам, национальной нефтегазовой корпорации "CNPC". ОАО "Сахателеком" подписал Соглашение о сотрудничестве с крупнейшей китайской корпорацией по производству электроники "Хуавэй".

Подписано соглашение о сотрудничестве между Департаментом по делам печати и телерадиовещанию Республики Саха (Якутия), ЯСИА и Хэйлунцзянской почтовой компанией по информатике и сетевым технологиям.

Во время проведения Дней РС(Я) состоялись концерты артистов республики.

21 сентября был дан гала – концерт в клубе Посольства РФ в Пекине. Достигнута договоренность между Министерством культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) и Управлением культуры провинции Хэйлунцзян о совместном проекте деятелей культуры и искусств Республики Саха (Якутия) и провинции Хэйлунцзян в рамках Года Китая в Российской Федерации.

Члены делегации встретились со студентами из Якутии, обучающимися в Китае (их более 150 человек), воспитанниками Пекинского циркового училища (обучается 2-я группа маленьких артистов).

Для дальнейшего развития культурных связей заложена хорошая основа и также есть у нас очень важный ресурс – Международные спортивные игры "Дети Азии", создающие условие для дальнейшего развития всесторонних связей со странами Азии.

Завершая визит в КНР, Вице-президент республики Александр Акимов встретился в МИД КНР с заместителем министра г-ном Ли Хуэем и с Полномочным и Чрезвычайным Послом РФ в Китае Сергеем Разовым.

Прорыв "Детей Азии"

Если визит делегации республики и участие в Генеральной ассамблее Олимпийского совета Азии (ОСА) и презентацию там же Игр "Дети Азии" в сентябре 2005 года можно было называть прорывом "Детей Азии" в азиатское спортивное сообщество, то этот год не только закрепил достигнутое, но и заставил взглянуть на отношения с Китаем другими глазами. Стратегия и философия "Детей Азии" верна – таковы итоги. "Дети Азии" – долгоиграющий бренд Якутии. Спорт, высокая мода, конкурсы красоты – это те реалии современного мира, которые создают привлекательный имидж стране, региону. Вот и китайцы в последние годы усиленно привлекают в свою страну строителей таких массовых мероприятий и шоу. Поэтому, с другой стороны, ясно, что "Дети Азии" требуют не только организаторских, но и духовных усилий. "Олонхо (традиции) – итэбэл (духовность) – иитии (воспитание)" – это тот принцип, который заложен в идее Игр "Дети Азии" и этим тоже может быть привлекателен для наших восточных соседей. Якутия останется в истории родиной Игр "Дети Азии".

Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Китае Сергей Разов на встрече с А.Акимовым в сентябре 2005 года сказал: "что касается Игр, то это дело – святое". И еще он подчеркнул: "Я считаю, что развитие сотрудничества Республики Саха с Хэйлунцзяном, и не только, очень удачно вписывается в контекст наших межгосударственных отношений. А эти отношения на подъеме".

Игры открывают возможности сотрудничества и в большом спорте. Если хотите, это вклад Якутии в Век Азии, как окрестили некоторые политологи наступивший XXI век. И это было важно и в связи с тем, что

Пекин стал хозяином Олимпийских игр 2008 года. Не случайно местом проведения Ассамблеи ОСА был выбран Гуаньчжоу. Он известен европейцам еще и как Кантон. Ныне это промышленный, быстро развивающийся гигант юга Китая. Не зря называют его Южными Воротами в Поднебесную. В этом великом городе состоялась встреча Вице-президента Якутии А.Акимова с президентом ОСА шейхом Кувейта Ахмадом Аль-Фахадом Аль-Сабахом, на которой идея наших игр получила горячую поддержку. Таким образом, Международные спортивные игры "Дети Азии" получили признание со стороны авторитетного спортивного сообщества – Олимпийского Совета Азии и были достойно представлены на его Генеральной Ассамблее. Усилия руководства республики, Министерства внешних связей, Госкомспорта, дирекции "Детей Азии" и спортивной общественности позволили преодолеть еще одну ступеньку к выходу детища республики на мировую арену.

Вопросы участия юных китайских спортсменов в следующих Играх "Дети Азии" обсуждались на переговорах с президентом Национального олимпийского комитета, Председателем Госкомспорта КНР господином Лю Пэнном, а во время Дней республики в Пекине – и в Министерстве образования Китая и получили полную поддержку.

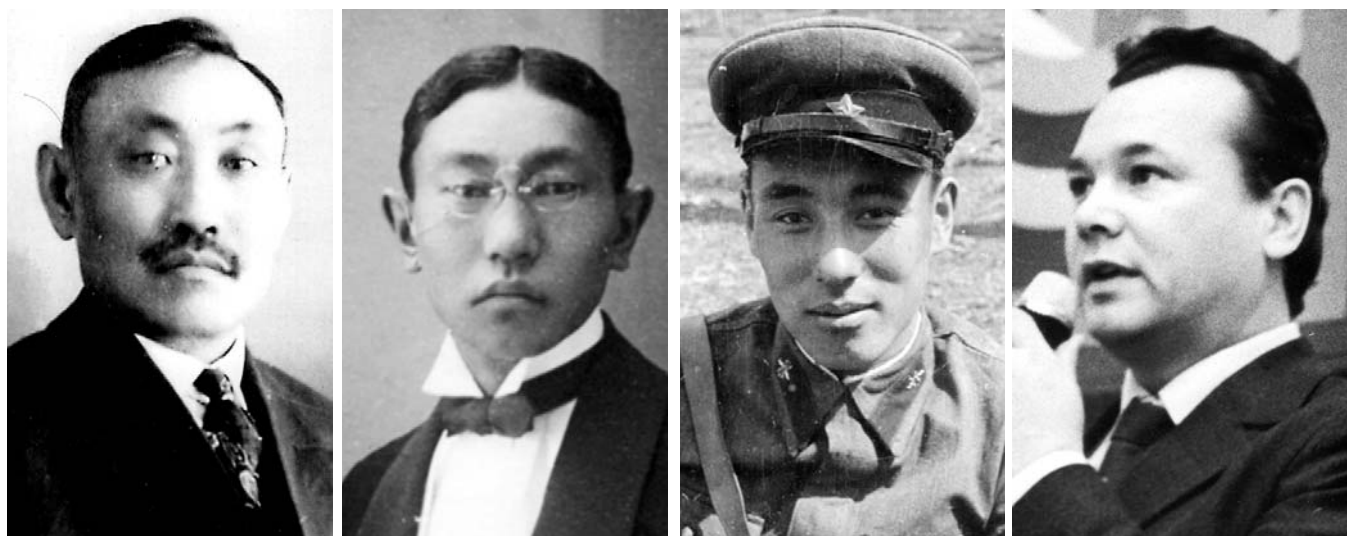
* * *

Культурная составляющая межрегиональных связей, тем более с такой великой державой как Китай, может иметь определяющее значение в развитии межгосударственных взаимовыгодных отношений.

Важно, чтобы Китай воспринимал соседние с ним территории России не только как сырьевые регионы, но и как солидных партнеров со своей самобытной историей, культурой и традициями. Сибирь и Дальний Восток России – это не пустующие территории, откуда все "бегут" в центральную часть России, а экономически развивающиеся части дружественной страны, обжитые народами с древними культурными корнями.

Развитие прямых внешних связей – составная часть социально-экономического развития каждого региона нашей страны. Республика Саха (Якутия) вносит свой вклад в создание имиджа России, как страны с большим будущим, одного из активных участников интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2006 год, декабрь.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МАННЬЯАТТААХ УОЛА

Купец и меценат Манньяттаах уола – одна из самых почитаемых, легендарных и трагичных личностей якутской истории XX века. С его именем связаны развитие не только экономики, предпринимательства в Якутской области, но и образования и культуры на заре XX века. В его биографии отразилось переломное для жизни страны время: революции, красный террор, гражданская война, вынужденная эмиграция. И в легендах о его жизни на чужбине: невыносимая тоска по Родине. Любовь народа и покаяние за преступления большевистской власти и сталинизма сфокусировались в его имени.

Сергей Никифоров:

"Я все больше горжусь тем, что я Никифоров – Манньяттаах"

В течение ряда лет возвращением в общественное сознание имен его и других эмигрантов занимается писатель, драматург Василий Васильев – Харысхал. Где только он не побывал! В архивах Москвы и Санкт-Петербурга, Хабаровска и Новосибирска, Китая и Японии, Финляндии и США... Ему помогали такие люди как президент Международного фонда "Демократия", председатель комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Александр Николаевич Яковлев, сотрудники Института Гувера (США). Его спектакль "Хайаан да эргиллиэм" ("Я обязательно вернусь") на сцене Саха театра в постановке Андрея Борисова о судьбе семьи Манньяттаах уола стал своего рода манифестом XXI века якутской интеллигенции, актом покаяния, эпитафией на памятном камне якутской эмиграции.

Долгое время о ближайших родственниках Манньяттаах уола почти ничего не было известно. И как всегда бывает в таких случаях, родственник, притом, правнук, на-

шелся неожиданно и не далеко от нас, в России, в Москве. В один из июньских дней облетела город Якутск весть: завтра на спектакле будет присутствовать правнук Манньяттаах уола.

Неужели? Кто он? Откуда?

И вот 23 июня 2006 года. Саха театр. Зал полон как всегда. Погас свет. Спектакль начался. Зрители переживают вновь события тех трагических лет. Кто-то всхлипывает, тяжело вздыхает...

Помните, как в спектакле маленький мальчик выходит к зрителям с колокольчиком? После окончания спектакля в тот вечер на сцену под овации зрительного зала вышел его прототип, правнук главного героя спектакля Сергей Сергеевич Никифоров:

– Я все больше и больше горжусь тем, что я Никифоров – Манньяттаах! (Аплодисменты). Спасибо вам! (Аплодисменты). Спасибо вам! (Аплодисменты). Маленький сувенир за такую сердечную работу и сильную работу я вручаю самому маленькому артист-

Юлия и Василий Никифоровы. Москва, май 1913 г.

ту. (Аплодисменты). Я так понимаю, что этот маленький артист символизирует продолжение нашего рода. (Аплодисменты).

Он оказался человеком атлетического сложения. Недаром профессиональный спортсмен и известный тренер.

Василий Харысхал, вышедший на сцену вместе с ним, назвал имена тех, благодаря кому стало возможным воплощение на сцене судьбы легендарного Манньяттаах уола. Это сотрудники рынка "Манньяттаах" Егор Егорович Федоров, Андрей Дмитриевич Еремеев, Дмитрий Васильевич Федотов, Юрий Петрович Борисов, Василий Иванович Егоров, Максим Дмитриевич Егоров. А также Николай Васильевич Лепчиков, Владимир Романович Кычкин, меценат, предприниматель Нина Прокопьевна Герасимова, выдающийся режиссер Андрей Саввич Борисов, исполнитель роли Манньяттаах уола Анатолий Павлович Николаев, все артисты Саха театра.

— Мы все очень хотели, чтобы вернулся Манньяттаах. Впервые на сцене он вернулся. Недаром наш герой говорит в финале: "Я вернусь!" Мы так долго этого ждали. Поэтому мы так и назвали спектакль "Я вернусь". И он вернулся. Старший сын старшего внука. Самый главный правнук. В знак памяти о сегодняшнем вечере, он многое еще не знает, передаю Сергею Сергеевичу все документы, которые нашел, работая в архивах разных стран.

Спектакль завершен. Буфет театра. Собрались те, кто причастен к спектаклю и приезду в Якутск Сергея Сергеевича Никифорова. Состоялось небольшое импровизированное обсуждение спектакля, разговор вел режиссер Андрей Борисов, начав с таких слов: "Через весь XX век он пришел к нам!"

Здесь следует добавить два штриха.

В октябре 2005 года приезжала в Якутск дочь видного государственного деятеля, первого наркома просвещения республики С.Н.Донского-II Лидия Донская. Лидия Семеновна рассказала Василию Харысхалу о Сергее Сергеевиче Никифорове и она же дала его домашний телефон.

В январе на Бале меценатов и попечителей были вручены знаки имени выдающихся купцов-меценатов современным меценатам. Это мероприятие знаменательно еще и тем, что 2006 год был объявлен в России Годом благотворительности. Как и в царской России, меценаты были награждены за "благотворительные свершения". В том числе был учрежден и знак имени Г.В.Никифорова-Манньяттаах уола. И лауреат этого знака, предприниматель и меценат из Сунтарского улуса Нина Герасимова профинансировала проезд правнука Никифорова на родину предков.

Так Сергей Сергеевич оказался на якутской земле. За короткие три дня он успел побывать в родовом селе Никифоровых в Лоомтуке, провести мастер-класс для тренеров по плаванию.

Сергей Сергеевич музею в Лоомтуке и директору нашего краеведческого музея Егору Шишгину подарил часть привезенных с собой фотографий и документов.

На следующий день после спектакля мы беседовали с Сергеем Сергеевичем Никифоровым в номере гостиницы. Сергей Сергеевич достает фотографии и документы и начинает неторопливо рассказывать, отвечать обстоятельно на мои вопросы.

— Сергей Сергеевич, как я понимаю, Вы помните дедушку — Василия Гавриловича Никифорова, старшего сына Манньяттаах уола, по рассказам бабушки. Начнем, пожалуйста, с того момента, как они познакомились. Это было в Санкт-Петербурге или в Москве?

— О его пребывании в Санкт-Петербурге мне практически ничего не известно. Я знаю, что когда дедушка приехал в Москву, он учился на инженера железнодорожного транспорта в университете, который успешно закончил. И второй вуз, который он закончил — это государственный университет, факультет философии.

— Это в Москве?

— Да, в Москве. И он, конечно же, попал в высшее московское общество, где познакомился с моей бабушкой. Они полюбили друг друга. Она урожденная графиня Кауль. Ее звали Юлия Федоровна Кауль. Корни у нее не русские. Предки бабушки приехали из Франции, когда там произошла революция. Бежали от революции и попали сначала в Ригу. Там ее отец стал почетным гражданином города Риги. Затем они попали в Бухару, он был консультантом эмира, затем они переехали в Астрахань. Бабушка, кстати, была очень спортивная. По тому времени она была чемпионкой Астрахани по большому теннису. Представляете? И вот когда они переехали в Москву, там встретились с дедушкой.

— Юлия Федоровна тоже училась в Московском университете?

— Она закончила в Астрахани гимназию и затем — Институт благородных девиц. Точно не могу сказать, где это было: в Петербурге или в Москве. Дедушка и бабушка были очень начитанными и высокообразованными людьми, они знали несколько языков. Если бабушка немецкий, французский, английский знала в совершенстве раньше, то дедушка выучил языки, когда приехал в Москву. Причем, по рассказам бабушки, он легко выучил. Запоминал целые страницы текста. Прочитал, закрыл глаза, про себя повторил и уже знал все наизусть. Легко, очень легко... Бабушка с большой теплотой вспоминала Василия Гавриловича. Он был необыкновенным человеком. Пользовался большим уважением в московском обществе. Даже у него прозвище было: "Принц". Почему? Потому что когда он появлялся в обществе, его поведение, осанка, манеры вызывали у людей такое восхищение и уважение, что его стали

так называть. Это видно по сохранившимся фотографиям. Когда они появлялись в театре ли, ресторане, невольно все всегда поворачивались, смотрели, как они проходят. Обращали на них внимание.

В семье, у бабушки, была большая коллекция фотографий. Вот я привез часть показать. Конечно, рассказы бабушки, ее отношение к нему отложились в сердцах моем и брата. Мы сохранили трепетное отношение к дедушке. Но в то время об этом особо распространяться, вы понимаете, не было смысла. Мы жили себе спокойно как обычные люди, советские, российские. Это были годы после 1955 — 56-го, когда мы уже переехали в Москву. А переехали мы в Москву, потому что отец завершил службу. Он был кадровым офицером, прошедшим Великую Отечественную войну. С японцами воевал. Довольно успешно, награжден орденами и медалями.

— Бабушка была с вами?

— Нет, нет. Бабушка была все время в Москве, даже во время Великой Отечественной войны. Она даже не думала о том, чтобы из Москвы уезжать. Она всю войну провела в Москве. А мы были на Дальнем Востоке. Расскажу вам, как отец попал на Дальний Восток. В середине 30-х годов началась вторая волна репрессий против спортсменов. Мой отец был неплохим спортсменом. Он великолепно бегал на лыжах. Великолепно катался на фигурных коньках. Фигуристом был. По рассказам моей матери, когда отец приходил на каток, весь город съезжался смотреть, как он катается. Я этого, к сожалению, не видел. Я видел, как он плавал. Потому что когда отца перевели в Комсомольск, это в Туркмении — там же море Каспийское, оно теплое, необыкновенно чистое море. Это были 1948-49 годы. Глубина 5-6 метров, а дно видно — как около тебя. И вот отец научил меня плавать. Когда мы переехали в Москву, меня отправили в пионерский лагерь. Совершенно неожиданно для себя я стал чемпионом лагеря по плаванию. Потом уже в городе я пришел в плавательный бассейн и стал серьезно заниматься плаванием.

— Сергей Сергеевич, Ваш отец родился...?

— Папа мой родился 3 марта 1914 года. Он, кстати, учился в том же институте, который и я закончил. Это Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры имени Сталина. Сейчас — Академия физической культуры и спорта. К сожалению, отец не сумел закончить учебу, так как ему пришлось бежать от возможного ареста. Его предупредили, что должны арестовать.

— Это какой год был?

— Кажется, 38-й.

— Он был еще студентом?

— Да. Они, быстро собравшись, со своим другом уехали на Дальний Восток. Друг его — Андерсон — тоже был пловцом. И

С.С. Никифоров.

вот так судьба сложилась, что отец на Дальнем Востоке встретился с моей мамой. Мама моя с Краснодара. Тоже была очень красивая женщина. Работала секретарем обкома комсомола во Владивостоке. Отец, когда приехал на Дальний Восток, поначалу устроился инструктором физкультуры в доме отдыха, а затем проявились его журналистские способности. Он работал какое-то время главным редактором одной из газет. В его личном архиве находится газета с его подписью: "главный редактор С.Никифоров".

– А что-нибудь сохранилось из его публикаций, писал ли он потом?

– Нет. Думаю, потому что офицерская служба была очень тяжелая, он отошел от журналистики.

– И там же, во Владивостоке, он начал военную карьеру?

– Он закончил офицерские курсы. Потом началась Великая Отечественная война. Часть, где он служил, оставили во Владивостоке. И таким образом отец все вре-

мя был на Дальнем Востоке. И когда началась война с Японией, он ее прошел с самого начала до конца. Причем он воин был довольно смелый и умелый. Я бы так сказал. Почему? Он сам мне особенно ни о чем не рассказывал. И вот когда он умер, и мы стояли, прощаясь, у его гроба, ко мне подошел его товарищ, по фамилии Никитин. Я его помню еще с тех пор, когда отец служил в Западной Белоруссии. Он и говорит "Сережа, а ты знаешь, что твой отец, будучи лейтенантом, был начальником штаба дивизии?". Вы представляете, быть лейтенантом и командовать дивизией! Я был удивлен, когда об этом узнал. То есть, это только один штрих, который говорит о его качествах. Качествах бойца, командира. Он нас с братом по воскресным дням брал к себе в часть, где нам даже позволялось пострелять. Мне было 8 лет, а брату – 6. И мы из боевой винтовки по мишеням стреляли, он нас приучал к солдатской службе.

– Вспоминал ли он об отце, вашем дедушке?

– В 18-м году ему ведь было всего 4 года. Деда он видел мало. Больше я знаю о дедушке по рассказам бабушки.

– Кем работал дед? Рассказывали ли бабушка? И как он погиб?

– Мы знали только, что он погиб в Томске, или, видимо, Тобольске. При каких обстоятельствах это произошло, мы не знаем. Бабушка не могла, видимо, нам рассказывать все подробности. Дети есть дети. Тем более, что мы с братом учились в школе с детьми высокопоставленных чиновников, дипломатов. Я учился в одном классе с внуками Сталина. Или, например, знаменитого тогда дипломата Волкова... Дело в том, что мы жили по адресу Преловский переулок, дом 7, квартира 9, а школа наша находилась в Московском переулке. Это было недалеко от улицы Новослободской, где построили для коммунистической элиты большой дом. Вот мы с братом, можно сказать, случайно попали в эту школу.

Фото В.Никифорова в разные годы.

Настоящая фото-
графическая карточка

Василий Юлианович
Грозов

В.П.Тришотовъ

ЯКУТСКЪ
БОЛЬШАЯ УЛ. СОБ. ДОМЪ.

На основании моего подлин-
ника Оканчивающаго Ижевс-
кого класса Якутского реаль-
ного училища по Особому
мнѣнію Оудѣленнаго Васили-
яна Гавриловича Нев-
Клерова и другихъ и при на-
значеніи ему, что под-
писанъ въ предъидущей
спискѣ не имѣя факта
прислѣ. 15 Января 1910 года
Директоръ М. Корни-
ловъ

– **Внуки Сталина?**

– Это Надя и Саша Бурдонские – дети Василия Сталина от первой жены. Тогда мы, дети, на то, кто чей сын или внук, особого внимания не обращали. У нас были свои взаимоотношения. Саша был тихий и скромный. Надя была более боевая, активная. Она уже ушла из жизни. Сейчас Саша работает режиссером театра Российской Армии. Мы с ними особенно не общались.

– **А бабушка в каком году умерла?**

– Бабушка умерла в 1970 году. Ей было 80 лет. Она до конца была, если подойдет это слово, такая чопорная... Очень интеллигентная была. Очень много знала. Мы с братом по любому вопросу к ней обращались. Какой бы вопрос мы ей не задавали, всегда получали исчерпывающий ответ.

– **Много было у нее родственников?**

– Несколько сестер и брат Николай, который рано умер. Она очень тесно общалась с сестрой Зинаидой Федоровной.

– **Они с Василием Гавриловичем поженились в каком году? Как они жили?**

– Боюсь ошибиться, но, кажется, свадьба была в 1912 году. У них с дедушкой была до революции большая квартира, но после революции оставили ей две комнаты. Остальные комнаты заселили, получилась коммунальная квартира. Когда отец закончил службу и мы переехали в Москву, в одной комнате жила бабушка, в другой – мы. Потом мы получили квартиру, и я поехал жить с бабушкой. А мой брат Леня жил с родителями.

– **А бабушка кем работала в советское время?**

– Бабушка была медицинским работником. Она работала в роддоме старшей сестрой. Очень большим уважением пользовалась.

– **Вы в каком году вернулись в Москву?**

– В 1956-м. Отец вышел в отставку. Потом его назначили главным механиком одного из трестов в городе Алексине. Он там работал. А мы жили в Москве, учились, потом он переехал в Москву. Закончил технический вуз и до конца жизни работал по этой специальности. Он гордился, что он якут. У него якутское лицо, вот, взгляните на фото. Он был прямой, честный, когда надо, жесткий человек. Его уважали офицеры, любили солдаты. Я его очень любил. Его было за что любить. Он был педагог сильный, толковый, неординарный человек. Никого никогда зря не накажет.

С.В.Никифоров.

– **Он о Якутии вспоминал?**

– О Якутии больше всего вспоминала бабушка. Потому что она приезжала сюда. И вообще она о жизни с дедом, довольно может мимолетно, но частенько вспоминала. Как они жили, как они общались. Рассказывала, что на ночь, например, они любили, чтобы окна были открыты. Так, чтобы даже снежинки летали по комнате. Думаю, было натоплено. Но вот эта якутская привычка деда – дышать свежим воздухом, она, видно, осталась.

– **Рассказывала ли она про приезд в Якутск?**

– Конечно, только с восхищением. Как они добирались на са-нях. Это же было не так быстро. Что очень вкусная пища была. Ей очень нравилась строганина. К сожалению, я ее ни разу еще не пробовал (смеется). Надеюсь, попробую. Бабушка была восхищена этой едой. Несмотря ни на что. Притом, что, конечно же, в Москве они питались в лучших ресторанах. Она как мне рассказывала, у дедушки был принцип: человек со стола должен выходить с легким чувством голода. И всегда обед он заказывал после завтрака, ужин он заказывал после обеда, завтрак он заказывал после ужина. Это было неукоснительное правило. Я сначала не понимал, почему. А потом, значит, бабушка объяснила, что заказ еды надо делать на сытый желудок. Когда человек голоден, готов все скушать. Еще она вспоминала, что после шампанского всегда ели миндаль. Эти штрихи, нюансы она всегда отмечала.

– **Мебель, посуда сохранилась?**

– Да, кое-какая сохранилась, но когда мы переезжали на новые квартиры, теперь вспоминаю с сожалением, мы эту мебель просто выбросили. Мода другая была. Купили новую, современную. Сейчас бы так не поступили. Это была наша ошибка. Вспоминаю книжные шкафы, шкафы для одежды. Ведь все это было произведениями искусства. Мы ж тогда молодые были, не понимали. Бабушка как-то не возражала. То ли понимала, то ли молча соглашалась.

– **Вы с бабушкой жили до ее кончины?**

– Да, я жил с бабушкой до ее смерти в 1970 году. Я поступил в институт в 1966 году, а закончил в 1973. А почему учился дольше – у меня распоряжением заместителя председателя Спорткомитета была свободная посещаемость. Я был освобожден от занятий. И экзамены сдавал, когда хотел и по-своему выбору. Занимался

Сергей с матерью Юлией Федоровной.

спортом. В чемпионатах страны участвовал. Выполнял норму мастера спорта. Был победителем чемпионатов обществ "Динамо", "Труд". Потом меня пригласили в Спорткомитет СССР. Работал тренером по плаванию (он передает мне спортивную биографию).

– **Как вижу, Вы тренировали олимпийского чемпиона Владимира Сальникова. Чем он сейчас занимается?**

– Насколько я знаю, его пригласили работать в Федерацию плавания России.

– **Вы общаетесь с ним?**

– Нет. Расскажу, почему так сложилось. Перед тем, как он завоевал последнюю, четвертую, олимпийскую медаль в Корее, он участвовал за год до Олимпиады в чемпионате Европы в Страсбурге. И на моих глазах он даже не попал в финал. Занял девятое место. Все подумали и, это естественно, что больше результатов от Владимира ждать нельзя. Но он отреагировал своеобразно. Он отказался от меня, от личного тренера Кошкина Игоря Михайловича. И в протоколе записал, что он является учеником своей жены. Он тогда, по-моему, только женился. После этого, конечно, я и Игорь Михайлович очень сильно обиделись. Помните, первый раз он блеснул в Монреале, а туда мы взяли его для того, чтобы "пристрелять", как мы говорим, посмотреть. Никто не рассчитывал, что он попадет в финал, но мы видели, что по физическим данным он далеко пойдет. Опытный тренер ведь видит. Это 1976-й год был. И когда он стал пятым на 1500 метров, нашей радости не было предела. Мы всегда радовались за него.

– **Сергей Сергеевич, возвращаясь к основной нашей теме, а Вы встречались ли с якутянами, до звонка Вам Василия Харысхала?**

– Встречались. Дело в том, что к бабушке из Якутска приезжало очень много разных людей.

– **Не вспомните, кто?**

– Помню ее подругу Анну. Отчество забыл. Замечательная была женщина. И вот, вспоминаю один случай, как-то мы шли с моей супругой по Комсомольскому проспекту. Видим, идет бабушка нам навстречу, с кем-то из Якутии. Остановились, и она представляет ей меня: это вот сын Никифорова. Ее спутница так была восхищена и удивлена. Для нас с женой это тоже было неожиданно. Я тогда подумал, что наш род все-таки в Якутии помнят. Общаюсь с Лидией Семеновной Донской. У нас очень теплые взаимные чувства. Она замечательный человек. Она мне

С.В.Никифоров
в годы военной службы.

как тетя, даже как старшая сестра. Почему? Ее отец – Донской II. А моя бабушка после смерти дедушки вышла замуж за его брата Донского I. Кстати, мой отец его очень любил. Был замечательный человек. Детей не было. У меня даже сохранился его серебряный значок члена ЯЦИК. Бабушка как-то рассказывала, что он был составителем русско-якутского словаря.

– **Он был репрессирован?**

– Да, это ужасно, как они с ним поступили. Он же был болен туберкулезом, лежал дома. Его унесли на носилках в тюрьму, где он скончался. Вот как могли тогда с людьми поступать! Просто сердце кровью обливается, когда вспоминаешь, знаешь такие вещи (он тяжело вздохнул, замолчал).

– **Какова была Ваша реакция, когда Вам позвонил Василий Егорович Харысхал и пригласил в Якутск?**

– Сначала я удивился и, сразу после разговора с ним, Лиде позвонил. Она сказала, чтобы я ехал обязательно. Потому что в Якутии наш род помнят, уважают. Мой брат очень хотел приехать, но вот болезнь не позволила ... Выздоровеет, может быть, позже побывает на родине деда.

– **А какая семья у Вашего брата?**

– Леонид сталевар, работал на заводе "Серп и молот", сейчас на пенсии. У него дочь Галя, а у той двое детей – дочь и сын.

– **А теперь о своей семье...**

– Я женился в 1962-м, в 21 год. Я очень любил свою жену. Она скончалась от рака в 1987 году. Детей иметь не могла. Потом, перед тем как уехать на работу в Египет, мне предложили возглавить национальную сборную команду по плаванию, мы расписались с моей нынешней супругой Валентиной Ивановной. В Египте прожили почти три года. У меня есть сын от другой женщины. Зовут его тоже Сережа. Ему вот 17 лет исполнится 20 сентября. Живет отдельно. Мы с его мамой не расписывались, но он носит мою фамилию – Никифоров. Сергей

Сергеевич Никифоров.

– **Расскажите о Вашей тренерской работе.**

– Я работал старшим тренером сборной команды СССР по ДСО "Зенит". Готовил ребят, активно работал на три Олимпиады: 1972-го, 76-го, 80-го. Особенно на две последние. Это были самые успешные годы для пловцов Советского Союза. Когда ушел из Спорткомитета СССР, возглавил общество "Зенит". Это было 1 января 1973 года. Тогда команда "Зенита" занимала

С.В.Никифоров (1914-1984).

С.С.Никифоров со своим воспитанником Сергеем Заболотновым во время чемпионата Европы в г.Страсбурге (Франция).

11-13 места в Союзе. Я навел порядок и в июне 1974 года на чемпионате Советского Союза мы заняли четвертое место. Пропустив вперед "Спартак", "Буревестник", "Труд". И на чемпионатах страны такой расклад сохранялся. Это притом, что у нас не было массового количества пловцов, как в других обществах. Но на чемпионатах Европы если сборная команда Советского Союза, скажем, завоевывала 8 золотых медалей, то 6 были наши, а на чемпионате мира из 6-ти 4 оказывались "зенитовскими". Тогда спортобщества были по отраслям. "Зенит" представлял военную промышленность. Были очень засекречены. Порой даже запрещалось писать, в какой город я еду на сборы.

– И в заключение, каковы Ваши впечатления от посещения родины Вашего деда – Василия Гавриловича Никифорова?

– Удивительные. Представляете, я прихожу в аэропорт, это еще в Москве. Подошел к справочной, сзади встала женщина якутка. Она что-то спросила, и вот так разговорились. Я сказал, что лечу в Якутск, что все мои родственники всегда жили в Якутии. И говорю – Никифоровы. Она сразу поняла, что к чему. Это меня так удивило. Вот так началась моя встреча с родиной деда. Здесь меня очень тепло встретили. Я здесь ощущаю себя как дома. Я вижу, чувствую отношение людей, земляков. Все это очень приятно. Трудно выразить все чувства словами. Ощущение радости. Когда вчера был на спектакле... это конечно, ошеломляюще... просто слов нет. Бабушка приблизительно так и рассказывала об истории нашей семьи.

– А бабушка рассказывала о прадеде?

– С прадедом она мало общалась, виделась, скорее всего, только когда приезжали сюда. Как я говорил, она все время вспоминала деда. Если так подумать, они прожили вместе всего-то четыре года. Юлия Федоровна его очень любила. А он был выдающейся, необыкновенной личностью.

Выслушав взволнованный рассказ Сергея Сергеевича, я поблагодарил его. Но он еще немного порасспросил про историю Якутии. И вот на этом мы завершили нашу беседу. Уже по прошествии некоторого времени мне позвонил Егор Спиридонович Шишигин и сказал, что Мария Кузьминична Гаврилова передала ему статью-воспоминание о семье Никифоровых. Она очень сожалела, что не смогла встретиться с Сергеем Сергеевичем. Мы сегодня также публикуем эту очень интересную статью.

Олег СИДОРОВ.

Сергей Сергеевич Никифоров во время пребывания в Якутске.

Встреча с руководителем Департамента по делам народов и федеративным отношениям республики А.Мигалкиным.

В.Харысхал, С.Никифоров, Д.Федотов.

Василий Гаврилович
Никифоров с женой Юлией
Фёдоровной Кауль. 1913 г.

Образ купца I гильдии Гаврила Васильевича Никифорова, удачливого предпринимателя и мецената, все больше привлекает внимание. Интересуются и его потомками. У купца была большая семья: три дочери и пять сыновей, а также приёмные дочь и сын. Меньше всего сведений сохранилось о старшем сыне – Василии, так как он последние годы жизни провёл в центральной России.

Мария ГАВРИЛОВА

ИЛЛИН • 2006, №5-6

Якутский купец
Гильдии и меценат Гаврил
Васильевич Никифоров.
Харбин, 1935 г.

ЯКУТ В СОПРОВОЖДЕНИИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ, или Несколько страниц из жизни потомков купца Г.В.Никифорова

Мои родственники по отцовской линии были земляками купца – из Мегино-Кангаласского улуса, и знали Г.В. Никифорова не понаслышке, а по непосредственному общению с ним. Кроме того, мой отец, Кузьма Осипович Гаврилов, и мой дядя, Гавриил

Осипович Лукин, были в семейных связях с потомками знаменитого купца.

Василий Гаврилович Никифоров, старший сын купца и его надежда, родился в 1893 году, и жил относительно независимо от отца.

Началось с того, что летом семья Никифорова обычно выезжала на свою дачу. Дом этот на Сергелях сохранился до сих пор у остановки "Сергелях-1". Это – двухэтажное здание с деревянным кружевным обрамлением. До недавнего времени

здесь размещался детский сад "Холбоса". Живя на даче, Василий стал встречаться с одной девушкой. Отцу это не понравилось. Видимо, такой брак не сулил больших благ. И он, чтобы помешать ему, решил отправить Василия в центр обучаться торговому делу.

Будучи в 1911 г. в Нижнем Новгороде, Василий Никифоров решил проехаться по Волге до Астрахани. И здесь, на пароходе, он познакомился с девушкой Юлией. Молодые люди понравились друг другу и ре-

Мария Кузьминична Г•ВРИЛОВА•, главный научный сотрудник Института мерзлотоведения СО Р•Н, доктор географических наук, академик •Н РС(Я) и Р•ЕН, засл. деятель науки РФ и РС(Я).

шили пожениться. Юлия проживала в Астрахани. Отца её, Фердинанда Карловича Кауля, шведа по национальности, когда-то пригласили инженером-механиком в знаменитую пароходную компанию "Кавказ-Меркурий". Мать, Евдокия Карповна, была немкой, по-видимому, родом из Прибалтики.

В семье Кауль было много детей – 2 сына и 5 дочерей. Естественно, что многодетная семья испытывала материальные затруднения. Старшая дочь Юлия была уже на выданье. Искусная мать понашила ей на последние деньги нарядов и отправила в путешествие по Волге, в тайной надежде на знакомство с каким-нибудь богатым человеком. Так оно и получилось.

Приехав в Астрахань, молодые явились к родителям. После подробного ознакомления с происхождением и состоянием жениха, добро на замужество дочери с сыном якутского миллионера было дано. Так в 1912 г. состоялась женитьба Василия Гавриловича Никифорова на Юлии Федоровне Кауль.

В 1913 г. летом молодые Никифоровы приехали в Якутск, где прошли официальное венчание и свадьба. Отец к приезду молодожёнов построил для них двухэтажный дом. Дом этот находился на Большой улице (ныне проспект Ленина) рядом с магазином Никифорова. В 1945 – 1946 гг. это был Дом культпросвещения ГК ВКП(Б). В начале 60-х годов здание снесли и на его месте построили жилой дом "Холбоса".

Но Василий Гаврилович с женой в Якутске не задержались, вернулись в центр и обосновались в Москве. Поняв, что Василий не намерен осесть в Якутске, отец купил сыну в Москве небольшую гостиницу. Это было трёхэтажное здание на несколько десятков комнат в центре города, на Лубянке. В 1914 г. у Никифоровых родился сын Сергей.

Но тут наступили революционные времена.

В 1918 г. Василий Гаврилович Никифоров проживал с семьёй в знаменитом купеческом Замоскворечье, по улице Пятницкой. В одном доме с ним жил генерал, который в своё время служил в личной охране Сергея Александровича Романова. С.А. Романов, родной брат русского царя, являлся генералом-губернатором Москвы, и был убит в 1905 г. эсером И.П. Каляевым.

Новая власть решила, что царская семья будет выслана в Сибирь. Зная, что Василий – якут, коренной житель Сибири, генерал стал уговаривать его войти в свиту Николая II и сопровождать Романовых, что-

бы как-то облегчить их пребывание в этих суровых краях. В конце концов, В.Г. Никифоров поддался на уговоры и согласился.

По приезду в Екатеринбург его срочно отправили в город Тобольск для подготовки жилья для Романовых. Вскоре туда приехала и царская семья. Но к Тобольску стала приближаться белогвардейская армия Колчака. Романовых срочно вывезли обратно в Екатеринбург. Через несколько дней началось наступление колчаковцев.

Услышав на рассвете выстрелы, Василий Гаврилович стал быстро одеваться. Он задумчиво сказал: "Сейчас утренний свет борется с ночной тьмой, и идёт борьба белых и красных. Очень интересно наблюдать этот исторический момент", и вышел. На нём было богатое пальто на лисьем меху, на голове – бобровая шапка. Он не вернулся.

Через сутки тело Василия Гавриловича Никифорова было найдено в железнодорожной будке, он был раздет догола. Неизвестно: то ли его убили грабители, то ли он попал под шальную пулю и был потом ограблен. Во всяком случае, на его теле были обнаружены пулевые раны. Так погиб один из потомков якутского миллионера Г.В. Никифорова.

Юлия Фёдоровна после смерти мужа страшно бедствовала. Однажды её, проходившую по улице с мальчиком якутской внешности, увидел мой отец, Кузьма Осипович Гаврилов. Он в то время (с 1922 г.) работал заместителем якутпостпреда в столице. Разговорились, нашлись общие знакомые. Он устроил её на работу в Якутпостпредство машинисткой. Мой отец был очень добрым человеком и поэтому неудивительно, что Сергей не отходил от него. Пожалевав мальчика, Кузьма Осипович женился на Юлии Фёдоровне. Но брак был недолгий, всего 4 года, в 1926 г. они разошлись.

В 1926 г. отец вернулся в Якутск. В 1927 г. он женился на моей маме, Охлопковой (Харитоновой) Марии Фёдоровне. В 1928 г. появилась и я. В 1931–1938 гг. мы жили в Москве. Дружеские отношения с первой семьёй отца сохранились.

В третьем замужестве Юлия Фёдоровна тоже вышла за якута – за Семёна Николаевича Донского-старшего, бывшего наркома земледелия Якутии. Они хорошо прожили более десяти лет. В последние годы жизни Семён Николаевич болел туберкулезом позвоночника, лежал в постели. Жена заботливо ухаживала за ним. Но 15 февраля 1938 г. приспешники НКВД пришли за

Кузьма Осипович Гаврилов с женой Юлией Фёдоровной Кауль и пасынком Сергеем Никифоровым. 1924 г.

лежащим больным. Вынесли на носилках и увезли в Бутырскую тюрьму. Говорят, он умер прямо на допросе на третий день, а на листах следственного дела остались пятна крови. А вскоре, 5 марта 1938 г., забрали и моего отца. Наша семья была вынуждена уехать в Якутск.

Избалованная и капризная Юлия Фёдоровна Донская, любившая наряды и слывшая легкомысленной женщиной, после смерти мужа преобразилась, стала много работать. Закончила медицинские курсы, работала в больнице и славилась как хорошая хирургическая сестра. Умерла она в начале 60-х годов.

Сергей Васильевич Никифоров в детстве был шаловливым мальчиком. Кое-как закончил 7-й класс московской школы. В 1935-1936 гг. учился в физкультурном техникуме, затем был призван в армию, там он стал профессиональным военным. Был офицером. Служил на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Выйдя на пенсию капитаном, вернулся в Москву. Умер в 80-х годах.

В 1937 г., приехав в отпуск с Дальнего Востока, он встретился в Москве со своей одноклассницей Лидией Мешалкиной и предложил ей пожениться. А вскоре уехал на место службы. Узнав, что беременна, Лидия выехала на Дальний Восток, но там у Сергея оказалась другая женщина. Почувствовав себя лишней, она вернулась в Москву.

Лидия попыталась жить у своей матери. Но у той была лишь небольшая комнатка в коммунальной квартире, где помимо родителей жили три брата и сестра с ребёнком. Лидия пошла к несостоявшейся своей свекровке, попросилась временно у неё пожить. Юлия Федоровна согласилась. Так в 1938 г. родился сын Анатолий Никифоров.

Мой дядя, Гавриил Осипович Лукин, живший, по старой памяти, у Юлии Федоровны (две комнаты когда-то принадлежали К.О. Гаврилову), сжался над молодой бездомной женщиной и сделал ей предложение. Он был аспирантом Московского автодорожного института, где до этого учился. Он также работал в Комитете по вечной мерзлоте, и ему предстояло распределение в г. Игарку, где строился большой морской порт на многолетнемерзлых грунтах.

Лидия Феопентовна согласилась. В срочном порядке Анатолий Сергеевич Никифоров был усыновлен. И теперь он стал Анатолием Гавриловичем Лукиным. Тем самым была осуществлена идея "отгородить" его от фамилии Никифоровых, так как к тому времени стало известно, что дедушка, его сын и зять бежали за границу, в Китай и далее в Японию.

Вскоре новая семья выехала в Игарку, где Г.О. Лукин вскоре стал зам. директора Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции АН СССР. Там же, в Игарке, родился в 1939 г. второй сын, Кузьма Гав-

**Гавриил
Осипович Лукин
с женой
Лидией
Феопентовной
Мешалкиной и
сыновьями
Анатолием и
Кузьмой.
Якутск, 1947 г.**

Анатолий Гаврилович Лукин – курсант Военного училища связи с родителями и братом. Якутск, 1958 г.

I ряд: Гавриил Осипович Лукин, прапраправнук купца Дмитрий – сын Лиды, Лидия Феофентовна Лукина.

II ряд: Кузьма Гаврилович Лукин, жена Анатолия – Тамара Ивановна, праправнучка купца Лидия, праправнучка купца Елена, правнук купца Анатолий Гаврилович Лукин. Энгельс, 1984 г.

Правнук купца Анатолий Гаврилович Лукин (Анатолий Сергеевич Никифоров) с женой Тамарой Ивановной. Энгельс, 2003 г.

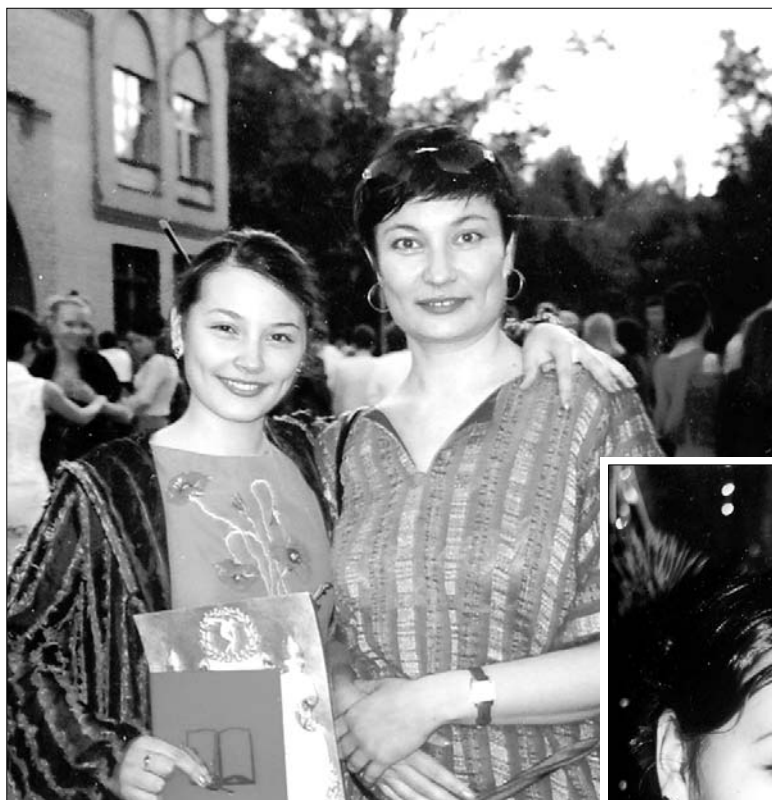
рилович Лукин, названный в честь моего отца, Кузьмы Осиповича Гаврилова, расстрелянного в сентябре 1938 г. в Москве. Анатолий и Кузьма, получается, мои двоюродные братья.

Семейство Лукиных в 1941 г. приехала из Игарки в Москву в отпуск. И тут началась война. Гавриил Осипович пошел в ополчение, но узнав, что он имеет редкую специальность дорожника-мерзлотоведа, его отозвали и послали в Забайкальский военный округ, где строились аэродромы и другие военные сооружения. Лидию с сыновьями и матерью с внуком эвакуировали в Башкирию.

Но Лукины рвались в "родную" Якутию. И вот в 1942 г. их мечта осуществилась. Вначале они остановились у моего второго дяди В.О. Лукина, а затем им выделили квартиру в каком-то бывшем складе-амбаре. Василий Осипович Лукин был тоже арестован в начале 1938 г. и был приговорен к 15 лишения свободы, но затем, в период разоблачения "ежовщины", был освобожден в 1939 г.

После окончания войны мать Лидии, Юлия Робертовна, и племянник Олег вернулись в Москву, а семейство Лукиных осталось в Якутске надолго, на целых 24 года. Здесь мальчики пошли в школу и закончили учёбу, и здесь определились с будущим.

В 1943 году, в связи с переброской самолётов по воздушной трассе Аляска-Чукотка-Якутия-Красноярск и далее, Г.О. Лу-

**Праправнучка купца
Елена Анатольевна
Лукина-Соловьёва с
дочерью. 2006 г.**

**Прапраправнучка купца
Марина Соловьёва.
2006 г.**

кин был откомандирован в Якутск для строительства запасных аэродромов. Так воссоединилась семья. Гавриил Осипович работал в Институте мерзлотоведения, а Лидия Феопентовна – в Управлении гидрометеослужбы.

Анатолий узнал впервые о том, что он неродной сын Гавриила при получении паспорта. Милиционер-паспортист спросил: "Лукин твой родной отец или нет?". Подросток растерянно ответил: "Не знаю". Дома разразился скандал. Анатолий, окончивший 10-й класс, демонстративно не пошёл на сдачу экзамена по русскому языку на Ат-тестат зрелости. В конце концов, поостыв, он сказал: "Не тот отец, кто родил, а тот – кто воспитал". Разобравшись, что родной отец его военный, он заявил, что пойдёт в военное училище. Сотрудники военкомата попросили руководство школы принять запоздалое сочинение и направили юношу в Военное училище связи.

После окончания учёбы он служил в Мурманске, затем в г. Энгельсе. Выйдя в отставку, он так и остался в этом городе. Работал в средней школе учителем физкультуры, а после перестройки занялся мелким бизнесом.

Анатолий женат, имеет двух дочерей Лиду и Елену, вырастил трёх внуков. В Якутск он приезжал один раз, когда учился в военном училище. Я тогда жила с Лукиными на Мерзлотке. Но подробности его происхождения были "табу". И мать, и отец говорили, что не надо об этом рассказывать.

Я написала ему всю правду, когда умерла его мать – с разрешения отца, а ему было уже под 60. Так Анатолий впервые узнал, что он прямой потомок купца I гильдии Гавриила Васильевича Никифорова по прозвищу "Манньяттаах уола", и что в нем течёт 1/4 якутской крови.

Между прочим, у Сергея Васильевича Никифорова, по слухам, есть ещё два сына от второй жены – Сергей Сергеевич (как будто он приезжал в Якутию в 2006 г.) и Леонид Сергеевич. Но я их не знаю.

Гавриил Осипович, воспитавший потомка Г.В. Никифорова, и его жена-мать Анатолия, уехали из Якутска в 1966 г., после выхода на пенсию. Жили в Цимлянске Ростовской области, а в последние годы в г. Миассе Челябинской области у младшего сына.

Кузьма учился в Якутском университете на физико-математическом факультете, а затем перевёлся в Казанский авиационный институт на факультет самолетостроения. Был распределен в г. Миасс на "Машзавод", занимался ракетостроением. Г.О. Лукин умер в 1998 г. в возрасте 95 лет, а жена умерла раньше.

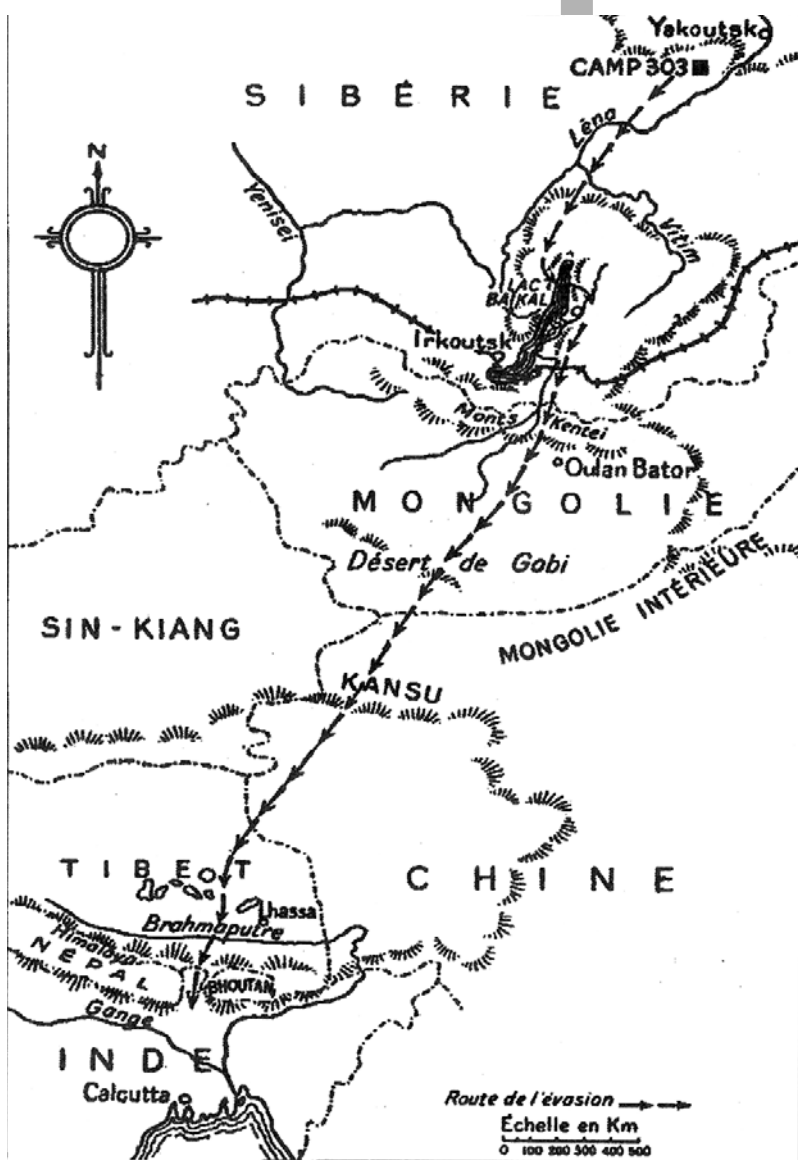
Недавно (в 2006 г.) я встретила с праправнучкой купца Г.В. Никифорова Еленой Анатольевной Лукиной-Соловьёвой (по мужу) – дочерью Анатолия Гавриловича Лукина.

Это высокая красивая женщина с заметными якутскими чертами лица, со слегка раскосыми глазами. Она работает в

Москве, начальником юридического отдела крупной фирмы "Транснефтьсервис – С". Муж её – прокурор одного из районов Московской области. У них есть дочка, прапраправнучка Г.В. Никифорова, Марина Соловьёва – студентка Саратовского медицинского института. Судя по фотографии, у неё тоже якутоватые глазки. И мать, и дочь интересуются своими якутскими предками, мечтают посетить Якутию.

**Фотографии 1, 2 – из личного архива
Шишигина Е.С.
Фотографии 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – из
фотоархива М.К. Гавриловой.**

Славомир РАВИЧ

Пешком от

Карта,
составленная
беглецами

* Окончание. Начало смотрите в журнале
“Илин” в •• 4 и 5 за 2004 г., • 2 за 2006 г.

Форсированным маршем

Полярного круга до Гималаев*

XX

ВПЯТЕРОМ МЫ ПРОХОДИМ НЕДАЛЕКО ОТ ЛХАССА

Проходили недели, октябрь уступил место ноябрю, дни стали прохладнее, ночи холоднее. Нам приходилось идти без еды по четыре-пять дней подряд по протяженным участкам местностей, слишком оголенных даже для того, чтобы кормить баранов или коз. Порой в мрачное раннее утро, окутанное туманом, я чувствовал себя совершенно сломленным, лишенным всей энергии, неспособным пошевелить ни одной частью своего бедного тела. У каждого из нас были такие дни упадка сил. Еда, которой нас угощали с такой щедростью, была существенной, но случайная сырая пища ослабляла нас так, что в итоге мы всегда страдали от цинги. Несмотря ни на что, мы считали себя счастливыми потому, что ни у кого не было полного упадка духа, и впоследствии мы все оказывались способными продолжать путь. Мы переходили горные реки вплавь каждый раз, когда это было нужно. Бывало так, что мы подходили к вершинам грозного вида, которые при приближении вызывали у нас удивление тем, что нам нетрудно было подниматься на них, и карабкались на холмы, безобидные на вид, но которые на деле оказывались очень крутыми и замедляли наш темп.

Однажды вечером Маршинковас начал дискуссию на тему, целесообразно ли переходить Гималаи по прямой линии. Он считал, что лучше дойти до Лхассы или какого-нибудь другого города и остановиться там, чтобы набраться сил прежде, чем начать последний этап. Его вяло поддерживал Палушович. Остальные были против такой потери времени. Я опасался, что промедление такого рода могло ослабить нашу решимость. В течение месяцев мы были движимы одной силой, которая помогала нам продвигаться вперед, и я хотел, чтобы ничего ей не мешало, пока мы не найдем убежище в Индии.

Смит высказал обоснованную мысль, что власти большого города не примут нас, может быть, так же тепло, как встречали в деревнях. Они могут задать нам трудные вопросы и попросить предъявить документы.

Маршинковас не настаивал. Он высказал эту идею, чтобы прозондировать наше мнение, и был вполне доволен исходом дискуссии. Его предложение родилось не из-за неверия в свои силы. Он, как и все остальные, был убежден, что, в конце концов, у нас все получится. Мы не могли позволить себе допустить провал.

В этот период мы использовали прочные круги из железной проволоки, которые таскали с собой, начиная с оазиса. Однажды, карабаясь на вершину, мы обнаружили тропинку, загроможденную обломками горной породы. Чтобы обойти препятствие, нам нужно было пойти на большой риск – перелезть через выступ, возвышающийся заостренным контрфорсом. Мы сделали из сплетенных ремешков веревку длиной в три метра, затем привязали ее к проволочному кругу. Пользуясь высоким ростом, Колеменос бросил ее как лассо, чтобы зацепиться за острый конец скалистого выступа. Он смог сделать это с десятой попытки. Затем осторожно перенес свой все еще значительный вес на веревку, чтобы проверить на прочность. Она держала хорошо. Заро, который был одним из самых легких в группе, вызвался пройти первым. Он очень осторожно вскарабкался на выступ, не полностью доверяясь веревке, и там, где можно было, помогал себе руками и ногами. Добравшись до верха, он проверил уже прикрепленный конец, и мы все проделали тот же путь достаточно легко, и замыкающим был Колеменос.

Тогда мы встречали ряд деревень и поселков, сильно отдаленных друг от друга. Все они были похожи меж собой как совершенно простой архитектурой, так и гостеприимством, которое нам оказывалось. У них не было никакой отличительной черты, которая позволила бы воскресить их в моем воспоминании. И, тем не менее, одно из поселений сохранилось в моей памяти по причине совершенно необычной встречи, которая произошла у нас там. Эта деревушка была такая скромная и такая отдаленная – всего шесть домов, стоящих один за другим, – что мы запросто могли бы пройти мимо, не заметив, если бы случайно не увидели угол одного дома. Молодой улыбающийся тибетец, сильно заинтригованный тем, что мы говорим на непонятном для него языке, привел нас с необычной поспешностью к группе мужчин. Один из них был настолько выше ростом тибетцев, с которыми он разговаривал, что сразу привлек наше внимание. Он повернулся в нашу сторону одновременно с остальными, и мы с удивлением обнаружили, что это европеец. Наш проводник представил нас, мы поклонились крестьянам. Они поклонились в ответ. Европеец слегка наклонил голову и так долго рассматривал нас, что я начал испытывать некоторое неудобство.

Это был мужчина примерно семидесяти лет, седые волосы которого сохранили кое-какие следы, свидетельствующие о том, что в молодые годы они у него были золотистые. Хотя он слегка ссутулился, рост его был примерно метр восемьдесят. Несмотря на свой возраст, он казался крепко сложенным и очень мускулистым. У

него был вид человека, прожившего многие годы на свежем воздухе, и всё у него было выразительным – и сильные руки, и несколько удлинённое умное лицо. Поверх одежды на тибетский манер он носил толстое пальто – тракар – из вывернутой овчины, завязанное на поясе узким ремнем из черной кожи. Было трудно определить цвет его глаз, так как солнце отражалось на стёклах его очков в стальной оправе, которые так странно было видеть в этом краю. Тибетцы смотрели на нас выжидающе. Я подумал, что настал момент растопить лёд и обратился к нему по-русски. Интерес местных жителей явно возрос.

Мужчина покачал головой, выдержал паузу, затем заговорил по-немецки. И тут Маршинковас, Колеменос и Заро обрадовались возможности продемонстрировать свои способности, а говорили они на этом языке так же хорошо, как я на русском. Палушнович и я знали его достаточно для того, чтобы понимать ход разговора, но я не знаю, понимал ли американец хоть слово. Я был поражен сдержанностью иностранца. Он высказывался сжато и напряженно, четко отвечая на наши вопросы, не вдаваясь в детали. Он сказал нам, что он миссионер-нонконформист, что приехал сюда с группой европейцев одного вероисповедания. И вот уже скоро пятьдесят лет, как он путешествует по Китаю и Тибету. Мне кажется, это был немец или австриец.

Ни с того, ни с сего он перешел на французский. Заро, который владел этим языком в совершенстве, тоже стал говорить по-французски, потом снова перешел на немецкий. Тибетцы слушали, разинув рты, очарованные потоком иностранных слов. Я ясно чувствовал, что мы не нравимся нашему новому знакомому. И предполагаю, что причиной тому был наш внешний вид, грязные нечесанные волосы, одежда в лохмотьях, наша крайняя бедность. Кажется, он пользовался в этой деревне и за ее пределами большим авторитетом, созданным и подкрепленным в течение долгих лет. И вполне возможно, что он думал, что приход этих шести оборванных европейцев мог навредить его репутации среди местных жителей.

Заро, который больше всех поддерживал разговор, быстро почувствовал, что наш приход отнюдь не в радость незнакомцу. Это разбудило беса, дремавшего в нем. Он начал отвечать на вопросы миссионера с развязной беспечностью. Он изобразил нас как "группу космополитических туристов" и уклонился от ответа, когда тот спросил, откуда мы.

Миссионер явно не поверил, когда тот сказал, что мы идем совершать паломничество в Лхасса. Всего в течение нескольких минут была установлена атмосфера взаимного недоверия. Наши разговоры нрави-

лись только тибетцам, но они, конечно, ни капли в них не понимали.

– У вас ничего нет. Как вы живете?

Заро ответил:

– Мы выживаем благодаря гостеприимству местных жителей. Они очень добры, как вы уже, наверное, заметили.

– Однако вы же не только этим кормитесь каждый день?

– Это верно, – согласился Заро. – Бывают дни, когда нам приходится потуже затягивать пояса. Мы к этому привыкли.

Вмешался Маршинковас, чтобы спросить у миссионера, где он живет. Мужчина указал на мула, который проходил на некотором расстоянии от нас.

– Вот мой мул. Где он останавливается, там я и живу.

Мы пришли в эту деревушку в районе десяти часов утра. Миссионер остался с нами во время еды. Об этой местности я помню еще и то, что нас угостили рисом, и я спросил у них, где они вырастили его. Миссионер говорил мало, но обстановка оставалась напряженной. Мы заинтриговали его, и он не знал, с какой стороны подступить к нам. К трем часам пополудни он заявил, что собирается покинуть деревню. Мы проводили его на улицу. Он сходил к жителям соседних домов, затем, оседлав своего мула, окинул нас взглядом и сказал по-немецки:

– Куда бы вы ни направлялись, я желаю вам удачи.

Мы поблагодарили его. Он не протянул нам руки. Попрощался с тибетцами и удалился.

Тибетец, который принял нас у себя, посмотрел, как он уходил, затем выпрямился, постучал себя по груди и поиграл мускулами. Я думаю, что он давал нам понять, что тот, кто удалялся, является или был человеком, способным на большие подвиги. Я сожалел, что встреча не была более дружеской, он мог бы рассказать нам многое из того, что мы желали узнать. Как всегда, ватага детей с живыми и любопытными глазами окружала нас, пока мы возвращались к дому нашего хозяина. Мальчишка лет восьми потянул Заро за штаны. Тот начал строить ему всякие гримасы. Остальные ребяташки, в количестве дюжины, смеясь, толпились вокруг него. Он показал им еще кое-какие чудачества, от чего мальчишки были без ума.

– Покажи им свой казакский танец, Эжен, – бросил ему я.

Заро тотчас присел на корточки, подняв облако пыли, а мы в это время могли уловить только ритм топота его ног. Дети вопили от радости, а взрослые, выглянув из дверей, смеялись, удивленные гибкостью нашего друга.

Разнузданный номер Заро показал-

ся нам способом изменить гнетущую и натянутую атмосферу, образовавшуюся после отъезда миссионера. И я думаю, что "танцор" осознавал это.

В конце концов, мы пришли к разветвлению, о котором (в этом были уверены) упоминал черкес – дорога слева вела в Лхасса, а другая, направленная на юго-запад, вела в Индию. Спустя несколько часов мы заметили вдали большой караван примерно из пятидесяти человек и стольких же животных, медленно удаляющийся по направлению, как мы предполагали, к священной городу. Это была единственная большая группа, которую мы видели в стране.

Мы шли по местности с неровным рельефом и большими озерами. К концу ноября перед нами предстал большой водоем, похожий на внутреннее море. Спускаясь к берегу, мы попытались определить его площадь. Но так как мы не были уверены, что тонкая линия на горизонте и есть его противоположный берег, то наши расчеты относительно его ширины варьировались от шестнадцати до сорока километров. Мы искупались в его прохладных водах и расположились вокруг костра, жар от которого был совершенно недостаточен для того, чтобы уберечь нас от сырости, поднявшейся за ночь из озера.

Последовал период относительно легкого пути. Берег озера сопровождал нас многие километры. Спустя два дня мы оказались в пересеченной местности. Там была деревушка из нескольких домов, где остановились только, чтобы поесть. И так как мы отказались остаться на ночь, нам дали еды с собой. Мы довольно быстро двинулись вперед и были в отличном расположении духа. Моя рана на ноге зажила, и я снял повязку.

Через три или четыре дня после того, как ушли с большого озера, мы установили наш ночной дозор на одной пустынной лощине, усеянной обломками горной породы, за которые цеплялась чахлая растительность. Шли дожди, и почва была влажная. Несмотря на то, что у нас был трут, понадобилось время, чтобы разжечь огонь. Мы устроились в неглубокой расселине, чтобы поесть остатки мучных лепешек. Ночной ветер задувал дым от костра в нашу сторону, и мы сидели, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Эта ночь ничем не отличалась от предыдущей дюжины ночей, оставшейся позади. И, конечно, ничто не предвещало того, что она станет ареной трагедии.

Мы спали беспокойным сном, как всегда, за исключением Колеменоса. По оче-

**Каждое Рождество, –
сказал он нам после паузы,
– сколько себя помню, я
пел гимны. Поэтому я не
преминул сделать это и
сегодня вечером. Это
поможет нам, я знаю.**

реди каждый просыпался, бормоча что-то, и в полусне поднимался, чтобы подбросить дров в костер. Когда начало светать, Заро встал и вышел. Я приподнялся, опираясь на локти, когда он вновь появился.

– Немного туманно и холодно, – сказал он мне. – Тронемся в путь.

Он подошел к нашим товарищам и стал будить их одного за другим. Палушович лежал рядом со мной. Маршинковас съехал между Смитом и Колеменосом. Я встал и потянулся, помассировал окоченевшие ноги, похлопал себя по бокам. Все поворачивали, открыли глаза, потянулись. Колеменос, дурачась, толкал меня, когда я делал разминочные упражнения.

Голос Заро заставил нас вздрогнуть:

– Ну, Захариус. Вставай!

Он наклонился над Маршинковасом и легонько потряс его за плечо. Я уловил тревожную нотку в его голосе, когда он снова закричал:

– Вставай! Вставай же!

Он посмотрел на нас с искаженным от беспокойства лицом.

– Наверное, он болен. Не могу разбудить его.

Я упал на колени рядом с Маршинковасом. Он лежал в совершенно расслабленной позе, закинув руку за голову. Я схватил его за руку и потряс ее. Никакой реакции. Его глаза оставались закрытыми. Я стал нащупывать пульс, приподнял веки. Отказываясь верить в очевидное, я осмотрел его снова. Тело было еще теплое.

Наконец, я поднялся.

– Маршинковас умер, – объявил я голосом, спокойствию которого удивился сам.

Утверждение показалось мне таким странным, что я повторил:

– Маршинковас умер.

– Но это невозможно! – воскликнул кто-то. – Он не был болен. Я говорил с ним всего несколько часов назад. С ним все было в порядке. Он ни на что не жаловался...

– Он мертв, – повторил я еще раз.

Смит склонился над телом. Через одну или две минуты он скрестил руки Маршинковаса на груди, поднялся и сказал:

– Да, господа, Слав прав.

Палушович снял свою старую шапку и перекрестился.

Захариус Маршинковас в возрасте двадцати восьми или двадцати девяти лет, у которого было бы многообещающее блестящее будущее в области архитектуры в своей родной Литве, если бы русские не изгнали его из нее, отказался от борьбы. Мы были ошеломлены, не понимали, как смерть могла унести его так внезапно. Мо-

жет быть, он был истощен больше, чем показывал, может быть, он исчерпал

лимит своего мужества. Не знаю. Никто из нас не мог объяснить этого. Молчун Маршинковас, который вдруг проявил свой циничный ум, Маршинковас, который жил, в основном, в своих мыслях, человек, который носил в себе тяжесть горечи, и с которым Кристина подружилась и смогла смягчить его нрав, – этого Маршинковаса больше не стало.

На этой каменистой земле мы не смогли найти места, где можно было бы похоронить его. Его последним ложем стала глубокая расселина в скале, которую мы завалили булыжниками и гравием. Колеменос еще раз выполнил свою начальную обязанность: он сделал маленький крест, который воткнул в щель. Мы попрощались с нашим товарищем каждый по-своему. Я молча прочитал молитву и препоручил его душу Господу. Затем, пятеро оставшихся, мы продолжили свой путь, волоча ноги. Рассудив, что они могут нам пригодиться, мы взяли с собой фуфайку и соболий жилет Маршинковаса.

Местность снова изменилась. Обрывистые холмы подвергли нашу решимость и выносливость суровым испытаниям. Мы научились пользоваться нашими проводочными кругами при преодолении труднопроходимых переходов. Каждый вечер мы старались найти деревню, чтобы переночевать под крышей, но очень часто ночь заставляла нас под открытым небом, где не виднелось ни одного жилища.

Как-то с одной вершины мы увидели вдаль, как солнечные лучи отражаются на крышах города, расположенного на высоте, и мы обрадовались при мысли о том, что, по крайней мере, мы увидели священный город Лхасса. Может быть, на самом деле, это был один из крупных монастырей, которых много в Тибете. Тем не менее его расположение, как казалось нам, вполне соответствовало той местности, где, по нашему мнению, находилась Лхасса. И мысль о том, что мы увидели ее после того, как использовали название в качестве талисмана на протяжении всего нашего пути, начиная с сибирской границы, не могла не нравиться нам.

К концу декабря мы наткнулись на самую большую из всех встреченных нами в Тибете деревень, почти село, и где было примерно сорок домов, расположенных с непривычной равномерностью по обеим сторонам дороги. Там возвышалось необычное здание, покрупнее других, которое в Европе, без сомнения, было бы мэрией. Крестьянин, одетый в теплую одежду, подбитую мольтоном, повел нас к этому зданию. Мы заметили, что на дороге не было ни одного ребенка. Причина этой странности прояснилась, когда наш проводник вошел вовнутрь и привел очень худого азиата с изможденным лицом и пронизывающим

взглядом, которому было примерно между 30 и 40 годами. Мужчина посмотрел на нас, поклонился, улыбнулся и вернулся в дом. Через минуту две дюжины детей с шумом вышли из здания и разбежались, рассматривая нас мимоходом. Значит, это здание было школой и этот мужчина, без сомнения, учителем.

Я уверен, что он не был тибетцем. Китаец? Я не поклялся бы в этом. Когда он снова появился, трое или четверо деревенских жителей уже стояли вокруг нас, и эти люди обменялись несколькими словами относительно того, что мы – иностранцы и не понимаем их языка. Это было очевидно. Учитель обратился к нам на двух разных наречиях, может быть, тибетском и китайском, говоря медленно и старательно отделяя слоги. Я сказал ему несколько слов на русском, а Заро сделал попытку заговорить по-немецки. Это ни к чему не привело.

Какое-то время мы стояли, переминаясь с ноги на ногу под нетерпеливыми взглядами тибетцев. Учитель вновь заговорил, очень медленно выговаривая слова. И на этот раз по-французски! Заро тут же вступил в разговор. Слова так и вылетали из его уст. Учитель, улыбаясь, поднял руку, предупреждая, чтобы он говорил помедленней. Заро покорился, и оба начали разговаривать с явным удовольствием. Разговор сопровождался жестами со стороны нашего друга, и проходил с большим количеством повторов и упрощений. Тибетцы, довольные оборотом дела, стояли с сияющими лицами.

Азиат медленно и спокойно сказал Заро:

– Идите за человеком, который привел вас сюда. Он поведет вас к себе домой и позаботится о вас. Я присоединюсь к вам чуть позже, и мы еще поговорим.

Тут он сказал несколько слов тибетцу, и мы направились к дому, где нас угостили чаем, пока готовилась еда.

Учитель вошел бесшумно, не постучавшись, и поклонился всем по очереди. Он уселся рядом и поел вместе с нами. Потом вытащил нож со стопорным вырезом, привязанный к плетеному кожаному ремешку, который он носил на поясе, и, видя, что я заинтересовался, протянул его мне. У ножа было одно лезвие и рукоятка из кости, и надпись на стальном лезвии указывала, что он был сделан в Германии. Учитель не сказал, откуда он у него.

Заро попытался вывести у него, где он учился, а также где он выучил элементарный французский, но тот очень ловко отвлек от себя внимание к хозяину дома, и оставил вопрос без ответа. Любопытство Заро в этом смысле так и осталось неудовлетворенным. Этот человек очень сильно заинтересовал меня. Я был уверен, что он не всю свою жизнь провел в Тибете. Вспо-

ледствии я решил, что он, может быть, жил в Индокитае. Следуя нашей привычной осторожности, мы не открыли ему, откуда начался наш путь, но Заро умерил его любопытство, рассказав, каким образом мы попали в Тибет. Он был очень впечатлен, узнав, что мы пересекли пустыню Гоби. Насколько он знал, никто не смог сделать этого без животных и съестных припасов.

– А каков пункт вашего назначения? – спросил он.

– Мы хотим попасть в Индию, – ответил ему Заро.

Больше не было и речи о том, чтобы говорить о паломничестве в Лхасса, город, который теперь остался позади нас.

Наш хозяин-тибетец вежливо перебил нас, чтобы спросить, о чем мы говорим. Учитель перевел ему и, казалось, оба были обеспокоены.

– Вы должны изменить маршрут, – посоветовал нам учитель. – В горах будет плохая погода, и вы встретитесь с большими трудностями. Лучше будет пройти через Лхасса и примкнуть к какому-нибудь каравану. Вам, может быть, придется подождать какое-то время, но это того стоит.

Заро сказал, что мы подумаем над его советом, но мы все знали, что продолжим наш путь и никогда не войдем в Лхасса.

Мы попросили учителя поблагодарить хозяина дома за его еду и доброту. Поручение было исполнено. Тибетец ответил и учитель перевел:

– Он был рад принять вас. Он желает, чтобы ваши ноги привели вас туда, куда хотите, и чтобы ваш путь прошел благополучно. Он говорит, что вы переночуете у него, и завтра он даст вам съестных припасов в дорогу.

Мы проговорили до глубокой ночи. При посредничестве Заро я задал вопрос, который терзал меня с тех пор, как я вошел в этот дом: там стоял специфический, острый запах, немного похожий на запах фермы.

Учитель улыбнулся и указал на каменный пол, который, кажется, был покрыт толстым слоем кирпичной краски. Запах, объяснил он, исходил оттуда. Жители этого региона, заботясь о красоте интерьера, получали такой эффект гладкой краски, используя красный порошок, смешанный с уриной животных.

Заро попросил его назвать нам дату. Было 23 декабря 1941 года.

Мы заснули глубоким сном на бараньих шкурах, расстеленных прямо на полу. На следующее утро мы получили обещанную еду и ушли, получив на прощание от наших хозяев пожелание о благополучном продолжении пути.

Вечером 24-го числа мы сидели вокруг большого кост-

ра. Похолодало, и никто не хотел ложиться, чтобы дрожать всю ночь в полусне. Мы говорили о прошлых праздниках Рождества, об ужасном прошлогоднем Рождестве, когда мы шли на север в сторону лагеря. Палушович, ревностный католик, удивил нас, неожиданно запев неверным и хриплым голосом польский гимн. Он спел два куплета, затем, увидев, что мы не подпеваем, замолчал.

– Каждое Рождество, – сказал он нам после паузы, – сколько себя помню, я пел гимны. Поэтому я не преминул сделать это и сегодня вечером. Это поможет нам, я знаю.

Дни стали холодными, а ночи еще холоднее. Снежные облака угрожающе висели над отрогами Гималаев. Мы провели одну ночь в деревушке, состоящей из четырех жалких каменных хижин, и на следующее утро потратили много времени на то, чтобы изготовить варежки из руна, которое нам дал черкек.

Наступил ясный день, и мы увидели прямо перед нами Гималаи, покрытые снегом и окруженные облаками. На самом деле, мы были все еще очень далеко от них, и обнаружили, что путь, который разделял нас, был полон испытаний и опасностей.

Мы изо всех сил старались, чтобы ночь не заставала нас на вершинах, тем не менее, однажды мы не смогли избежать этого, когда после обеда на нас обрушилась неистовая снежная буря. Продолжать путь было бы безумием. Снег ослепил нас, и дальше нескольких метров ничего не видно было. Мы бросились на поиски укрытия. Наши мокасины утопали в снегу. Мы находились на обычном отвесном крутом склоне, но наши подошвы, скользя на каждом шагу, грозили превратить этот спуск в настоящее бедствие.

Удача или Провидение подарило нам природное укрытие от бури в виде расщелины, созданной двумя огромными скалами, прислоненными друг к другу под острым углом. У нас с собой был запас дров и сухого навоза, который мы несли по очереди. Мы попытались разжечь огонь, и были уже близки к тому, чтобы отказаться от этой затеи, так как из-за снежного ветра губка не могла разжечь веточки.

Мы с Заро трудились больше часа, и нам, наконец, удалось разжечь костёр. Затем мы растянули наши мешки, придавив их самыми большими камнями, которые мы смогли найти, чтобы заткнуть щель между двумя скалами. Вскоре, увидев, что эта импровизированная крыша нагнулась под тяжестью скопившегося снега, мы вставили наши палки под мешки на манер стропила.

Утром оказалось, что мы придавлены снегом. Но что удивительно, в нашем маленьком дымном убежище было относительно тепло. Наихудшая часть бури прошла, и когда мы расчистили выход, нас ожидали снаружи лишь редкие хлопья снега. Опасный спуск занял весь день, но мы проделали это благополучно.

XXI ОТРОГИ ГИМАЛАЕВ

По моим расчетам, именно в конце января мы дошли до реки, замерзшей от кромки до кромки. Наверное, это была та большая река, которая пересекает с запада на восток южную часть Тибета и прокладывает себе путь через горный барьер, чтобы проникнуть в Индию и превратиться там в мощную Брахмапутру. Наступила зима, и ночная температура опускалась с лишней ниже нуля. Это было чередование обильных снегопадов, града, ледяных ветров, идущих с вершин. Как бы ни тяжелы были эти климатические условия, в них, все же, не было суровости сибирской зимы. Тем не менее, полуголодным и изнуренным людям, каковыми мы были после девяти долгих месяцев непрерывного пути, они показались довольно жестокими.

Мы осторожно перешли через реку. Заро, самый легкий, шел впереди нас, чтобы проверить толщину льда посередине, там, где мы боялись, что он не выдержит нашего веса. Переход прошел без проблем, но у нас были небольшие трудности при преодолении отвесного и обледенелого противоположного берега. Колеменос вытесал там ступеньки своим топором, и мы смогли вскарабкаться. Прошагав вдоль реки один или два километра к западу, мы нашли место, где берег был пониже, и можно было легко спуститься к воде. Там оказались три каменных кабанчика, перед которыми на небольшой дюне вверх днищем лежало полдюжины маленьких лодок. Из-за того, что носовые и кормовые части лодок были приподняты, образовался проем, достаточный для того, чтобы туда мог проскользнуть человек. Я просунул под лодку голову и почувствовал запах протухшей рыбы. Чешуя прилипла к планкам окантовки.

Мы направились к кабанчикам. Потолки были такие низкие, что Колеменосу пришлось согнуться. Крыша была сделана из длинных бамбуковых палок, под которыми лежал слой плотного плетня, в который были вплетены веревки из волос животных, скорее всего, яка. Пол был достаточно су-

хой, потому что эта крыша была водонепроницаема. Постройка была самая элементарная: три

каменных корпуса, на которых были брошены настилы, прорезь вместо входа. В этих кабанчиках содержались кое-какие старые сети, бамбуковые шесты различной длины и короткие, потрескавшиеся деревянные катки большого диаметра, которые явно служили в качестве вала, чтобы толкать лодки в воду или поднимать их на берег. Мы выбрали лучший из этих кабанчиков и решили переночевать там. На утрамбованной земле выделялся очерченный круг, где находилось несколько кусков обгоревшей древесины; наверху, в крыше, было маленькое отверстие. Мы разожгли огонь, бросив туда несколько кусков бамбука и накидав на него на ночь экскрементов животных, которые все еще имелись в запасе у Заро. В феврале мы увидели последнюю деревню из восьми или девяти домов, спрятавшихся во впадине метрах в пятидесяти выше узкой ложины. Сзади возвышался замечательный заслон из вершин, который мы с трудом преодолели за два дня. С другой стороны ложины новая горная цепь возвышалась до облаков.

Эти дома были редкой для Тибета формой — единственные этажные постройки, которые мы видели в этой стране. И даже с тех пор, как покинули Сибирь. При спуске мы довольно далеко отклонились на запад и ниже деревушки, и чтобы добраться до нее, нам пришлось подниматься по едва различимой тропинке. Истощенные и изголодавшиеся, мы были в жалком состоянии. Палушович прихрамывал, порезав ногу об острый камень.

Когда поняли, откуда мы пришли и куда хотим дойти, жители деревни были поражены нашей отвагой и безрассудством. Нас любезно пригласили в один дом и усадили на очень низкую скамейку, отполированную за многие годы. Все столпились вокруг нас, угостили горячим чаем, бараниной и привычными овсяными лепешками, которые были так питательны. Палушовичу дали мазь, без сомнения, из бараньего жира, чтобы он намазал рану. Мужчины и дети пришли из других домов и разглядывали нас, низко кланяясь, улыбаясь и медленно покачивая головой. Наш приход определенно был необычным событием и, наверняка, еще долго являлся темой для разговоров и удивления.

Этот дом был прекрасным образцом соблюдения обычая, который мы встречали везде по Тибету: в каждом жилище находился плоский камень, на котором была вырезана надпись в три или четыре строки. Надпись в этом доме была запечатлена на каменной кладке около двери в шестидесяти сантиметрах выше пола. Черкес объяснил нам, что эти плитки могут быть изготовлены только некоторыми ламами, и что тибетцы очень дорого ценили их. Считалось, что они отгоняют злых духов. Хозяин

дома, ростом выше среднего тибетца, и которому было лет тридцать, казалось, был очень рад моему интересу к камню-оберегу. Он подошел, указал на него, затем показал мне свое левое запястье, где я увидел широкий медный браслет, к которому была прикреплена маленькая металлическая коробка. Я понял это как разновидность молитвенной мельницы. Наш хозяин, очевидно, пытался дать мне понять, что между этим предметом и надписью на камне существовала связь религиозного плана.

Эти люди были очень умелыми ткачами. В большой комнате на первом этаже была прялка и маленький ткацкий станок. Шерстяная ткань, которую они изготавливали, была плотной, теплой и хорошего качества. Лучшими образцами их продукции, которыми мне довелось восхищаться, были одеяла и покрывала ярких цветов – красные и желтые. Бараны тогда находились в зимнике – широком загоне со стенами сухой каменной кладки, где с одной стороны имелся низкий навес, предназначенный уберечь животных от самых сильных ненастий.

На второй этаж вел каменный лестничный пролет, сильно наклонный, расположенный в углу комнаты. Поручней не было вообще, и в комнату входили через квадратное отверстие, похожее на люк корабля. Семья спала наверху. Там также находились тюки спрессованной шерсти. Мы переночевали там при тяжелом запахе жирового выпота, пока снаружи ветер свистел вокруг толстых стен. Мы постепенно просыпались по мере того, как свет проникал через единственное окошко, закрытое слюдой.

Поглощая плотный завтрак, мы забавлялись тем, как наш хозяин один за другим исследовал наши мешки, прикидывая на вес и прощупывая содержимое.

– Может быть, он проверяет, не стащили ли мы серебряную посуду, – пошутил Заро.

Не понимая, что он сказал, тибетец обрадовался, видя, как мы смеемся, и присоединился к нашему веселью. Продолжая шарить по мешкам, он обнаружил, что наш багаж состоит из нескольких штук меха, бараньего руна, запаса веточек и сухих экскрементов. Закончив осмотр, он глянул на нас с озабоченным видом, показал на мешки, затем на еду, которой мы обедались.

– Он беспокоится, что мы странствуем без съестных припасов, – сказал Смит.

Мужчина пошел в маленькую заднюю комнату, и мы услышали, как он разговаривает с женщинами. Затем он вернулся и вышел в сопровождении мальчика лет пятнадцати. Они отлучились примерно на полчаса и снова появились, неся только что забитого освежёванного ягненка. Хозяин разрубил тушу на две части, и в течение не-

скольких часов две женщины жарили мясо на вертеле.

В это время хозяин подходил то к одному, то к другому, чтобы осмотреть наши истерзанные ноги. Он сходил на второй этаж за тюком нечесаной шерсти и показал нам на одной из мокасин Палушовича, как воспользоваться этой шерстью, чтобы уберечь ноги от холода. Он вырвал из тюка клочки и раздал каждому из нас. Идея была превосходной, и я думаю, что нам удалось засвидетельствовать ему свою благодарность.

Мы ушли из этой деревушки, нагрузив наши мешки съестными припасами в виде полутуши жареной баранины. До сих пор мы хранили пищевые продукты, которые нам давали, в одной котомке, и несли ее по очереди. Учитывая риск того, что мы могли потерять разом всю нашу провизию в случае, если тот, кто нес ее, мог пропасть при восхождении (а оно становилось все более и более опасным), отныне мы решили разложить мясо и лепешки по всем нашим мешкам.

Тибетец проводил нас до одной узкой тропинки на склоне горы. Без него мы бы дошли до дна лощины и поднялись бы по другому склону, чтобы не потерять наше южное направление. Но он настойчиво указывал на юго-запад, и по очереди обращаясь ко всем нам, показал ориентир, состоящий из двух вершин-близнецов, куда мы должны были направляться. Он поклонился нам и удалился.

– Да хранит тебя господь, – сказал Палушович пылко.

Это было после обеда. И до конца дня мы прошли пятнадцать километров по относительно легкопроходимой территории. В тот вечер, сидя вокруг костра, мы долго разговаривали, пытаясь определить наше местонахождение и расстояние, которое нам осталось преодолеть. Как только разговор иссяк, нас объяло великое безмолвие гор. Меня охватило чувство жалости к своим товарищам и к себе. В меня вселился страх, что после тысяч пройденных километров удача вдруг покинет нас. Часто по ночам меня одолевало отчаяние и сомнение. Я уверен, что и другие испытывали ту же внутреннюю борьбу, даже если никто и никогда не признался в этом. На восходе солнца будущее казалось менее мрачным. Страх все еще оставался, забитый вовнутрь, но действия и события, необходимость решать повседневные проблемы, отодвигали его на задний план. Мы, как никогда, были одержимы непреодолимым желанием идти вперед. Это почти превратилось в какое-то безумие. Каждое утро тот или иной говорил ровным голосом: "Давайте, в путь". И этого было достаточно, чтобы мы поднялись и машинально тронулись в дорогу. Никто ни-

когда не требовал и получаса отсрочки. Мы отправлялись в путь, и ходьба разминала наши неподвижные суставы, согревала наши продрогшие мышцы.

Мы до максимума ограничивали себя в еде. Из расчета один прием пищи в день, нашей провизии хватало на две недели. Этого было недостаточно, учитывая изматывающие восхождения и опасные спуски, которые сменяли друг друга, но, по крайней мере, пока у нас было что-то в запасе, мы чувствовали уверенность, что не умрем от голода. Часто случалось так, что ночь заставляла нас на вершине, и нам приходилось применять наши конкретные знания, приобретенные из сибирского опыта: мы рыли укрытие в снегу и, забившись в него, лежали до утра, не засыпая.

За многие недели мы сделали значительный прогресс в области альпинизма. Раньше до войны в Польше я немного занимался восхождением, но это не имело ничего общего с ужасными трудностями, которые ставили перед нами Гималаи. В те времена я был обут в прочные ботинки на шипах и имел все современное оснащение плюс услуги опытного проводника. И тогда этим мы занимались летом – как видом спорта. А здесь мы карабкались на протяжении долгих часов с мешками за спиной, чтобы, в конце концов, натолкнуться на нависающую стену. В таких случаях мы повисали, зацепившись двумя руками, чтобы дать отдохнуть ногам, ставшим напряженными и болезненными из-за того, что мы их скрючивали внутри мокасин, чтобы хвататься ими. Затем мы совершали полуоборот и снова спускались вниз, чтобы найти другой путь к вершине. В таких условиях наше продвижение вперед было очень медленным. Все наше оснащение состояло из прочной кожаной веревки, слишком короткой для того, чтобы быть реально полезной, топора – нашего самого ценного имущества с давних пор, ножа и железных колец и шпиль, которые мы изготовили из проволоки, найденной в оазисе пустыни Гоби.

Мы карабкались в заранее установленном порядке. Заро, самый легкий среди нас, шел впереди, он делал захваты топором, разбивал ледяную корку снега. Я шел во второй позиции и иногда выступал вперед, чтобы дать передышку Заро, затем шли Колеменос, Смит и Палушович. Мы старались облегчить вещи двоим самым старшим из нас, но они шли первыми при спусках. У нас все еще были наши незаменимые палки, и на менее резких склонах мы втыкали их в снег, чтобы выявить расщелины. А так мы носили их за спиной, засунув за пояс.

**Предоставленный
сам себе, каждый из нас
охотно отступил бы, был
бы рад улечься на месте,
чтобы закрыть глаза и
позволить себе впасть в
небытие. Но всегда
находился кто-то, кто
продолжал идти вперед
так, что и мы
следовали за ним.**

Заро мог бы пройти везде как опытный и бесстрашный скалолаз. Чтобы преодолеть выступы, за которые невозможно было ухватиться, мы, в конце концов, придумали довольно рискованную технику. Мы завязывали веревку в форме восьмёрки и закидывали ее на выступающую скалу столько раз, сколько нужно было для того, чтобы она зацепилась там за что-нибудь. Затем Колеменос тянул ее вниз и повисал на ней всем весом. После чего Заро героически карабкался вверх, и мы с волнением смотрели на него, зная, что ошибка может стоить ему жизни. Один или два раза я с испугом констатировал задним числом, что ещё чуть-чуть – и камень соскользнул бы вниз.

В дни, когда стояла ясная погода, к нашим испытаниям добавлялось еще отражение солнечных лучей от поверхности снега. Мы испытывали также еще одно крайне тяжелое чувство: у нас сильно замерзала голова, и вскоре появилось ощущение, словно у нас на голове был ледяной шлем. Мы решили эту проблему, изготовив шлемы из овчины, и проделав в них отверстия для глаз; их верхний край был прижат нашей шапкой, а низ свободно падал на уровне носа. Старались также носить наши варежки, насколько это было возможно. Но когда нам нужно было карабкаться, хватаясь пальцами, мы снимали их, привязав ремешками к запястьям. В шлемах и с закрывающимися ушами шапки нам было трудно слышать друг друга. Раздражительность росла. Мы были смертельно усталые, угрюмые и постоянно испытывали чувство голода. Нервы у меня были натянуты, как струны. Было слишком холодно, чтобы спать.

Однажды в начале марта мы вышли из снегопада, прочесывающего длинный переход, по направлению восток-запад и вышли на солнечную впадину между двумя горами, покрытую снегом. Это яркое утреннее солнце заставило нас снять шлемы и шапки, и мы уселись, чтобы отдохнуть. Нас окружало пронзительная тишина. У нас уже два дня назад кончились съестные припасы, и моральный настрой был на самом низком уровне. Мы сидели, прижавшись друг к другу, не обмениваясь ни словом. Вот тогда я и услышал что-то.

– Я слышал лай собаки, – сказал Палушович.

– Я тоже что-то слышал, – сказал я.

– Это доносится оттуда, – снова сказал Палушович, весь возбужденный. – Надо сходить посмотреть, что это такое.

Насторожившись, мы прошли примерно четыреста метров. И когда этот лай раздался вновь, он показался нам так близко, что мы застыли на месте. Ог-

ляделись вокруг, но ничего не заметили. Мы думали, что увидим какой-нибудь дом или лачугу, но никакой постройки не обнаружили. Наверное, собака почуяла нас, так как издала протяжный стон и мы, в конце концов, увидели вход в пещеру, совершенно черный среди окружающей белизны, и расположенный метрах в ста от нас. Приближаясь, мы увидели, как оттуда на свет вышел человек и повернулся в нашу сторону. Он сказал что-то собаке, к которой присоединилась вторая, и та умолкла.

Это был пожилой человек. Пряди тонких седых волос свисали до подбородка, обрамляя выразительное и морщинистое лицо. Он улыбнулся, обнажив рот, в котором не доставало порядочно зубов. Он был тепло одет – носил тибетскую шубу из вывернутой овчины поверх пиджака и штаны на ватине. Обут он был в прекрасные кожаные сапоги, высокие голенища которых были украшены ажурным орнаментом, который позволял видеть войлочную подкладку. Не знаю кто – он или мы – был больше рад встрече. Он покачивал головой, кланялся, говорил и улыбался нам беззубым ртом. Мы кланялись ему и смеялись, счастливые до такой степени, что ещё немного и сплясали бы хоровод вокруг него. Наше воодушевление распространилось даже на собак, коричневых с рыжим оттенком, похожих на лаек в уменьшенном варианте, и они бегали вокруг нас с радостным лаем, яростно виляя пышными хвостами.

Низкая стена высотой в один метр двадцать сантиметров, сооруженная из уложенных беспорядочно камней, служила в качестве ветрового щита перед входом в пещеру. Мужчина пригласил нас зайти к нему, обогнув эту стенку. Тотчас же, прежде чем наши глаза приспособились к полутени, в наши ноздри ударил резкий запах овчарни.

Узость входа не соответствовала такому объему пещеры. Пещера делала изгиб, что придавало ей форму бумеранга. Человек и две его собаки обитали в пространстве глубиной в четыре или пять метров между входом и стеной из строительного мусора, которая делила пещеру на две части. Сзади, в глубине, стояли бараны, по моим подсчетам, примерно сотня. Значит, это был зимник пастуха, который жил там в ожидании весны и таяния снегов, когда бараны смогут пастись на новой траве долины. На крюке висели четыре или пять тюков сена, вложенные в сетки с большими ячейками. Куча пустых сетей показывала, что животные находились здесь уже многие недели.

В середине пещеры горел огонь, около которого лежал запас топлива – маленькие куски древесины и сухие экскременты. У камней очага стояли два котла, большой и маленький. В большом, как я заметил, рас-

тапливали снег, чтобы запастись водой для баранов. Другой был предметом кухонной утвари пастуха. Он сразу начал готовить чай, и впервые в Тибете я увидел, как заваривают чай насыпными листьями, как в Монголии. Он вытащил их из отполированной коробки цвета зеленых оливок. Наверное, это было для того, чтобы отметить встречу, потому что впоследствии он заваривал обычный плиточный черный чай. Старик вынул нож, который он носил на поясе. Он сел на колени и стал точить его о плоский камень. Собаки поднялись и стали ходить вокруг него, зная, что скоро получат свою порцию еды. Он проверил лезвие ножа на большом пальце, широко улыбнулся нам, затем в сопровождении собак направился в глубь пещеры. Вернулся с отчаянно брыкающимся ягненком в руках и вынес его наружу, затем через очень короткое время вошел обратно с полностью разделанной тушей. Он дал собакам голову и потроха, затем нарезал куски для жарки. Когда мясо стало потрескивать, мы с удивлением увидели, что он натер свои красивые сапоги жиром, стекавшим с мяса. Из муки грубого помола с добавлением небольшого количества воды, зачерпнутой со дна большого котла, он слепил лепешки, которые испек на плоском камне у основания очага. Мы ели как подобает изголодавшимся людям, и съев все, без всякого стеснения дружно рыгнули, чтобы засвидетельствовать ему наше удовлетворение.

Когда старик захотел вынести на улицу тяжелый котел, мы с Колеменосом взяли это на себя. Мы помогли ему наполнить его снегом. И хотели уже занести вовнутрь, но пастух остановил нас. С удивительной проворностью он запрыгнул в котел, чтобы утрамбовать снег. Потом он вылез оттуда и мы наполнили посудину снова. На этот раз Заро прыгнул на снег в котле и с радостными криками потанцевал на нем, пока старик давился от смеха. Запас снега поставили у очага, и потом этой водой пастух начал чистить и поить животных.

Присутствие баранов, еще больше чем огонь, согревало пещеру, и я заснул крепким сном. Ночью я просыпался два раза, пытаюсь вспомнить, где я нахожусь – такая была сильная вонь от этого стада, содержащегося уже давно в закрытом месте, но вскоре я снова заснул в объятиях прекрасного чувства безопасности и уюта. Наш хозяин поднялся раньше нас, и когда мы полностью открыли глаза, он помешивал жирную кашу на вновь разожженном огне. На прощание он дал нам четверть туши забитого им накануне ягненка.

Находясь уже перед входом в пещеру, мы поняли, что он спрашивает нас, куда мы направляемся. Определив по солнцу, мы указали на юг. Тогда он схватил вытянутую руку Заро и повернул ее на несколько гра-

дусов к западу. Это и был курс, который мы затем взяли.

Впоследствии мы увидели, что пастух хорошо знал эту часть страны. Мы проделали извилистый путь, который помог нам избежать всяких изнурительных восхождений. Это удлинило нам путь, но в случае, если бы мы сразу поднялись на горы, это отняло бы у нас еще больше времени.

Один случай запомнился мне. На долгом спуске Палушович случайно потерял одну из своих мокасин. Мы увидели, как она катилась вниз по склону, пока, наконец, не застыла на месте. Тогда наш друг, выкрикнув поток грубых ругательств, встал, покачиваясь, на одну ногу.

– Я принесу его тебе! – закричал Заро, бросаясь вперед.

Даже не успев остановиться, он нагнулся и схватил мокасину. Тут же упал на спину, чтобы остановиться. Мгновение спустя он соскользнул вниз и исчез из поля нашего зрения.

Бегом, но более осмотрительно, я первым пришел к тому месту, где исчез Заро. Там склон был более крутой, но потом снова становился пологим. Я увидел далеко внизу Заро, который, даваясь от смеха, стряхивал со штанов снег. Палушович прибежал к нам, прыгая на одной ноге и махая руками в сторону Заро, который находился на сто метров ниже него.

– Прыгай! – закричал тот. – Для того, чтобы спуститься, это лучший способ!

Я сел и скатился на ягодицах по тропе, проложенной Заро. Это был очень захватывающий спуск. Ветер свистел в ушах. Добравшись до Заро, я тоже завопил от смеха. Один за другим Колеменос, Смит и Палушович последовали моему примеру.

Это происшествие запомнилось мне, потому что было единственным отрезком нашего долгого пути, который мы проделали не пешком.

XXII

МЕРЗКИЕ СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

К концу марта 1942 года нам стало точно известно, что мы находимся, наконец, совсем близко от заветного прибежища, коим была в наших глазах Индия. Перед нами возвышался горный барьер, самый высокий и негостеприимный из всех, которые встречались нам до сих пор. Мы говорили себе, что последнее, значительное усилие приведет нас в эту страну, где нас ждали свобода, цивилизация, отдых и безмятежность духа. Каждому из нас необходимо было запастись уверенностью и бодростью. Терзало опасение, как бы это последнее, трудное восхождение не сломило меня. Я страшился этой верши-

ны, которая берет над вами верх своей высотой, с которой ты не можешь справиться. Все мои страхи усиливались от одиношного убеждения, что, преодолев шесть тысяч километров, мы подошли, наконец, к концу нашего пути. Я не мог отделаться от призрака провала. У каждого из нас как физические, так и ментальные способности были на самом низком уровне. И, тем не менее, у нас оставался неоценимый козырь: это тесная, горячая дружба мужчин, сплоченных одним несчастьем. Пока мы все были вместе, всегда оставалась надежда. В отношении морального духа и решимости единство было куда значительнее, чем просто совокупность его частей.

В тот вечер мы сидели вокруг костра, разожженного последними запасами топлива, и съели кое-какие крохи остатков нашей провизии. Мы вытащили кожаную веревку, топор, нож, круги и пики из проволоки, чтобы проверить их. Оставшиеся два часа до конца дня мы посвятили осмотру наших мокасин.

Мы, насколько это было возможно, подготовились приступить к последнему испытанию. Огонь затухал и до полуночи превратился в пепел, и в ожидании первых лучей рассвета мы стали ходить взад-вперед. Заро обвязал веревку вокруг талии, взял топор из рук Колеменоса и отправился в дорогу. Мне стало легче, когда мы тронулись в путь.

Нам повезло – стояла хорошая погода. Ветер был холодный, но солнце светило достаточно сильно, чтобы верхний слой снега растаял. За ночь вновь образовалась трескающаяся, обманчивая корка льда. Мы карабкались более уверенно и с большей осмотрительностью, чем раньше. Заро, шедший впереди, тщательно проверял каждый захват и топором высекал лестницы на льду.

Мы добрались до вершины на третий день, но там обнаружили, что впереди высятся еще один пик. Это был настоящий кошмар. Казалось, на нашем пути всегда будет возвышаться еще одна новая гора. Нам понадобилось два дня, чтобы спуститься по южному склону, и мне показалось, что по отношению к нервной системе это было куда непереносимее, чем само восхождение. Во впадине мы соорудили иглу и смогли поспать несколько часов до того, как снова пойти дальше.

Следующий рельеф оказался наихудшим. На дорогу от лошины до лошины ушло шесть дней. Наши последние силы иссякли до такой степени, что мы впервые, открыто, стали рассматривать возможность остаться всем там. Я уверен, что случись многочасовая буря, она сломила бы нас.

Мы уже второй день поднимались на вершушку, спрятанную от наших глаз белыми облаками. Вскрабавшись на узкий горный карниз, я воткнул свой нож в трещину в качестве дополнительного захвата. Прижавшись телом к скале, я поочередно стал отпускать руки и ноги, чтобы размять застывшие пальцы рук и ног. Затем сжал правой рукой рукоятку ножа, вонзенного выше, и начал подтягиваться вверх силой руки. Вдруг, как будто он был живой, нож выскочил из гнезда и, звякнув металлом, выскользнул из моих рук. Я сделал новый захват и, зацепившись пальцами рук и ног, смог найти более устойчивое положение. А нож исчез. У меня появилось чувство, словно я потерял друга.

Ближе к вершушке, на третий день, восхождение стало легче. Мы все же начали сомневаться в том, сможем ли мы ее достичь. Было очень холодно, мы были объаты кружащимся туманом. Последствия большой высоты опустошили всю нашу оставшуюся выносливость. Каждый шаг являлся борьбой против ужасной ломоты, которая заставляла нас садиться, чтобы пролить слезы отчаяния. Я еле дышал, и мое сердце громко стучало. Наша воля разлагалась. Предоставленный сам себе, каждый из нас охотно отступил бы, был бы рад улечься на месте, чтобы закрыть глаза и позволить себе впасть в небытие. Но всегда находился кто-то, кто продолжал идти вперед так, что и мы следовали за ним. Вдобавок ко всему, у нас начались кровотечения из носа. Я попытался заткнуть ноздри кусочком ткани, отодранной от мешка, но мне стало так трудно дышать ртом, что я был вынужден отказаться от этой идеи. Кровь протекала мне на бороду и сразу замерзала там.

Мы знали, что должны провести ночь в этой разреженной атмосфере, и это вовсе не способствовало поднятию нашего морального духа.

– Нужно продолжать идти, пока светло, – сказал нам Заро. – Нужно попытаться преодолеть эту вершину до наступления ночи.

Таким образом, мы шли дальше с великим трудом, словно мухи, пытающиеся выбраться из патоки. Мы совершали длинные переходы направо и налево, не имея больше достаточно энергии для того, чтобы преодолеть препятствие прямо в лоб. Я не помню, как мы достигли вершины. Я помню только то, что в какой-то момент с удивлением заметил, что Заро, который обычно шел впереди, оказался немного ниже меня. Выяснилось, что вновь надо начинать спуск.

Эта ночь стала самым критическим моментом всего нашего приключения.

На широком горном карнизе, где ветром был накоплен снег, мы, разбив обледенелую корку топором, вырыли укрытие, надежно защищающее от суровой ночи. Нам нечем было разжечь огонь. Мы были так опустошены, что могли бы спать стоя, но мы знали, что расслабляться на вершине было равносильно игре со смертью.

Это была самая долгая ночь в моей жизни. Мы стояли, прижавшись друг к другу, держась за плечи. Сон сдавливал наши веки и, просунув кончики пальцев под маску, я мешал своим векам сомкнуться. Два раза Колеменос, который не имел равных среди сонь, уткнувшись подбородком в грудь, начинал храпеть, и всякий раз нам надо было трясти его и толкать в бок, чтобы он пришел в себя. Каждый разглядывал своих товарищей, следя за тем, не закрывает ли кто-нибудь глаза и не начинает ли кто-нибудь сонно покачивать головой. Постепенно наша маленькая группа начала, пританцовывая, медленно вращаться. Меня начал обволакивать превосходный мягкий сон, но американец вывел из забытья, слегка толкнув и принявшись трясти за бороду. Потом наступил этот ужасный момент перед рассветом, когда от усталости и холода у меня начался приступ неудержимого озноба, в котором я сотрясался весь с головы до ног.

– Тронемся в путь, – сказал кто-то из нас. – Спустимся туда, где снова сможем нормально дышать.

– Я не вынес бы второй такой ночи, – сказал Палушович, высказав этим всеобщее мнение.

Едва начало светать, мы покинули наше укрытие и отправились в путь. Палушович шел впереди, в то время как Заро и я замыкали шествие. К полудню мы пришли к горному карнизу шириной сантиметров в тридцать над чудовищным обрывом. Надо было повернуть обратно, подняться по своим следам и искать другой путь. В конце концов мы прошли, правда, не избежав больших опасностей и часто прибегая к помощи топора и веревок.

После десяти часов невероятных усилий мы спустились до наступления ночи где-то на 1500 метров. Дышать стало легче, настроение улучшилось, стала просыпаться надежда. Мы снова провели бесконечную и деморализующую ночь без сна, затем вновь начали спускаться. Наконец, внизу довольно ясно вырисовалась лощина.

После обеда Заро спросил меня:

– Ты ничего особенного не замечаешь в этой лощине?

Я огляделся вокруг.

– Нет, – ответил я. – А что?

Он указал на длинную линию хребта, которая отрывалась от основного массива и тянулась на запад.

– Это местность напоминает ту, где мы обнаружили пещеру пастуха.

– Надеюсь, ты не воображаешь, что встретишь там другого пастуха? – спросил я, смеясь.

– Нет. Но мы могли бы найти пещеру, в которой проспали бы всю ночь.

Мы позвали остальных, чтобы предложить им обойти подножие этого массива.

Самое необычное в этом случае было не то, что мы через два часа поисков обнаружили пещеру, а то, что эта пещера была зимником пастуха. В отличие от первой, в ней никого не было, но мы нашли там, около входа, запас дров и кучу недубленной шерсти, спрятанную у стены в глубине. Если нужен был знак, что Провидение все еще оставалось на нашей стороне, то оно только что проявило себя.

Мы заметили что-то, обернутое в мягкую шкуру ягненка и подвешенное на кольшке, воткнутом в свод. Это был подбедерок ягненка, частично копченый и почти черный. Слишком голодные, чтобы привередничать, мы решили разжечь огонь и пожарить его.

И какой огонь! Его пламя освещало пещеру до самых дальних углов. Глядя, как жарится мясо, мы впервые за несколько недель смогли согреться. Теперь у нас не было ножа, нам пришлось грубо разделять мясо топором, оставив половину на завтрак. Оставшуюся часть разрубили на неравные куски. Беззубый Палушович ел свою долю дольше, чем остальные, но у каждого было чем утихомирить ненасытный голод.

Впервые после того, как покинули Сибирь, мы позарились на чужое добро. Из шерсти мы сделали себе куртки без рукавов. Я надеюсь, что на нас не будут сердиться за эту мелкую кражу, нам крайне необходимо было уберечь наши измученные холодом тела. Мы переночевали на большой общей постели, сделанной из теплых бараньих шкур, от которых исходил резкий запах. Когда мы открыли глаза, солнце уже два часа как взошло, и костер давно потух. В спешном порядке мы положили шкуры, послужившие нам спальником, на место, съели остатки мяса и отправились дальше.

Бесполезно было теряться в догадках, пытаюсь определить то расстояние, которое разделяло нас от конечного пункта нашего пути. Мы все еще были посреди гор. Пик меньшей величины, который мы преодолели спустя два дня после нахождения пещеры, был последним отрогом Гималаев. Но тогда мы этого не знали. За ним простирались предгорья, которые вели к северу Индии. Я не помню ни одной подробности этого последнего восхождения, но знаю, что мы потратили на него два дня, и что мы не страдали от последствий высоты. Когда начался спуск по другому склону,

светило солнце и воздух был удивительно прозрачен. Далеко на западе выделялись чудные бесснежные рельефы, по сравнению с которыми возвышенность, на которой мы находились, имела вид обычного холма. К югу высота гор заметно уменьшалась. Я понял, что смотрю на Индию.

Во время нашего странствия через Гималаи мы не встретили ни одного одушевленного создания, кроме людей, собак и баранов. Поэтому нас сильно заинтересовало, когда, преодолев спуск, Колеменос заметил две черные точки, которые передвигались по снегу примерно на пятьсот метров ниже нас. Мы подумали, что это животные, а значит – пища. Но по мере того, как спускались вниз, мы теряли надежду, что они все еще будут там к нашему приходу. Временами изгибы рельефа скрывали их от наших глаз. Тем не менее, когда мы сделали остановку на краю одного острого выступа, мы увидели, что они все еще оставались там, на три или четыре метра ниже и на расстоянии примерно ста метров. Две детали сразу же поразили меня: они были огромные и ходили на двух задних лапах. Из-за того, что мы наблюдали за ними на протяжении двух часов, эта картина осталась у меня в памяти. Не веря своим глазам, мы остались на месте, рассматривая их. Кто-то предложил спуститься еще ниже, чтобы увидеть их ближе.

– У них достаточно крепкий вид, чтобы сожрать нас, – возразил Заро.

Итак, мы остались на расстоянии, не доверяя этим неизвестным созданиям, которые не убегали при приближении человека.

Я пытался определить их рост, основываясь на знаниях, приобретенных во время подготовки наблюдателя артиллерии. Их рост наверняка был не ниже двух метров тридцати-сорока. Одно из существ было выше, чем другое, примерно в соотношении средних ростов мужчины и женщины. Оба создания спокойно ходили взад-вперед по более или менее плоскому уступу, через который нам, по всей видимости, нужно было пройти, чтобы продолжить спуск. Мы думали, что если подождем достаточно долго, они, в конце концов, уйдут, освободив нам, таким образом, проход. Но было очевидно, что они нас видели, а также было ясно, что они нас не боялись.

Американец был уверен в том, что видел, как порой они опускались на четыре лапы. Но на наших глазах они этого не делали.

Я плохо различал их лица, а голова у них была квадратная и уши, наверное, были прижаты к черепу, так как никаких выпуклостей я не заметил. У них были опущенные плечи и мощная грудная клетка. Руки были длинные и за-

пястья доходили до уровня колен. Если смотреть в профиль, затылок образовывал прямую линию с вершины головы до плеч.

– Точно как эти проклятые пруссаки, – бросил Палушович.

Мы все осознавали, что наблюдаем за существами, которых никогда не видели, – ни в зоопарке, ни на иллюстрациях книг. Издалека можно было бы подумать, что это медведи или большие обезьяны типа орангутангов. Нелегко было описать их. На более близком расстоянии их силуэт напоминал таковой одновременно и медведя, и большой обезьяны, но было бы невозможно перепутать их ни с теми и ни с другими. Масти существа были коричневой, переходящей в рыжий цвет. Их шерсть была двух видов: к короткому и густому рыжему меху примешивалась редкая и жесткая длинная шерсть, которая при свете имела сероватый оттенок.

Свесив ноги с края выступа скалы, мы внимательно наблюдали за ними примерно час. Они ничего не делали или медленно передвигались, иногда останавливаясь, чтобы оглядеться вокруг, словно любясь панорамой. Время от времени они поворачивали головы в нашу сторону без всякой заинтересованности.

– Не будем же ждать целый день, пока они захотят уйти! – воскликнул Заро, поднимаясь. – Я сейчас заставлю их уйти отсюда.

Он начал размахивать руками, исполнять что-то вроде танца со скальпом, орать и выть. Существа даже не повернулись. Он принес полдюжины кусочков льда и стал метать их один за другим, но они падали далеко от цели. Один из снарядов поднял немного снега в двадцати метрах от цели, но если они и заметили это, то никак не среагировали. Заро, запыхавшись, снова сел.

Мы терпели еще один час, но, казалось, им ничего не нужно было, кроме как оставаться на месте. Я подумал, что они показывают нам: мы не посмеем пройти по их территории.

– Я думаю, что они издеваются над нами, – сказал Заро.

– Кто нам сказал, что им не взбредет в голову прийти посмотреть на нас? – сказал Смит, поднимаясь. – Очевидно, что они не боятся нас. Я думаю, что нам лучше будет уйти, пока еще есть время.

Мы обогнули скалу и удалились. Я повернулся: пара стояла неподвижно, слегка размахивая руками, как будто прислушиваясь. Кто же были эти создания? В течение многих лет для меня это оставалось загадкой. Но впоследствии, услышав про научную экспедицию, отправившуюся по сле-

В одно прекрасное утро, спустя четыре недели после моего поступления, я очнулся в полной форме, словно проснулся после здорового, восстанавливающего силы сна. Когда мне сказали, что упомянутая ночь длилась целый месяц, я не мог поверить своим ушам.

дам "мерзкого снежного человека" и изучив его описания, сделанные аборигенами, я думаю, что, возможно, мы в тот день встретили двух существ этого вида. Однако я утверждаю, что недавние оценки их роста примерно в метр шестьдесят ошибочны. Минимальный рост взрослой особи должен быть примерно два метра десять сантиметров.

Я считаю, что вынудив нас изменить маршрут, они стали причиной последнего бедствия, выпавшего на нашу долю.

Наверное, был полдень, когда снова стали спускаться. Все было хорошо, и мы продвигались с приличной скоростью. Настроение оставалось хорошим, хотя в желудках у нас было пусто. Посреди скал мы обнаружили углубление, почти идеальное для ночевки. На следующий день туман быстро рассеялся, и перед нами предстало ясное и чистое апрельское утро.

Спустя два часа произошла трагедия. Дойдя до вершины одной возвышенности, мы с Заро закрепили конец веревки двумя нашими палками. Я смеялся шутке Заро относительно двух странных существ, встреченных накануне. Склон был короткий и не такой крутой, чтобы пользоваться веревкой. Мы закинули его на случай, если Палушович, который спускался задом на четырех конечностях, соскользнет в обмачивую расщелину. За ним шли Колеменос и Смит, на расстоянии друг от друга. Все трое прошли поверх веревки, не испытывая надобности держаться за нее.

Я заметил, что Палушович достиг подножья склона. В момент, когда я повернулся к Заро, чтобы сказать ему что-то, я увидел, как веревка качнула палки, затем снова зависла. Одновременно послышался короткий пронзительный крик, громкий крик того, кто подвергся какой-то резкой неожиданности. Мы с Заро повернулись в ту сторону. Ужасная действительность предстала передо мной в полном объеме только через секунду или другую. Смит был там. И Колеменос был там. Но Палушович исчез. Мы застыли неподвижно и глупо звали его по имени. Ответа не было. Двое других, которые были к нему спиной, ничего не видели. Они остановились сразу, как мы закричали и стояли там, глядя на нас.

– Вернитесь! – крикнул им я. – Что-то случилось с Антоном.

Они поднялись к нам. Я потянул веревку и привязал ее за конец вокруг своей талии.

– Я спущусь и посмотрю, смогу ли найти его, – сказал я.

Я дошел до места, где сверху казалось, что склон был мягче. Заро ослабил веревку и я повернулся, как это сделал Палушович, когда я видел его. От открывшего-

ся вида у меня перехватило дыхание: гора раскрывалась, словно ее разрезали ударом чудовищных размеров топора. Пропасть была шириной в двадцать метров, и это была ее самая узкая часть. Дна не было видно. Я почувствовал, как на моем лбу выступил пот.

– Антон! Антон! – напрасно звал я друга.

Я отодвинулся от пропасти и вскарабкался к своим товарищам, такой потрясенный, что судорожно вцепился в веревку.

Они засыпали меня вопросами. Видели ли я его? Почему я звал его? Где он был?

Я рассказал им о том, что увидел внизу и что не заметил никаких следов Палушовича.

– Нам нужно будет обязательно найти его, – сказал Колеменос.

– Мы его никогда не найдем, – сказал им я. – Он мертв.

Никто не хотел верить в это. Я сам не мог поверить. Не без трудностей дошли до места, откуда мы могли видеть пропасть. Тогда они поняли. Мы бросили вниз камень и не услышали, как он упал на дно. Даже когда скинули в пропасть самую большую глыбу, до нас так и не донесся звук его падения.

Мы долго оставались у пропасти, не зная, что делать. Трагедия произошла так внезапно! Палушович был с нами и мгновение спустя он исчез. Я никогда и представить себе не мог, чтобы он мог погибнуть. Он казался несокрушимым. Бедный старый сержант Палушович, совершенно беззубый, такой упрямый и набожный.

– Прodelать весь этот путь! – сказал американец. – Весь этот путь, чтобы умереть так глупо!

Я думаю, что из нас четверых он был потрясен больше всех. Они оба были самые старшие в группе, и это их сближало.

Колеменос разорвал свой мешок и медленно распорол шов. Мы молча наблюдали за ним. Он вложил в ткань камень и бросил все в пустоту. Камень вывалился и мешок – символический саван – упал вниз, кружась. Затем Колеменос взял свою палку и с помощью притупившегося топора отрубил от него кусок, чтобы сделать крест. Который он воткнул там, на краю пропасти.

Мы снова стали спускаться, стараясь не выпускать из поля зрения место, где пропал наш друг, безотчетно надеясь на то, что найдем его тело. Но мы никогда не спустились до дна огромной трещины и так и не нашли тело Палушовича.

Затем последовало несколько теплых дней. Обернувшись, мы могли созерцать величественные горы, которые мы преодолели. Мы были страшно ослаблены из-за отсутствия пищи и теперь, после того, как прошли самую трудную часть, нам было очень тяжело идти дальше. Однажды мы

увидели двух длинношерстных диких коз, которые убежали быстрыми и широкими скачками. Им нечего было бояться нас: у нас едва ли хватило бы сил убить кого бы то ни было размером больше жука-скарабея. Местность все еще была неровная, но там были реки и ручьи, птицы на деревьях.

Мы не ели дней восемь, когда однажды солнечным утром далеко к востоку заметили стадо баранов, которое сопровождали человек и две собаки. Они были слишком далеко, чтобы оказать нам какую-либо помощь, и к тому же, вскоре исчезли из виду, но это дало нам надежду. Скоро нам дадут приют. Мы вырвали несколько пучков травы, которая росла на берегу одного ручья, и попытались съесть, но она была очень горькая, и наш желудок не переварил ее.

Истощенные, похожие на ходячие скелеты, мы впервые почувствовали спокойствие духа. У нас, наконец, прошел страх быть пойманными.

Появилась маленькая группа людей, идущих пешком с запада. Когда они подошли совсем близко, я увидел, что это были полдюжины местных солдат под командованием унтер-офицера. Я хотел помахать руками, хлопать в ладоши и бурно поприветствовать их. Вместо этого я остался стоять на месте со своими тремя товарищами и просто смотреть на то, как они приближаются. Это были элегантные, безукоризненного вида, бодрые военные. Слезы стали стекать у меня по лицу.

Смит выдвинулся вперед и протянул руку:

– Мы очень рады встретить вас, – сказал он.

XXIII ВЧЕТВЕРОМ МЫ ДОБРАЛИСЬ ДО ИНДИИ

Было трудно представить себе, что все позади. Опираясь на палку, я щурил глаза, чтобы видеть четче. Я ощущал сильную слабость и не мог нормально соображать, как будто у меня поднялась температура. Дрожали ноги, и приходилось делать большие усилия, чтобы не упасть. Заро тоже склонился над своей палкой, приобнятый за плечи большой рукой Колеменоса. Под горячим полуденным солнцем кочковатый, заросший кустарником пейзаж качался в тумане. Остановившись в пяти шагах напротив нас, в рубашке и тропических шортах, солдаты образовали компактную группу, которая расплывалась в моих глазах.

Я уронил голову на грудь и прислушивался к тому, что говорил Смит. Он изъяснялся на английском, на языке, который был мне непонятен, но нельзя было не различить настойчивый тон перемены его голоса. Это длилось несколько минут. Я стоял, согнув колени, чтобы ноги не дрожали.

Американец вернулся к нам с улыбающимся лицом:

– Господа, мы выбрались, – и так как мы продолжали стоять неподвижно и молча, он повторил на этот раз по-русски и очень медленно, – господа, мы выбрались.

Заро издал громкий крик, заставивший меня вздрогнуть. Он бросил свою палку на землю и начал реветь, воздев руки к небу. Он сжал Смита в объятиях, а тому пришлось взять его в охапку, чтобы помешать ему броситься к солдатам и обнимать их по очереди.

– Держись подальше, Эжен! – крикнул ему он. – Не подходи к ним. Я им сказал, что у нас полно паразитов.

Заро начал смеяться и трясти Смита, вовлекая его в неистовую джигу, и оба смеялись и плакали одновременно. Я не помню, стал ли я танцевать, но я и сейчас вижу, как все четверо отбивали от радости четку посреди облака пыли, кидаясь в объятия друг друга, безудержно смеясь и плача одновременно до тех пор, пока не упали на землю один за другим.

Колеменос, рухнув на спину, тихо повторял слова Смита:

– Выбрались...Мы выбрались...

– Мы сможем снова начать жить, – сказал американец.

Я задумался над этим на секунду. Выражение было чудесное. Пережить целый год в пути, нищете, печали, испытаниях, чтобы, наконец, смочь начать жизнь!

Мы узнали от Смита, что эти люди, которые были здесь на тактических учениях, проводят нас, если у нас хватит сил идти пешком, на место в нескольких километрах отсюда до дороги, где их должен ждать грузовик с войсковой частью. Смит сказал им, что несколько дополнительных километров не убьют нас. Прибыв на место их расквартирования, мы получили пищу, достойную своего названия.

Солдаты вытащили свои подстилки и соорудили нам укрытие от солнца. Мы пролежали там целый час. У меня болела голова, и я чувствовал себя немного разбитым. Нам дали пачку сигарет и спички. В тот момент я хотел курить даже больше, чем есть. Манипуляция таким простым предметом, как коробок спичек, вызвала у меня настоящее ликование. Зажигать сигарету было наивысшим счастьем. Перед нами появилась большая банка персиков в сиропе, которую быстро открыли, и мы затолкали туда пальцы, чтобы запихнуть эти фрукты в рот и с наслаждением выжать из них все соки и мякоть. Мы попили из фляги и приготавились уходить.

Мне казалось, что никто из нас не запомнит подробностей этого последнего этапа. Солдаты приравнивали свой шаг к нашему, а мы еле во-

лчили ноги, и нам понадобилось целых пять часов, чтобы пройти пятнадцать километров. Заро шел рядом со мной, и мы поддерживали друг друга, притворяясь, как будто идем в ногу.

– Это возвращение героев! – шутил он. – Не хватает только фанфар, чтобы начать шествие.

Самое приятное из того, что случилось с нами потом, было то, что от нас больше не требовалось принимать никаких решений. Мы совершали путь на борту грузовика, который мчался во весь опор, такая езда характерна для всех хороших военных шоферов. Мы были возбуждены как школьники: это был наш первый транспорт на колесах с тех пор, как мы вышли из поезда в Иркутске восемнадцать месяцев назад. Нам дали приют, нами занимались, нам указывали, что надо делать, а впоследствии даже обходились так, что мы жили припеваючи. Британцы взяли на себя все.

Я так и не смог узнать точно, где мы находились. В то время меня это не заботило. Склонившись над картами, я допустил бы ошибку на несколько сотен километров. Смит, наверняка, знал об этом, но если он мне и говорил на эту тему когда-нибудь, то я не запомнил. Я повторял себе, что мы в Индии, и этого было достаточно для счастья.

Молодой британский лейтенант, который увидел нас, когда мы спускались с грузовика, был поразительно чист и одет с иголочки. Я рассматривал его в то время, как американец рассказывал ему нашу историю в тени деревьев перед небольшим лагерем, расположенным у края дороги. Его взгляд с недоверчивым выражением, не переставая, переходил от одного на другого. Он пытался понять. Он задал несколько вопросов и качал головой, выслушивая ответы. Мне казалось, он был очень молодой. Тем не менее, он был моего возраста.

– Все в порядке, он мне верит, – сказал нам Смит. – Сейчас он примет меры, чтобы нам вычесали вшей и почистили нашу одежду, потому что он не может вести нас в казарму в таком состоянии. Теперь он должен будет держать нас отдельно от его людей, но нас будут хорошо кормить и о нас позаботятся. Он говорит, что нам не о чем беспокоиться.

В этот вечер нас накормили горячей пищей с десертом, состоящим из фруктового компота и пудинга. Тогда я впервые попробовал армейский чай, обжигающий, очень крепкий, с добавлением сгущенного молока и большого количества сахара. Нас угостили сигаретами. А также нам дали бинты для ног. Ночью спали в палатке, укрывшись военными одеялами.

Новизна событий и возбужденное состояние, вызванное всеми этими фактами, позволяли мне выстоять. У меня не было времени задаваться вопросом и оценивать, до какой степени я был близок к тому, чтобы рухнуть. Завтрак на следующее утро завладел всем моим вниманием: снова чай, тушеное мясо, австралийские сыр и масло в коробках, невероятно белый хлеб, ломтики консервированного бекона и конфитюр.

Вычесывание вшей проводилось радикальным образом. Мы сняли с себя все наши лохмотья – куртки из овчины, фуфайки, меховые жилеты, шапки, маски, ватные штаны, мешки и гетры – и все это было сложено в кучу. На них кинули одеяла, в которых мы спали. Нам выбрили голову и тело, все волосы были брошены в ту же кучу. Затем кучу залили бензином и вдруг все это загорелось, выбросив черный дым, который поднялся в чистом воздухе. Все исчезло в пламени.

– Я надеюсь, что эти мерзкие вши получили свое, – заявил Колеменос. – Они достаточно хорошо провели время за мой счет.

Я повернулся к нему, а он ко мне. Мгновение спустя, мы стали разглядывать друг друга, безумно смеясь: мы вдруг поняли, что каждый из нас впервые видит черты лица, линию рта, форму подбородка тех, рядом с кем в течение двенадцати месяцев и на протяжении шести тысяч километров боролся за выживание. Ничего более смешного с нами никогда не случалось. Я никогда не задумывался над тем, что могло быть под этими бородами и грязными взлохмаченными волосами, и они, без сомнения, тоже. Это было так же, как снять маски в конце костюмированного бала, который затянулся невероятно долго.

– Ну и ну, Заро, – воскликнул я, – да ты красивый парень!

– Ты тоже неплох, – ответил он мне.

А Смит, который избавился теперь от своих седых волос, не казался уже таким старым, каким я его представлял. И Колеменос, несмотря на стигматы, которые имелись у всех у нас, был также красавцем, каким может быть хорошо сложенный высокий здоровяк. Мы, голые как черви, смеялись и шутили перед рокочущим огнем.

Чистые, обработав надрезы, раны и зудящие места специальной мазью, мы были готовы вернуться в цивилизованный мир. Каждый получил безукоризненно белое нижнее белье, рубашки и шорты хаки, носки, холщовые ботинки. И в довершение – легкую фетровую шляпу, которая была нам очень к лицу, наподобие тех, которые носили австралийцы.

Смит одевался медленно, не торопясь, а мы натянули на се-

бя все в спешке, пытаюсь одеться первыми. Посмотрели друг на друга и не были разочарованы результатом. Мы посмеялись над белизной наших коленей.

Нас повезли на запад. Я испытывал любопытное ощущение отрешения, как будто изнуренный пловец, плывущий по течению. Мы приехали в один маленький гарнизонный городок, но у меня не было свободного времени осмотреть его. Нас повезли прямо в госпиталь.

Врач ждал нас. Он с важным видом осмотрел нас, щуря глаза за очками в чешуйчатой оправе и покачивал головой, когда Смит отвечал на вопросы. За безразличной его внешностью ощущалось сочувствие. Он сказал Смит, что мы нуждаемся в хорошем уходе. В особенности не нужно допускать переутомления. Нам нужно время, чтобы поправиться.

Нас держали там несколько дней. Доктор назначил нам микстуры и таблетки. Мы отдыхали. Нас чудно кормили и пичкали свежими фруктами. Колоссальный аппетит Колеменоса стал предметом радости персонала. Нам разрешали курить столько, сколько нам хотелось.

Нас временно разлучили со Смитом. Он объяснил нам, что его везут на встречу с американскими властями.

– Вас троих повезут в Калькутту. Что бы ни случилось, я найду вас там.

Мы пожали ему руку. Мы лишились голоса.

– Не падайте духом, – посоветовал он нам. – Врач сказал мне, что пока полностью не поправимся, будем сильно болеть. Но он утверждает, что уход, который окажут нам в крупном госпитале, поможет выкарабкаться.

Я думал, что мы не так уж и больны, и сказал ему об этом. Я не отдавал себе отчета в том, что наше хорошее самочувствие ложное, и что нам еще предстояло заплатить за это.

Смит покинул нас, словно призрак из сна.

– Мы встретим его в Калькутте, – сказал Заро.

Как будто Индия была носовым платком, и Калькутта находилась на другом конце улицы. Мы освободились от всего. Силы у нас были на исходе, и мы были очень довольны тем, что ничем не заняты. Чувство спешки, твердая как железо, решимость, которыми мы были одержимы в течение прошедшего года, были сняты с нас.

Я плохо помню о дороге на Калькутту, кроме того, что это было долго и утомительно, и что у меня была страшная хандра. Мы курили, не переставая.

Я помню, что когда везли на автобусе по многолюдным и шумным улицам Калькутты, нам было очень весело, мы указывали друг другу на те или иные яркие детали,

полные почти истерического восторга; и в этом я усмотрел симптомы нашего состояния на тот момент. Я подумал было, что это начинает проявляться выздоровление, и вновь позволил себе обмануться новым состоянием возбужденности.

Автобус въехал в высокие ворота госпиталя, и санитар повел нас – Заро, Колеменоса и меня – на предварительный осмотр. Вначале мы натолкнулись на языковой барьер. Затем наши собеседники поняли, что мы втроем говорим на русском, польском, французском и немецком, но не на английском языке. В конце концов, нам дали санитаря, говорящего по-французски. У нас спросили про анамнез болезни с детских лет. И тогда Заро перечислил все наши свинки, коклюшы и операции. Все было записано на карточках. Нас осмотрели, взвесили, подвели под ростометр. Нас заставили принять ванну и надеть пижамы, затем уложили в постель в очень длинной комнате – Заро и Колеменоса устроили рядом друг с другом, а меня – напротив них.

Я очень хорошо помню пробуждение на следующее утро: у моей кровати стояла опрятная медсестра, положив свою сильную и загорелую руку на мою совершенно белую руку, и шутила до тех пор, пока я не улыбнулся ей. Затем нам принесли завтрак: яйца, тонкие ломтики белого хлеба и масло.

В то утро я снова заснул и почти на месяц провалился в бездну беспамятства. Я узнал обо всем этом потом; со слов Смита.

Мне прописали болеутоляющие средства и круглосуточно наблюдали за мной. В это время Заро, а потом и Колеменос, в свою очередь, лежали без сознания. По ночам я кричал и бредил. Я убегал от русских, переходил через пустыни и горы. Каждый день я съедал половину положенного мне хлеба, а остальную часть прятал под матрацем или в наволочке. И каждый день у меня незаметно забирали мою маленькую драгоценную добычу. Мне приносили из кухни большие буханки хлеба и говорили, что больше не надо беспокоиться об этом, что теперь всегда будет хлеб. Напрасный труд: я продолжал копить их для следующего этапа моего побега.

Это известный приступ, говорили они мне, который проходит примерно через десять дней. Постепенно я стал более спокоен, но был сильно ослаблен и опустошен до такой степени, что меня внесли в список больных, за которыми нужен тщательный уход. Колеменос и Заро тоже были очень плохи.

Но как мне рассказали впоследствии, ни тот, ни другой не делали ничего подобного, что сравнилось бы с тем номером, который я выкинул на вторую ночь моей госпитализации. Я вытащил хлеб, который отложил, свернул матрац, мои простыни, по-

душки и, к изумлению персонала, который и не думал, что у меня столько сил, я направился к выходу, пошатываясь под тяжестью своей ноши. Когда я готовил вещи, сиделка-монахиня вызвала врача.

– Оставьте его, – сказал он, – посмотрим, что он будет делать.

В дверях доктор, сестра и двое охранников преградили мне проход. Доктор разговаривал со мной тихим голосом, словно с лунатиком. Я попытался прорваться. Меня задержали. Отбросив свою ношу в сторону, я яростно отбивался. Им пришлось взяться за меня вчетвером, чтобы довести до постели. Я совершенно не помню об этом случае.

В одно прекрасное утро, спустя четыре недели после моего поступления, я очнулся в полной форме, словно проснулся после здорового, восстанавливающего силы сна. Когда мне сказали, что упомянутая ночь длилась целый месяц, я не мог поверить своим ушам.

Смит, очень стройный и очень элегантный в легком костюме, пришел повидаться с нами. Он сказал нам, что был между жизнью и смертью в течение недели. Он захотел увидеться со мной за два дня до этого, я как будто не узнал его. Он поговорил с врачами и рассказал подробно все, через что мы прошли.

– Теперь все будет в порядке, Слав, – сказал он мне и показал рукой на Заро и Колеменоса, которые, сидя на своих постелях, смотрели на нас радостно. – И у них тоже.

Один из госпитализированных солдат спросил, как нас зовут. Американец сказал ему, но тот, испытывая трудности в произношении необычных для него звуков, нашел компромиссный выход: так мы стали Заро, Слав и "Великан".

Наша история разнеслась по госпиталю. Персонал со всех уголков здания приходил взглянуть на наши личности. Британские солдаты, лежащие в нашей палате, были очень добры к нам. Один из них пустил по рукам свою шапку, чтобы собрать сигареты, деньги, шоколад, маленькие подарки, которые он раздал нам.

Смит пришел к нам через два дня. Он подарил мне серебряный портсигар и дал немного денег.

– Что ты рассчитываешь делать, Слав, когда встанешь на ноги?

Я сказал ему, что у меня только один выход: так как я польский офицер, я должен вернуться в польскую армию.

– А ты действительно уверен в том, что хочешь этого?

– У меня нет выбора.

– Договорились, встретимся после войны. Где будет место встречи?

– В Варшаве.

Я записал ему адрес нашего фамильного дома в Варшаве.

– Хорошо, – сказал он. – Уезжай в Варшаву.

Британский офицер и польский переводчик нанесли мне визит. Это была долгая беседа в форме допроса, хотя и не такого настойчивого. С целью выявить мою искренность, мне было задано много вопросов о Польше, об ее населении и политике. Затем снова о русских и о нашем странствии.

На следующий день переводчик пришел один. Он принес мне в подарок полдюжины белых носовых платков и индийский мундштук из слоновой кости. Он сообщил, что британцы приняли меры для того, чтобы я вернулся в польские войска, воюющие вместе с союзниками на Ближнем Востоке.

Накануне моего отъезда Заро, Колеменос и я получили разрешение на прощальную вечеринку в столовой госпиталя.

На следующее утро Смит пришел проведать меня и принес маленький чемодан из картона, в который я смог уложить мои скудные принадлежности. Я решил сделать так, чтобы мое расставание с Заро и Колеменосом было как можно менее тяжелым. Мы попрощались в палате, и солдаты крикнули мне: "Удачи!", "Будь здоров!" и т.п. в этом роде. Я направился к двери, следуя за Смитом. Заро и Колеменос пошли за нами. Я хотел, чтобы они оставались там, где были, но они продолжали идти за нами. На пороге я обернулся и огромный Колеменос бросился ко мне, чтобы сжать меня в своих объятиях, затем это сделал и Заро. У всех на глазах были слезы, и я силой заставил себя покинуть их. Американец вытирался носовым платком, шагая рядом со мной.

Он сел в автобус со мной и вышел в центре Калькутты.

– Береги себя, Слав, – сказал он. – И да благословит тебя Господь.

Автобус снова тронулся с места, чтобы увезти меня на транзитный пункт, где я должен был ждать отправки войск на Ближний Восток. Я повернулся и помахал ему рукой.

Я вдруг почувствовал себя так, как будто у меня отняли друзей, лишили всего, и ощутил себя таким потерянным и одиноким, насколько это было возможно.

**Перевод с французского
Веры НАУМОВОЙ.**

Лилия ВІНОКУРОВА

Пока живу в

*свѣтящемся
мире...*

Сунтарская
сага

Отгремели летние национальные игры в Якутии, по всей обширной земле отцов разошлись участники и свидетели состязаний. Теперь несколько лет на встречах друзей, на разных соревнованиях будут вспоминать, сравнивать и заново переживать эти четыре дня. Четыре дня зрелищ, этого хлеба души, напоенных тревогой за своих любимцев, радостью их ярких побед или горечью несбывшихся надежд. В ритме этих дней и громкие крики торжества, и сдерживаемое дыхание тысяч людей, замерших над последними шагами несущего камень богатыря... Единый выдох сожаления или возглас ликования, когда – свершилось!

Возвышающим души дымом старых и новых легенд окутаны летние празднества якутов... Трепетно относятся к мастерам вольной борьбы: как песню собственной юности вспоминают искрящийся стиль борьбы Александра Иванова, заморский успех опередившего свое время Иллариона Федосеева, триумф навсегда взошедших на Олимп якутских парней Романа Дмитриева и Павла Пинигина. Но почитают не только борцов. Помнят и поименно называют каждого, кто однажды уже подарил землякам восторг вырванных у земного притяжения сантиметров, килограммов или секунд. С волнением и с любовью люди вглядываются в лица молодых, чьи имена еще непривычны для слуха, но уже прогремели на всю республику.

И все, победившие и уступившие сегодня, их болельщики, друзья и соперники предвкушают будущие ристалища. Ведь игры – это нескончаемый поход от ожидания к соучастию, потом снова к мечтам и ожиданию. Смысл и соль древних игр не только в выявлении самого-самого, не только в подвигах удали и силы. Они – память предков, живое биение сердец ушедших и грядущих поколений, неумирающая мечта якутов о летящем беге, крылатых прыжках и несокрушимых борцах.

С таких игр уезжают не только с ворохом впечатлений от противостояний и схваток. Увозят с собой волнующее ощущение общности душ, запахи вечерних костров и праздничной еды, голоса старых и новых друзей. Долго будет сниться потом дорога, с бесконечными разговорами о родной земле, об ее прошлом и будущем. Будут помниться реки и переправы, белые ночи, громадные круги танцующих оһуохай, гостеприимные села и приветливые лица. Благословенные игры, благодатное лето якутов! Кто еще может так праздновать, так радоваться короткой жаре, чистому небу, нестесненному холодом дыханию? Только край, где битва за тепло и жизнь – все остальное время.

Край мой северный, живущий не хлебом единым, берегущий не рассыпанную до конца бисерную нить времен... В каж-

дом улусе, над каждой Рекой, возле каждого Озера у потомков древних родов – своя сокровищница преданий и легенд. Помнят еще, рассказывают, передают детям, друзьям и знакомым. Сколько их по всей Якутии – рассказов о полумифических предках: мудрецах и воинах, богатырях, скороходах и волшебных кузнецах, сказаний о роскоши и изобилии древних пиров, о силе и мужестве прародителей!

Слушаешь нестареющие предания и внезапным откровением высвечивается юность якутской души. Она встает тебе навстречу – светлая, бессмертная – из черных низеньких юрт, из беспощадного состязания предков с лютой стужей и иссушающим зноем. Сколько же в людях невероятной внутренней силы, сколько жажды красоты... В полутьме камельков и мерцающих лучин, в холодной тесноте, пахнущей домашней скотинкой, за изнуряющим трудом от темна до темна – родил же народ цветистый, чарующий эпос! В нем сияющий мир совершенства души и тела, вечное превосходство добра и правды, неизбежность плодоносного лета. Зашифрованный в олонхо код жизни якутов до сих пор не разгадан. Сокровенным благословением, источающим почти непонятную благодать, невидимым пением на стыке сумерек и зари все еще живет золотое старинное изустное Слово...

Такая щедрая, такая юная душа якутов! Рожденная на бедной вроде на краски и чувства, скупой на живое земле, она – всегда влюбленная, ожидающая только счастливых исходов и продолжения жизни. Поэтому рядом с величественными песнопениями о подвигах и славе – столько историй любви. Только якутский Ромео, легендарный Лоокуут, смог вернуть к жизни любимую – силой непримиримой тоски. А бесстрашный заступник Манчаары был схвачен без боя, потому что пришел безоружным – любоваться Прекрасной Марией... Тысячу раз слышала про "бесчувственных", живущих на стылой земле, не ведающая тонкостей изощренной души! Промолчу. Потому что знаю, как здесь могут любить, как могут чувствовать и ценить животворящую Женственность и Любовь.

С прошедшего лета, с сунтарской земли остался на память дорогой сувенир. История любви, между делом рассказанная человеком, хранящим старые слова о давно минувшем. Теперь, переданные мне, эти прошлые дни вдруг заговорили, наполнились красками, запахами и болью только что случившегося события. И пока живу в светящемся мире, как услышу музыку характерного говора, снова будет во мне звучать этот рассказ.

...Стояла ранняя весна. Еще только трогаются первые робкие почки, еще только готовы взорваться цветением всего жи-

вого леса и луга. Лед на якутских реках, истонченный по краям и поверху, синее в глубоких промоинах, громко ухает и расходится трещинами. Распутица, ежегодное непролазное бездорожье – и пеший, и конный старается выбрать путь не прибрежный, а окольный, высоким лесом или горами. Кто в это время гонит к реке, кто так погоняет уставшего коня? Отчаянный всадник – женщина.

Силы уже на исходе – часто и шумно дышит, пот струится по вискам с прилипшими завитками волос. Но она продолжает гнать коня, поводящего запаренными боками. В глазах – упрямство. Эта женщина не остановится, будет идти, пока не упадет. Что за сила ведет ее, какая нужда гонит по весеннему лесу? Неужто нужда? Слишком нарядно одета, седло и сбруя у коня дорогие: так не голодают, таких не отправляют гонцами беды. Очень молода и даже в предельной усталости красива – божественные духи не поскупились, когда отпускали на белый свет этот вздох своего изумленного восхищения...

От нее дети и женщины не могли отвести своих глаз, что говорить о мужчинах, в которых кровь ходила горячими толчками! Бессонные мечты и неземные желания рождались от одного ее взгляда, невеселой легкой походки, от звуков голоса. Вроде все как у всех, но другие были просто красивы, а она появлялась – мучительно ярким видением твоей сокровенной тайны. Так смотрела, поворачивала голову, улыбалась, скользила рядом, что неудержимо хотелось видеть и слышать, петь и плакать одновременно, ощущать себя уже умершим от счастья и потому навсегда бессмертным...

* * *

На свадебное торжество выводили привезенную с великим бережением богатую убранную невесту. До этого мига никто из чужих ее не видел. Теперь же знатный купец Архадай, в миру Степан Архадаев, показывал родичам и гостям свое последнее приобретение. Хороша была молодая – и через сто лет с придыханием рассказывали, как лучились на солнце золотисто-карие глаза, смущенно приоткрывались в улыбке розовые губы, нежно светились точеные скулы. Словно ожившая сказка, плыла она навстречу праздничной толпе и волновались в такт белому иноходцу черные косы, свисавшие до стремени...

Что ж, действительно редкостную добычу отхватил предприимчивый Архадай. Крепко скроенный черноусый богач не был ни разу женат. Все недосуг ему было, все некогда – отцовское богатство приумножал, имя себе делал на прибыльных подрядах. Зато теперь Степан Архадаев – желанный гость на всех больших торгах и в столичных домах. Богат он так, что в родном

улусе никто ему не равен, никто не смеет в глаза прямо взглянуть. Все имеющие взрослых дочерей давно мечтали породниться, слегка в душе побаиваясь крутого нрава молодого Архада. Отец и дед его тоже не были бедняками, но не были ни столь оборотисты и удачливы, ни столь резки и надменны.

Не глядел Архадай на хорошеньких роющих девушек, обходилась веселыми молодками, не ждущими венца, искренне радуясь его подаркам. Но прошлой зимой взял и попался, да как! Заехал он в дальний край, в отдаленный улус по делам, все быстро сделал, обо всем договорился и решил обернуться поскорей, не взяв провожатого. На обратной дороге где-то вздремнул ненадолго на саях, прикрытый медвежьей полостью. Проснулся, а лошадь везет по незнакомой совсем, по чужой санной колее, явно свернув с большой дороги вдоль реки.

Дело уже шло к вечеру. Хотел тут же остановиться и повернуть сани, но увидел, что вдоль колеи клочки сена лежат и не припорошены вчерашним снегом. Значит, рядом жилье, люди держат коров. Привстал, чуть поторопил лошадь и вскоре почуял запах дыма. И тут же услышал, что сзади его нагоняет нетерпеливый всадник. Оглянулся, несется гнедой конь и седок на нем худенький, мальчонка какой-то с белым маленьким лицом под мохнатой шапкой.

"Эй, нохоо! – крикнул Архадай. – Чье жилье это рядом?". "Доедешь и спросишь сам!", – звонко сдержил мальчишка, обходя санного по целине, не устаивая разговора. Купец рванулся с кнутом и сбил ловко с наглеца шапку. Рыжий лисий малахай падал в снег, из-под шапки раскручивались и летели темные косы...

Резко осаженный конь замер, остановившись, сверху вниз на Архада рассерженным взглядом смотрела девушка. И тридцатилетний богатей сошел с саней, чтобы поднять, стряхнуть и подать ей шапку. Даже что-то промычал виноватое, убей Бог, не вспомнить.

Всадница надвинула шапку глубоко и послала своего гнедого вперед, через мгновения исчезнув за поворотом дороги. "Сейчас доеду и спрошу, сейчас доеду и спрошу, сейчас доеду и спрошу", – стучало в голове Архада, пока он не повернул следом и не увидел круглый алаас с большим домом с пристройками. От озера с водопоя шла вереница коров, за ними ковылял мужичок в худой шубейке. Архадай привстал с саней и, приблизившись, громко спросил: "Эй, почтенный! Кто здесь хозяин, куда я заехал?". Мужичок в годах, с хитрыми глазами, ответил с поклоном: "Это родовая усадьба уважаемого человека, дом Семена Тинняха". Никогда не слышал Архадай этого имени, но переспросил: "А у хозяина есть ли дети?". Снова с поклоном:

"Хозяин сам в почтенном возрасте, а дочка единственная еще очень молода".

"Дочка еще очень молода... Молода для чего, что мелет старик? Девушка, которую я видел... пожалуй, ей нет и семнадцати. Слишком юное лицо, и глаза – бесстрашные. Такие бывают у детей, любимых и балованных. Ну не пятнадцать же ей лет, такое строгое, такое гордое лицо, лицо настоящей ... Госпожи. Хозяйки большого и богатого дома".

Архадай понял, что ему нужно сделать. Поэтому решительно подъехал к самой главной, украшенной резьбой коновязи у дома. Привязав лошадь, стряхнул снег с ног и вошел в дом. Дом был не богат, по его понятиям, но здесь и не бедствовали: все было приятным для глаз и уютным. Гудел камелек, вкусно пахло, на хозяйском месте сидел пожилой мужчина с острым светлым взглядом. Возились у огня женщины, в углу скрипела мельница для муки. Архадай скинул шубу и шапку, положил их у двери, как всякий гость.

"Рассказывайте, хозяева, добрые новости", – приветствовал он уважительным голосом старика. "Нечего рассказывать, у вас, уважаемый гость, какие новости?", – церемонно по обычаю ответил хозяин. Он продолжал сидеть, как будто в дом его зашел обычный гость, и это слегка задело Архадаю, уже привыкшего к боязливому вниманию.

Гость откашлялся, про себя ругнув старинные прадедовские обычаи все тянуть и нудно растягивать на весь вечер. Стал рассказывать, что ездил по своим делам и, возвращаясь, заснул в санях, лошадь его вывезла на боковую дорогу. Потому он на исходе дня оказался на усадьбе уважаемого хозяина и просит его извинить за беспокойство. "Гостям мы рады всегда, всякое в дороге бывает, и заснувшие гости заезжают", – вроде поддакнул старик. Архадай передернулся, но старик миролюбиво продолжил: "Ты, сынок, располагайся. Чай горячий попьем, отдохнем. Все равно до ночи до ямской станции не добраться. А завтра с утра раннего и поедешь".

Архадай встал, поклонился с благодарностью, окинув при этом юрту, нет ли девушки никакой поблизости. Заметил, что дверь из украшенной узорами бересты в девичью каморку есть, и она плотно закрыта. Если бы он мог проникнуть взглядом через дерево и бересту! Там ли она? Поймав насмешливый взгляд старика, Архадай отвел глаза от дальней стены и почтительно сказал:

– Вас, я слышал, Семеном Тинняхом величают. А по батюшке как?

– Отца звали Арамаан, следовательно, Семен я Романович. А тебя, молодой человек, как звать?

– Мое имя Степан Архадаев, я купец, – сдерживая гордость, сказал старику. Уди-

вился, что не дрогнуло в лице хозяина ничего. Не обрадовался, не испугался, не заинтересовался. "Дурак, что ли? Ему что, каждый день такие люди заезжают?" – неприязненно подумал Архадай.

– Давно у меня не было такого гостя. Купцов я с лета не видел, – улыбнулся, словно подслушав, старик.

– А что торговали те, летние?

– А у меня один товар. Все знают, у старика Тиннях золотая-серебряная драгоценность одна.

– И... сторговали уже? – выдавил из себя Архадай.

– Не-а.

– Что, цену не ту назвали?

– Да нет, товар еще в лета свои не вошел.

– Так можно пока по рукам ударить, а окончательно позже...

– А я не тороплюсь

– Может, почтенный отец, торговались неравные вам по крови и чину?

– Кровь у всех одна – красная, и чины любые можно выслужить. Я особо и не смотрел. Что смотреть на разряженных молососов, неизвестно, выйдет ли из них мужчины еще.

– Это вы правильно! Разговаривать нужно только со зрелым, состоявшимся мужчиной.

– Ну, это как бог даст. Дочь всего одна – свет моих глаз.

– Сколько же ребенку вашему?

– Восемнадцатая весна придет...

– И как зовут дитя драгоценное?

– Анна.

Чуть скрипнула резная дверца. Показалось, свет от камелька стал ярче и искристее – девушка в простом сером платье, стройная как тростинка, подошла к отцу: "Звал меня?". Равнодушно скользнула взглядом по богатой одежде и напряженному лицу гостя. Архадай и забыл, когда так волновался в последний раз. Сердце заколотилось, будто мимо рук пролетал тысячный подряд, словно на пиру слишком медленно к нему плыла почетная золотая чаша и рождалась мысль, что могут и обнести...

Дрогнули серьги в ушах девушки – наклонилась она к старику, понюхала его в висок.

– Я сегодня к той речке ездила на Гнедом, проверила твои ловушки. Пока ничего, отец.

– Рано еще, дочка. Вот гость у нас. Человек торговый, случайно заехал, лошадь завезла...

– Я видела след, где сани свернули. Возница, видимо, спал, лошадь сама везла...

И улыбнулась одними губами, мельком глянув на гостя. Не то посмеялась над ним, недотепой, не то поддержала его правду, а

он все равно зарделся. Давно не краснел, а тут – как мальчишка. Тьфу ты... А девушка еще раз посмотрела своими светлыми, смелыми глазами, как будто в самую душу вглубь посмотрела. И ушла за камелек, гибкая, с косами ниже колен, такая вся легкая и прозрачная.

Архадай встал, оделся и вышел во двор. Лошадь была уже распряжена, почищена и отдыхала в загоне за домом. Вытащив из саней дорожную сумку, вернулся в дом. На столе сверкал красивый самовар, были выставлены вкусные даже на вид вещи – свежая лепешка, взбитые сливки, вареная жирная зайчатина, масло, ягоды. Степан выставил редкость в таежных домах – кулек со цветными сахарными конфетами, бутылку водки.

Хозяин усмехнулся, мужчины приступили к еде. Из домашних присоединилась только пожилая женщина с приятным, полным достоинства спокойным лицом. Она к водке не притронулась, попила чаек, внимательно слушая разговоры и присматриваясь к гостю. Старик оказался веселым собеседником. Разговор пошел о хозяйстве, о прошлом сенокосе, об охоте и запахах, о видах на будущую весну. Потом, как водится, перешел на старину, на предков, на родню. Архадай пригубливал, не пьянея, внимательно нанизывал на память все, что слышал. Старик Тиннях не сильно богат, но и не беден: у него немалое стадо коров, небольшой табун в лесу. Прислугой и помощниками не обижен, все не хуже людей, на усадьбе мир и спокойствие. Дочка одна, но выросла такая, что уже год-два все ближние и дальние соседи в сватья просятся.

Красива, потому что мать была хороша. Так хороша, что молодой тогда Семен упросил своего отца, разбогатевшего к старости Романа Тиннях, разрешить жениться на дочери бедняка. Отец сначала противился, но увидев будущую невестку, сдался: "Женись. Иначе потом во сне будет приходить такая красавица". Так Семен женился. Работал, не покладая рук. Жена умерла год назад. Вот и вся жизнь. И радость у старика одна – дочь ласковая, такая дочка шустрая, что много сына обойдет. На лошадях верхом ездит, из ружья метко стреляет. Толковая девушка, сообразительная, в лото и карты отца обыгрывает. Счет и грамоту знает – две зимы отец кормил грамотея из церковных служек.

Архадай сбежал во двор по нужде, по пути заскочил в коровник, нашел давешнего мужичка, пошептался быстро в углу, сунул тому нечто в руку и вернулся к столу. Хозяин и гость сидели долго и очень оба довольные отошли ко сну.

Наутро к раннему чаю забежал в дом мужичок, приглядывавший за скотиной во дворе, горестно сообщив, что сегодня запрягать гостю нельзя. Архадай посокрушался, сходил посмотреть на захворавшую

лошадь. Вернулся к хозяину сказать, что вынужден еще попользоваться его гостеприимством. Старик Семен только руками развел. Скоро встала девушка, вышла, удивленно глянула на задержавшегося гостя, приподняла косы, переступая высокий порог, и прошла в пристройку для прислуги. Там послышался оживленный разговор молодых голосов, звонкий девичий смех.

...Старик Тиннях в раздумьях провел весь день. Непростой гость у него задержался, второй день сидит. Как же, наслышаны. Вся тайга за Рекой знает Архада, удачливого купца и оборотистого подрядчика. Об его богатстве и торговой славе ходят слухи не первый год. Из себя видный, статный мужчина в самом расцвете сил. В тридцать лет Семен себя юношей чувствовал. Это теперь ему седьмой десяток и вдруг стали ноги слабеть. Не нравилось это Тинняху, он знает, как умерли отец и старший брат: оба без долгих болезней, только на беспомощность вдруг ослабших ног и жаловались. Если его не будет, кто позаботится о дочери?

Она родилась, когда ему было за сорок, последним ребенком, хрупким утешением после долгих слез... Старый Тиннях помнил тревожную радость, когда дочка впервые пошла своими ножками. Помнил, как у нее выросли первые зубы, как стала говорить, сладким лепетом розовых губ наполняя звуком и смыслом ранее пустынный дом. Потом у нее отросли косички, она вытянулась в тоненького длинноногого подростка. Стала бегать на лыжах, затем охотиться, ездить верхом, несмотря на все слабые запреты и просьбы не гонять на резвых иноходцах.

Разве ей что запретишь? Как посмотрит своими распахнутыми чистыми глазами – хоть луну с солнцем с неба снимай... Была бы лестница, да повыше, Тиннях ей и звезды бы достал, лишь бы дочка была счастлива. Говорят, счастье женщины – в хорошем муже. В таком случае его дочь достойна лучшего мужчины в мире – сильного, знатного, богатого. Такого, как знаменитый Архадай. Такой сумеет защитить жену от любых невзгод, обеспечит ей жизнь в тепле и неге. У богача нет ни братьев, ни сестер... Как он смотрит на Анну! Будто хочет съесть целиком, вместе с ситцевым платьем и с косами. Пожалуй, он не будет обижать его дочь, разве можно обидеть Анну? Это невысказано. Хорошо бы, если дочери он приглянулся. Женой самого Архадаева дочь войдет в могущественный и богатый круг. А что? Она и родилась, чтобы стать влиятельной госпожой, недаром так красива и умна. Дай бог, одного из сыновей назовет именем отца и снова Семен Тиннях вернется в этот срединный мир...

Назавтра лошадь не совсем понравилась, решили до обеда подождать. Хозяин вежливо предложил свою подводу с прово-

жатым. Архадай понимал, что оставаться на третий день неженатому мужчине в доме, где невеста, просто нельзя. Нужно решиться и поговорить с хозяином дома. Ходить вокруг да около он не любил и на торгах: брал или отказывал сразу. Тут вдруг забоялся, и почти забытое чувство неуверенности, какой-то страх внутри удивили самого Архада.

С чего начать? Никогда никого не просил ни о чем! Даже в ранней своей молодости. Чаще отбирал, а потом отдавали сами. Сейчас у него торговые лавки в трех городах, деньги в банке, на приемы губернаторские приглашают. Когда отец умрет, останется в просторном доме Степан Архадай один. Пора обзаводиться наследниками. Не делать же их на стороне?! Нужны свои, законные, кто продолжит его дело, унаследует его имя и богатство. И эта девушка – лучшее, что он когда-нибудь видел. Она родит ему сильных и красивых детей, сыновей, конечно.

Старик Тиннях не бесштаный бедняк, выглядит человеком разумным. Отказываться от такого зятя, как Степан Архадаев? Архадай уплатит калым – любой, какой у него попросят. Он сможет заполнить всю эту усадьбу, весь этот алаас гривастыми выгулянными конями, упитанной рогатой скотиной, богатым обозом с тяжелой поклажей. Денег у него хватит, чтобы выкупить одну тоненькую девушку с двумя косами и еще останется.

Он согласен подождать до весны, пусть ей исполнится восемнадцать. Летом повенчаются в нарядной церкви в его родных местах, на которую Архадай ежегодно щедро жертвует золотом. Она станет госпожой в его доме, матерью его детей... Нужно уговорить старика!

* * *

Плыла в теплом воздухе праздника белая лошадь под серебряной упряжкой, вся нарядная, с расшитыми чепраком и ковриками по бокам, стремени и те кованные с серебряной насечкой. И смотрела с невестинского седла на собравшихся красавица восемнадцати лет, смотрела так, как смотрят только в этот день – будто вымолить себе хотят счастье на всю длинную жизнь, будто высмотреть хотят всю свою женскую судьбу...

Высмотрела. В одиночку, поодаль от вереницы встречающих, стоял высокий парень в светлой рубашке, плечистый и стройный. И глядел на невесту странно: не то с немым вопросом, не то с укором. Девушка в драгоценных мехах, с уже открытым лицом, сама долго не могла отвести от него глаза. Лошадь под ней, невольно повинаясь взгляду хозяйки, плавно повернула к этому стоящему в стороне от толпы парню. Будто невеста собралась с лошади ступить ногою на его колено, приземлиться возле

него! Стремянный из свадебной свиты спешно перехватил поводья, направляя бестолковую лошадь туда, где стоял нарядный и гордый Архадай, только что объявленный мужем. Девушка обернулась, краснея от собственной смелости. Лошадь будто нехотя про двигалась все ближе и ближе к праздничной медной коновязи...

Начался свадебный пир. Были состязания бегунов и борцов, были прыжки и стрельба из лука. И все победы, все призы и восхищение гостей собрал тот парень. Люди громко выкрикивали и славил его по имени – Кэрэмэс. После каждой победы он мельком оглядывался на главный стол, где рядом с мужем сидела госпожа Архадаева. Встречались на миг взглядами, она опускала глаза.

Никто ничего не замечал. Мужчины ели и пили, были заняты разговорами и спорами, ставками на состязаниях и непременно на пиршествах похвальбой. Женщины неустанно сравнивали наряды и украшения, девушки рассматривали парней, парни – девушек, все переглядывались, перешептывались, пересмеивались. Радостный бессвязный гул, сияние взглядов и улыбок, скрещение будущих и прошлых судеб – извечное смешение суеты и великолепия на многолюдных якутских праздниках. Только зоркие старухи что-то увидели, что-то уловили в звенящем воздухе, но смолчали, не смея угадать вслух, что происходит.

Счастливый Архадай, казалось, оглох и ослеп, откликаясь лишь на свое имя и обращенные к нему поздравления. Принимал подарки и пожелания, кивал головой, сиял лицом, временами искоса поглядывая на сидящую рядом жену. Та ни разу на него не взглянула. Казалось, она не слышит ни одного слова, не видит ни одного гостя. Кроме одного-единственного, скинувшего в пылу борьбы рубашку с крепкого тела. Парень был как молодой лось, впервые ввязавшийся во взрослый бой, пьяный от собственной силы, неудержимый в желании победить. Все женские восторги, все девичьи глаза – были его. И мимолетная тень улыбки на губах жены хозяина праздника...

Потом была ночь. Закрыв глаза, Анна молча вытерпела все ласки дождавшегося Архада. Под утро ей приснился тот парень – смотрел, смотрел, вздохнул и ушел по дороге. Она окликнула его и проснулась. Рядом, раскинувшись сильным телом, спал мужчина с довольным лицом. Осторожно выскользнула она на тишину раннего утра. Ни души, вдоль всей рощи – теплое марево рождающегося летнего дня. Спят сытые собаки, где-то далеко переговаривались пастухи. Молодая женщина быстро прошла за березы: от них поворачивали на дальнюю дорогу. К ней и шел человек, ведя под узды большого серого коня. Вот оглянулся и остановился.

– Я знаю, тебя Кэрэмэс зовут.

– Да, а тебя – Анна...
 – Ты уходишь домой?
 – Пора. Старика Архадаева я поблагодарил за приглашение и гостеприимство, а молодому, думаю, до меня дела нет.
 – А где ты живешь?
 – Мы из рода Бега, за Рекой живем, до дома целый день добираться. Зимой лучше – я сюда часто приезжал...
 – А приедешь еще?
 – Если будешь ждать...
 – Буду.
 – Ты... Это... У меня такое чувство, будто это я должен был на тебе жениться. Вчера...

– Да. У меня тоже.
 – Слушай, а...
 – Нет.
 – Ну, мне в путь. До встречи.

Прошло мимолетное якутское лето. Осенью Кэрэмэс стал приезжать к своему другу кузнецу, жившему в трех верстах от усадьбы Архадаев. Кузнец отправлял мальчишку на усадьбу с поручением, тот передавал молодой хозяйке какую-нибудь безделицу – то игольницу, то пуговку кованую. И всегда к ним был ниточкой привязан листочек брусничным с ягодкой. Анна под разными предлогами уходила из дому, шла к роще, через нее на поляну со стогом.

Протягивали руки друг другу, встречались ладони... Они обнимались и забывали обо всем на свете. Так бывает! Слышать друг друга без звука и слова, вдыхать родные запахи, чувствовать все движения и читать мысли, как ясновидящие... Было ясно: великими светлыми духами предопределено – быть им вместе. Потому она не могла законному, венчанному мужу даже на поцелуй ответить, не то, чтобы приласкать или понести от него дитя.

Архадай жену любил. В ее присутствии даже нрав его крутой утихал, становился мягче. А по ночам, лаская прекрасное тело жены, он был просто счастлив. Холодность и сдержанность Анны относил за счет неопытности и юной гордыни. Все ей прощал. Никак не мог забыть ту девочку, которая заставила со снега шапку поднять и смотрела сверху вниз глазами госпожи. Так хотелось, чтобы молодая жена побыстрее родила. Чтобы кормила грудью, смотрела любящими глазами, качала и пела бы колыбельные песни его, Архадаев, ребенку. Может, и ему бы стала улыбаться, а не просто отвечать на вопросы.

Порой Архадаю становилось не по себе. Он даже попытался ей как-то робко попенять и встретил такой взгляд – холодный, отсекающий, что не закончил свои слова. Махнул рукой и вышел из дома, оставив ее сидеть на постели с отсутствующим лицом. Но когда возвращался из поездок, когда спешил ее обрадовать каким-нибудь подарком, привезенной издали диковин-

кой, ничего не было дороже, чем увидеть ее глаза, услышать голос.

... А сейчас Архадай стоял на берегу возле брошенного изнуренного коня и смотрел, как бежит женщина, перепрыгивая со льдины на льдину. Бежит, как загнанная волками олениха, безоглядно, безрассудно, гонимая одним желанием убежать... Льдины бесшумно двигались вдоль берега, кружа голову медленными плавными изгибами обманчиво цельного полотна. Он смотрел на отчаянные прыжки женщины, видел, как мечется и взлетает гибкое тело. Это от него она уходила, от мужчины, которого ни разу сама не обняла, не поцеловала. Ни разу не назвала "милым", даже по имени не позвала. Только позволяла себя целовать, всегда закрывая глаза и незаметно, как ей казалось, вздыхая.

"Все бросила, ничего не взяла, даже из своего приданого... В чем стояла, в том и убежала, как только услышала, что муж пригласил шамана камлат на беременность... Говорят, вышла, оседлала коня и погнала. Когда не вернулась к полудню, только тогда и осмелились ему доложить. А если бы раньше сказали? Догнал бы. Скрутил бы, привез обратно. И продолжал бы любить?!"

По ночам так хотелось ответного нежного слова, какой-то приязни. Хоть бы по голове погладила однажды. Как каменная кукла, неживая кукла со вставленными глазами желтого цвета. Ненавижу!

А как меня она должна ненавидеть, чтобы так – по ледоходу кидаться через реку?! Если смерть в ледяной воде не пугает, что ее может остановить? Эту женщину не вернуть..."

Рядом с хрупкой фигуркой вдруг вздыбилась льдина, обнажив черную земляную изнанку. Сейчас обрушится с грохотом и поглотит беглянку, сейчас эта тонкая тень на движущемся льду навсегда исчезнет! Нет, спрыгнула на следующую, снова бежит.

– Не догонять! – Архадай взмахнул плеткой на парней, спешивших с коней и скидывающих верхнюю одежду. Те недоуменно посмотрели на хозяина, еще несколько мгновений назад погонявшего в злом нетерпении.

– Молодцов таких, как вы, не хочу на реке терять. Ради какой-то бабы...

И не признался, что даже сейчас, когда убегала от него как от бешеного, он не смог бы видеть, как тонет, уходит в черную щель ледохода эта женщина. Пусть бежит – не любящая, оскорбившая его! Но пусть останется живой, пусть завтра откроет свои солнечные глаза...

* * *

Вернувшись домой, узнал, что жена не от него убежала. А ушла к любовнику – Кэрэмэсу Бега, недавно окрепшему сопляку

лет двадцати с небольшим, живущему как раз за Рекой. Не голь перекатная Бега, но и не богачи, куску белого хлеба рады по весне. И такая птичка к ним сегодня прилетит – жена самого Степана Архадаева. Архадай сжал зубы, чтобы не взвыть. Только бы не закричать! Не дать вырваться ослепляющей ярости, могущей сокрушить дом и домочадцев...

Слуги попрятались по углам, отец и тот глаза опустил. Это он, старый Архадай, пригласил прошлым летом на свадебный пир юношу по имени Кэрэмэс. Он и вручал от имени молодых ему подарки, хлопал по плечам и спине, славословил и благословлял. И этот парень украл у его сына жену. Как удалось вытрясти из перепуганной прислуги, что-то было уже с зимы. Анна, невестка, с белым нежным лицом и таким приятным голосом, вроде на свидания к этому Кэрэмэсу бегала. Стыд и позор какой! Слово сына, Степана, было ей мало...

Ночь просидел у тлеющих угольков костра возле рощи Степан Архадаев. С рассветом вернулся в дом. Лицо как деревянное, около рта – глубокие морщинки, взгляд стал пустым и старым. К приезду приглашенного шамана приказал накрыть богатый стол, как и собирались. Шаман, именитый и грозный, прибыл. Спешился на руки слуг за изгородью, молча вошел во двор, и остановился как вкопанный.

Чтобы тихо сказать: "Самка горностая, беленькая с черной отметиной, драгоценная мехом и пугливая нравом, вся гибкая и чуткая, ушла отсюда. Не стала жить в теплой берлоге медведя, ушла к молодой рыси – вместе резвиться-охотиться, вместе по лиственницам зеленым прятаться... Не пойму я, зачем меня потревожили, зачем с теплого места сорвали? Ушла отсюда та, которая здесь никогда и не жила, не пахнет ею ни во дворе, ни в доме. Здесь ни одна вещь ей не дорога, ни один человек не близок. Дыхания даже не осталось, только волосок один, черный и длинный, на шелковой подушке с изнаночной стороны зацепился...". Шаман повернулся, чтобы уйти со двора.

"Почтенный старец! Удели своего милостивого внимания! Полвзгляда твоего прошу", – на глазах всей челяди надменный богач Степан Архадай медленно опустился на колени. В сгустившей тишине шаман медленно обернулся и посмотрел в глаза мужчины. Долго смотрел. Резким ветром выдуло все тепло со двора, замерли люди, горестно застыл седой отец.

... В тишине безлюдного дома камлал шаман. Громко, исступленно пел, призывая своих помощников – просил проводить его в трудную дорогу. Верхом на ожившем тринадцатирогом бубне улетал он из мира людей... В далеких даялах, в необозримых человеческим глазом слепящих просторах, в завораживающих провалах черных пустот

великий шаман испрашивал исполнения просьбы Архадая. Грозные силы переговаривались между собой, толковали и торговали ей цену. Добрые духи заплакали в голос, стали биться с темными, но слово уже было сказано: коленопреклонная просьба мужчины устами шамана была доведена до слуха всемогущих.

И была эта просьба такой, что наутро с постелей своих не поднялись старики, за немогли беременные по всей округе. Весенний лес окрест замерз, покрывшись черным инеем погибших почек. Понуро перелетали серые птички с ледяных веток. Было зябко и сыро. Вместо весенней капли свистел холодный ветер. Он-то и принес в какую-то из темных юрт скользкую весть: сбегавшая жена Архадая, красавица Анна, прошлой ночью сошла с ума.

... Не узнавала Анна никого – ни любимого, обнявшего вчера у порога, ни родичей своих, спешно прибывших из отцовского дома. Смеялась Анна и отшатывалась от любого, кто к ней приближался, или вдруг начинала бегать вокруг дома. Хохотала, начинала плакать в голос или петь. Через девять дней замолчала, только все равно никого не узнавала. Все собиралась куда-то бежать. Убегала к реке, в глухой непроходимый лес. Держали Анну в построенном для нее деревянном домике в ближнем лесу. Тишина. Редкие прогулки, если приходил родственник – высокий, быстроногий, только он и мог ее догнать. Так продолжалось три года...

Однажды летом в душный жаркий день Анна вдруг прекратила расчесывать длинные косы, подняла голову, осмысленно оглядела убогий домик и спросила: "А где Кэрэмэс?". Женщина, пришедшая в тот день ее покормить, от неожиданности замерла, но смогла пролепетать: "Будет позже. На рыбалке сегодня, хотел тебе рыбки добыть свежей". "Пусть придет, я хочу его видеть", – спокойно сказала молодая женщина, не потерявшая в болезни красоты лица и голоса.

К полудню грянула сухая гроза, пронесла тучи пыли с песком и известие – ушел тот самый старый знаменитый шаман. Проклятие, озвученное его губами, умерло с ним. Спокойная и тихая затворница вернулась в дом, куда прибежала весенним днем три года назад. Когда Кэрэмэс, ставший зрелым мужчиной с грустным взглядом, зашел во двор – навстречу к нему вышла Анна.

– Что-то ты задержался, друг мой, – пропела она с улыбкой.

Кэрэмэс, выронив тальниковую корзину, полную серебристой рыбы, в упор посмотрел в любимое лицо подруги. Потом подошел, обнял ее и заплакал.

Они жили до глубокой старости и умерли вместе. Остались дети и внуки, правнуки же расселились по всему просторному

краю. И нет-нет да появляется в их роду то невиданный силач, то редкая красавица. А еще там рождаются смелые и остроумные мужчины, способные растопить ледяные преграды, покорять самые невозмутимые женские души. Они наделены наследным даром любить и в ответ быть любимыми. Бродит в их крови шалым самородком золотой огонек, зовущий сквозь холод и грязь к цветущим берегам... В отличие от тех, кто рождается сразу скучным и старым, эти люди умеют услышать волнуемый шепот вечной весны в суетливом грохоте буден.

Любовь, слепая и нерасчетливая, однажды настигает их – в юности или в зрелости, в пору молодых порывов или в золотые годы перед закатом. Они влюбляются – до головокруженья, до темного неистовства. Любят, как могут любить только настоящие мужчины – от первого взгляда до сомкнутых сладких объятий, до самозабвенья, до горьких и светлых отметин в неустрашимых сердцах...

Светом этой любви и живет земля якутов. А иначе как пережить нескончаемые зимы с усыпляющей темнотой? Как песни спеть немеющими губами? Согреть замороженную землю, дожидаться на ней гремящих весенних дождей? Рожать и растить ясноглазых детей? Только ликующей памятью лета, только ожиданием звенящей радости идущих навстречу друг другу мужчины и женщины.

